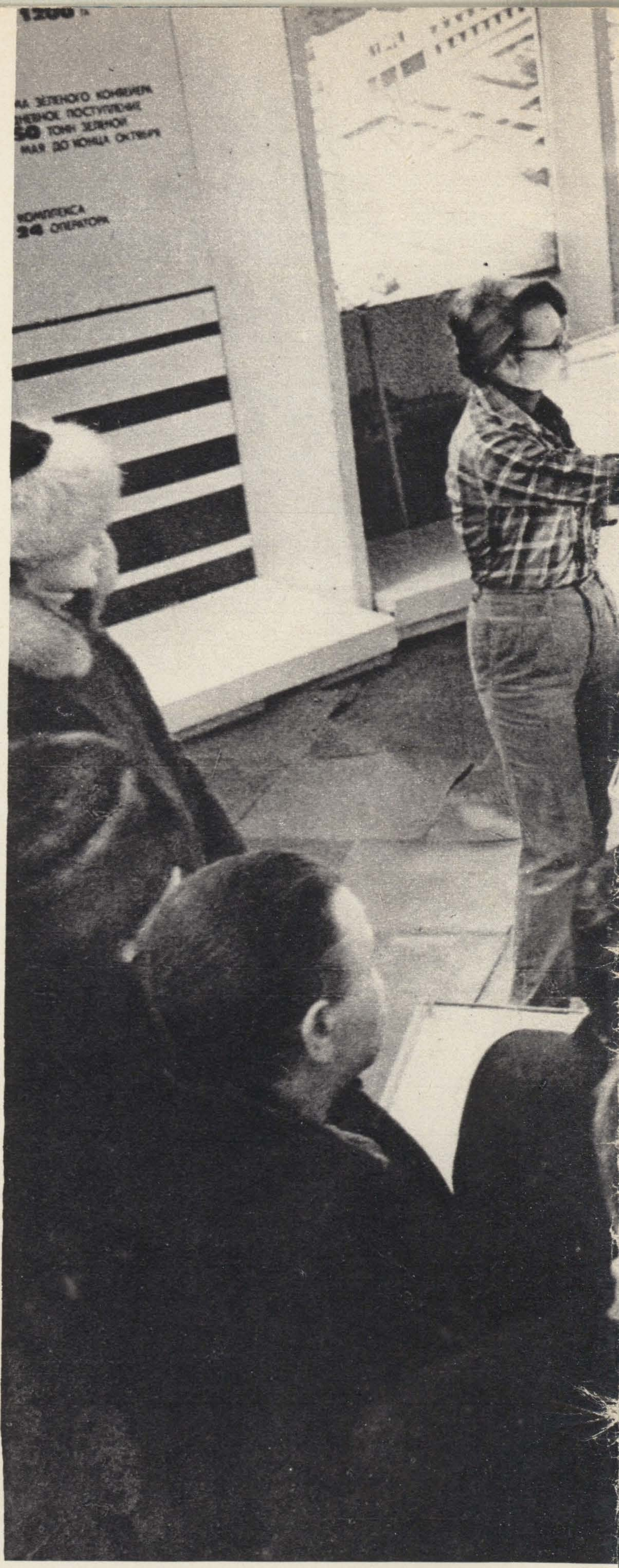

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 4 ЯНВАРЬ 1980

Ася Хасянова, главный агроном колхоза «Ургинский».

К О Л
СУДЬБА

РЕПОРТАЖ
С ТЕМАТИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ
«50 ЛЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ПЕРЕУСТРОЙСТВА ДЕРЕВНИ»

Н. БЫКОВ

Фото Н. ДАНИЛОВА

Велико народное хозяйство СССР, велики его достижения. Потому так много посетителей на ВДНХ даже зимой, в пору, казалось бы, «несезона» для любознательных паломников столицы. Ежедневные экскурсии определяют ритм всесоюзного парада передового опыта и круг интересов работников выставки. Привлекает и музейная тишина в павильоне, где вот уже несколько месяцев разместилась тематическая выставка, посвященная юбилею колхозного строя. Алые транспаранты с мудрыми предсказаниями В. И. Ленина, увеличенные газетные полосы с декретами давнего прошлого, портреты вожаков деревни, вздыбленной и повернутой на иной исторический большак, яркая и с любовью организованная экспозиция — все это возвращает посещающих выставку к 1929 году — году «великого перелома», точке отсчета всех последовавших за ним социальных преобразований в деревне.

Идейная ось, вокруг которой как бы поворачивается вспять колесо отечественной истории,— это вынесенная эпиграфом к тематической выставке мысль Владимира Ильича Ленина, высказанная им со всей определенностью в статье «О кооперации»:

«...раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения».

И золотом подпись: Ленин.

А вот история (в цифрах и фо-

Продолжение см. на стр. 4.

Карта страны — новые аграрно-промышленные комплексы.

Х О З –
МИЛЛИОНОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2741)

19 ЯНВАРЯ 1980

АЛЬЯНСЫ НЕФТЯНОГО БИЗНЕСА

Леонид **КОРЯВИН**

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Огромный резонанс во всем мире вызвали ответы Леонида Ильича Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда». Зарубежные средства массовой информации, представители общественности, широко комментируя ответы, отмечают огромное значение данного в них глубокого анализа наиболее важных и острых международных проблем. Мировая печать, радио, телевидение указывают на последовательность и принципиальность ленинского внешнеполитического курса, который осуществляет на международной арене Страна Советов.

Большое внимание в ответах Л. И. Брежнева уделяется событиям в Афганистане. Как известно, противники мира и разрядки пытаются сегодня спекулировать на них, нагромождать горы лжи вокруг этих событий. Империалистическая, а также пекинская пропаганда сознательно и беззастенчиво пытается искажать роль Советского Союза в афганских делах.

Реальное же положение дел показывает, что именно силы империализма вместе с пекинскими гегемонистами осуществляют вмешательство во внутренние дела Афганистана. Это они плетут сети заговоров в районах Ближнего и Среднего Востока. Это они направляют туда армады своих военных кораблей, усиливают свое военное присутствие.

Империализм быстро среагировал на появление ближневосточных и средневосточных нефтяных клондайков. Сейчас, когда в политическом и военном лексиконе стали часто употреблять термин «силы быстрого реагирования», надо заметить, что он не нов и имеет свою историю. С первого же дня, когда в Аравии и тогдашней Персии забили нефтяные фонтаны, к ним устремились империалистические «силы быстрого реагирования». Вначале это были авантюристы-одиночки типа английского предпринимателя Нокса д'Арси, английского майора Хелмса, небольшой отряд английского лейтенанта Рейнолдса — этот прообраз сегодняшних империалистических армад, нацеленных на революционный Иран. Затем появились сильные мира нефтяного бизнеса, объединенного в могущественные корпорации — Детердинги, Гюльбенкяны, Рокфеллеры. Это адмирал «холодной войны» Уинстон Черчилль считал, что у английского флота и армии должен быть один главнокомандующий — его превосходительство большой бизнес, главным образом бизнес нефтяной. Полем же боя для него должны стать атакуемые империализмом нефтяные поля Ближнего и Среднего Востока.

Так армии империалистических стран объединились с монополистическими концернами в единый альянс, цель которого заключалась в том, чтобы нещадно грабить чужие ресурсы, нещадно эксплуатировать чужие народы.

Если взглянуть на стратегическую карту Ближнего Востока и прилегающих к нему районов, то никогда еще она не пестрела таким множеством объектов империалистического, главным образом американского, военного присутствия, как сегодня. 6-й флот США, дислоцированный в Средиземном море, а также оперативная группа американских ВМФ в Индийском океане как бы взяли в клещи нефтяные поля Аравии, района Персидского залива, Ирана. Соединенные Штаты уже не ограничиваются военными базами на островах Масира и Диего-Гарсия. Они стремятся расширить свой арсенал в районах Омана, Сомали, Саудовской Аравии и Кении. Не случайно в ближайшее время, как признало министерство обороны США, туда направятся специальные миссии, которые поведут переговоры об «аренде» определенных территорий, где американские военно-инженерные силы возведут или расширят уже существующие взлетно-посадочные полосы и другие военные объекты. В Вашингтоне не скрывают, что уже конкретно решают вопросы о размещении в этих странах американских войск и боевой техники, а газета «Вашингтон пост» признает, что усилия Пентагона — лишь часть более широких американских планов, призванных обеспечить «постоянное военное присутствие» США в районах Персидского залива, Аравийского моря и Индийского океана.

Из Вашингтона поступают сообщения, что администрация США разрабатывает новую стратегическую доктрину, цель которой сводится к развертыванию борьбы с силами прогресса и национального освобождения. Никогда еще со времен второй мировой войны США не разворачивали у чужих берегов такую огромную морскую армаду, какая бороздит сегодня воды Персидского залива, Красного и Аравийского морей, Индийского океана. Вашингтон сосредоточил в районах, прилегающих к Ирану и Персидскому заливу, мощный бронированный кулак. Он создан как против иранской революции, так и против других национально-освободительных движений, вспыхнувших в последнее время в этом районе. Мощный рост антиимпериалистической борьбы в странах Ближнего и Среднего Востока вызвал прилив злобы и ненависти в стане международной реакции. Именно эти реакционные силы обострили там обстановку с тем, чтобы сохранить за собой районы Ближнего и Среднего Востока в качестве богатейшей «нефтяной кладовой», важного стратегического рубежа с империалистическими бастионами передового базирования.

Естественно, что в альянсе с американской военщиной и империалистическими монополиями действуют пропагандистские институты США и других западных стран. Это на них возложена обязанность фальсифицировать реальность обстановки, играть роль той дымовой шашки, которая бы скрыла броню американских дредноутов, окружающих нефтяные поля Аравии, Персидского залива, Ирана. Западная пропаганда преднамеренно подняла шумиху в связи с событиями в Афганистане с тем, чтобы, с одной стороны, скрыть империалистические заговорщицкие цели вмешательства во внутренние дела этого независимого государства, а с другой — попытаться очернить позицию Советского Союза, который по просьбе законного афганского правительства оказал Афганистану справедливую помощь в трудные для этой страны дни.

Как подчеркнул в своих ответах на вопросы корреспондента «Правды» Л. И. Брежнев, вызванное американским империализмом намеренное обострение международной обстановки выражает его недовольство упрочением позиций социализма, подъемом национально-освободительного движения, укреплением сил, выступающих за разрядку и мир.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

В Большом театре Союза ССР состоялся юбилейный вечер народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Галины Сергеевны Улановой. Более 35 лет связаны с этой сценой жизнь и творчество прославленной балерины.

Высоко оценила Родина творческий подвиг артистки: за выдающиеся заслуги в развитии советского хореографического искусства Герой Социалистического Труда Г. С. Уланова удостоена ордена Ленина и второй золотой медали «Серп и Молот». С этой наградой ее сердечно поздравили участники юбилейного вечера.

На вечере был кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев. Присутствовал Генеральный секретарь ФКП Ж. Марше.

Был показан балет «Щелкунчик», в котором главные партии исполнили Екатерина Максимова и Владимир Васильев — ученики Г. С. Улановой.

Галина Сергеевна Уланова на юбилейном вечере. Фото Г. Соловьева

УМНОЖЕНИЕ СИЛ

15 января исполнилась 34-я годовщина Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и МНР. В канун этой даты наш корреспондент Б. Сопельняк встретился с заместителем Председателя Совета Министров МНР товарищем М. ПЭЛЖЭ и попросил его ответить на вопросы «Огонька».

ВОПРОС. Какую роль в истории Монголии играет сотрудничество с Советским Союзом!

Ответ. Опираясь на широкую бескорыстную помощь и тесное всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, а впоследствии и с другими социалистическими странами, МНР превратилась из отсталой, скотоводческой страны в аграрно-индустриальное социалистическое государство, располагающее различными отраслями современной промышленности и крупным кооперативным сельским хозяйством.

Это одновременно означало переход к новому этапу развития нашей страны, основным содержанием которого является завершение создания материально-технической базы социализма.

С вступлением в 1962 году в СЭВ МНР была вовлечена в сферу многостороннего сотрудничества братских стран, которое служит могучим фактором ускорения социально-экономического развития республики.

Экономика страны приобретает все более индустриальный характер. На карте страны появились такие крупные промышленные центры, как Дархан на севере и Чойбалсан на востоке. На северо-западе на базе крупного медно-молибденового месторождения совместными усилиями МНР и СССР создается новый промышленный центр Эрдэнэт. С вводом в эксплуатацию на полную мощность горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» намного увеличатся объем валовой промышленной продукции и экспортные ресурсы нашей страны. В Центральном районе МНР с помощью Советского Союза создается крупный центр угольной промышленности Багануր.

При технико-экономической помощи Советского Союза построены и введены в действие сотни важных народнохозяйственных объектов. Среди них теплоэлектростанции, высоковольтные линии электропередач, угольные шахты и разрезы, авторемонтные заводы, домостроительные комбинаты, леспромхозы, предприятия легкой и пищевой промышленности.

На долю промышленных предприятий, построенных с помощью Советского Союза, приходится ныне свыше 40 процентов всей валовой промышленной продукции, в том числе 80 процентов добычи угля, 90 — производства электроэнергии и муки.

ВОПРОС. Уже восемнадцать лет Монголия является членом Совета Экономической Взаимопомощи. В Комплексной программе социалистической экономической интеграции специально оговорены мероприятия, касающиеся МНР. Как они выполняются!

Ответ. На основе координации народнохозяйственных планов Советский Союз и другие страны — члены СЭВ оказывают нам содействие в развитии всех отраслей народного хозяйства, в обеспечении строительства промышленных, сельскохозяйственных и культурно-бытовых объектов материальными, финансовыми ресурсами и квалифицированными специалистами и рабочими.

В высших и средних специальных учебных заведениях стран — членов СЭВ обучаются тысячи монгольских юношей и девушек.

Большое значение в индустриальном развитии МНР имеет помощь стран — членов СЭВ в проведении геологоразведочных работ на территории нашей страны. Экспедициями Советского Союза, специалистами Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии совместно с монгольскими геологами выявлены значительные месторождения полезных ископаемых, в том числе олова, цинка, золота, плавикового шпата, фосфорита, угля; некоторые из них уже используются. В 1976 году приступила к работе Международная геологическая экспедиция стран— членов СЭВ. Она проводит комплексные геологические исследования в обширном районе на востоке страны.

Значительное технико-экономическое содействие в социалистическом строительстве МНР оказывают страны — члены СЭВ. С их помощью построены мясокомбинаты, овчинношубная, ковровая и швейная фабрики, кожевенно-обувные предприятия, биокомбинат, типографии, заводы по производству строительных материалов.

ВОПРОС. Какие социальные преобразования произошли в Монголии в последние десятилетия!

Ответ. Из года в год повышаются материальное благосостояние и культурный уровень жизни трудящихся. За последние двадцать лет объем розничного товарооборота возрос в 3,7 раза, что свидетельствует о постоянном росте покупательной способности населения.

С развитием промышленности, капитального строительства и транспорта растет численность рабочего класса. В результате качественных изменений в сельском хозяйстве появились новые профессии сельских тружеников—рабочие, механизаторы, инженерно-технические работники.

Существенно возрос общеобразовательный уровень населения. Осуществляется переход ко всеобщему полному среднему образованию. Последовательно расширяется подготовка рабочих путем профессионально - технического обучения. Число специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, увеличилось за последние десять лет в 2,7 раза.

В 1979 году мы отметили 20-летие победы кооперативного движения в Монголии, которое по своему социально-экономическому значению не уступает победе народной революции 1921 года.

За истекший период сельскохозяйственные объединения превратились в крупные кооперативные хозяйства, на долю которых приходится более 90 процентов сельскохозяйственных угодий, 75,3 процента всего поголовья скота. В среднем каждое из 257 сельскохозяйственных объединений имеет более 70 тысяч голов общественного скота, 32 трактора, 15 автомашин и другие виды сельскохозяйственной техники.

В 1979 году также исполнилось 20 лет с начала освоения целинных земель, которое существенно изменило облик нашего сельского хозяйства. Земледелие превратилось в самостоятельную отрасль, которая дает пятую часть всей валовой продукции сельского хозяйства. Госхозы, в которых сосредоточено более двух третей посевных площадей, стали основными поставщиками зерна, картофеля и овощей.

Быстрое развитие земледелия позволило решить проблему обеспечения страны хлебом за счет собственного производства.

Успешно развивается полевое кормопроизводство, что способствует стабильному росту и продуктивности животноводства.

Резко усилился процесс технического оснащения сельского хозяйства. За истекшие 20 лет парк тракторов возрос в 15 раз, а комбайнов — в 6 раз.

За последние 20 лет Советский Союз оказал технико-экономическую помощь в создании более двадцати высокопродуктивных, оснащенных современным оборудованием хозяйств, ряда комбикормовых заводов, ремонтных мастерских, механизированных токов, зернохранилищ, а также в строительстве животноводческих помещений и других сельскохозяйственных объектов.

При помощи Советского Союза и других стран — членов СЭВ строятся жилье, культурные, медицинские и учебные здания.

В качестве примера можно назвать такие крупные, построенные с помощью Советского Союза за последние годы объекты, как телецентр, приемная станция для телевизионных передач «Орбита», радиостанция, Дворец культуры Центрального совета профсоюзов, Дворец бракосочетаний. В текущей пятилетке силами и средствами Советского Союза в качестве дара монгольскому народу сооружается большое количество жилья в комплексе с торговыми центрами, школами и другими культурно-бытовыми учреждениями, три домостроительных комбината.

Сегодня мы можем сказать, что исторический опыт полностью подтверждает огромное значение тесного, всестороннего сотрудничества с Советским Союзом и другими братскими странами для успешного строительства нового общества в Монголии.

Улан-Батор — Москва.

МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Почти двадцать лет работаю я на заводе. На моих глазах складывалась система, при которой наш отдел кадров занимается не столько наймом и увольнением, сколько планомерной подготовкой и воспитанием рабочих и служащих. Естественно, что в этой работе участвуют руководители всех рангов, партийный актив и общественные организации.

Начнем с того, что каждый, кто увольняется с завода по собственному желанию, не просто пишет заявление, а заполняет специальный бланк с отрывным талоном. В нем перечислены более двух десятков причин, которые могут побудить человека оставить предприятие: однообразный, утомительный труд или недогрузка и частые простои; неудовлетворенность профессией; отсутствие перспектив роста; отдаленность от места работы и другое. Бланки с заявлениями остаются в отделе кадров, а отрывные талоны всесторонне изучаются социологами. Наиболее часто упоминаемые причины увольнения обсуждаются на парткоме, в дирекции, и тогда начинается планомерная работа по их устранению.

Сейчас на заводе текучесть кадров составляет около семи процентов в год. Это значит, что средний стаж каждого работающего у нас более 10 лет. Для многотысячного коллектива, да еще в столичном городе, согласитесь, хороший показатель. Но достигли мы его не кампанейщиной, а планомерной многолетней работой.

Скажем, есть у нас базовая подшефная школа № 26. Завод не поскупился, оборудовав там все учебные кабинеты новейшей техникой. С 5-го класса ученики ходят к нам на экскурсии, а старшеклассники по два месяца проходят в цехах практику. И каждый выпускник одновременно с аттестатом зрелости получает рабочий разряд по наиболее нужным нам специальностям.

Есть у нас в каждом цехе совет наставников. Подбирая молодому рабочему наставника, мы всегда помним, что учить его надо не только профессии. Не менее важно воспитать чувство товарищества, ответственности за дела коллектива, чувство высокой дисциплины.

Я и мои товарищи с большим интересом прочитали постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве». Очень правильное постановление. Неоценимое его достоинство — всесторонний подход к проблеме, решение которой рассчитано на планомерную, кропотливую работу.

Мне кажется, что только всесторонние, общие усилия смогут привести к успеху в этом деле. Поясню на примере. У нас довольно строгая трудовая дисциплина. Скажем, пришел человек на работу после вчерашнего застолья, и у него все из рук валится. На первом же собрании товарищи берут его в такой оборот, что он не знает, куда глаза девать. И это здорово действует. Но если, допустим, в этом же районе есть завод, где пьяницам и лодырям живется вольготно, то наши воспитательные меры могут быть сведены на нет. Просто трудовая книжка перекочует из одного отдела кадров в другой.

Или взять такой сложный вопрос, как отвлечение людей на другие, не связанные с производством дела. Накануне уборки в подшефном колхозе мы проводим собрания и решаем, что каждый отработает 1—2 выходных дня в поле. И вот группами по сто — двести человек в день выезжаем к подшефным. Потом на собрании рабочие задают вопрос: а почему, мол, на таком-то заводе за дни, отработанные в поле, дают отгул, а у нас—нет? Что ответить?..

В постановлении говорится: «Многие общественные организации проводят в рабочее время собрания, совещания, семинары, слеты, спортивные соревнования, смотры художественной самодеятельности и другие мероприятия». Это не в бровь, а в глаз! Наибольшие потери при этом несут как раз те коллективы, где нет лишних людей, нет болтающихся без

Начало см. на 2-й стр. обложки

топанно) подмосковного колхоза имени Владимира Ильича. И точное напоминание об *истоках*: в январе 1921 года Ленин встретился с крестьянами деревни Горки. Что это было — сход, беседа соседей, диалог вождя с народными массами?.. И то, и другое, и третье. Об этой встрече, такой теплой и непроизвольной, обретшей историческое значение, написаны книги. Главное, именно в тот день, именно крестьянам деревни Горки Ленин рекомендовал работать сообща. Через три года мужики в Горках сорганизовали машинное товарищество. по совместной обработке земли и уборке урожая, а еще через пять лет двадцать девять единоличных дворов объединились в колхоз. Причем среди первых были двадцать безлошадников. Недавно колхоз имени Владимира Ильича отметил свое пятидесятилетие. К бронзовому бюсту первого председателя, дважды Героя Социалистического Труда Ивана Андреевича Буянова были возложены живые гвоздики. И тут само собою напрашивается сравнение по старой схеме «было — стало». Было: артель добровольцев, 35 работников, 9 лошадей, 260 гектаров угодий, 8 центнеров ржи — первая урожайность; молока не считали — коров купили не сразу... Стало: не артель энтузиастов, но государственный племзавод по разведению чистопородного черно-пестрого скота, 2102 гектара угодий, 660 работающих, энергетические мощности — 16,8 тысячи лошадиных сил, основные производственные фонды превысили 17,2 миллиона рублей. И еще несколько показателей, коих не было прежде.

Колхоз имени Владимира Ильича, который сейчас возглавляет Герой Социалистического Труда И. И. Кухарь, произвел впечатляющее количество продукции в 1978 году. Например, молока здесь надоили, страшно произнести, 2768 центнеров в расчете на сто гектаров земли! А мяса произвели почти 200 центнеров на ту же стогектарку. В том же отчетном году вал продукции на каждого колхозника составил 4159 рублей; оплата одного человеко-дня — 8 рублей 60 копеек. Фонда материального поощрения даже в 1965 году не было. А нынче он превысил 230 тысяч рублей — вот один из источников трудолюбия и благополучия в обновленных Горках. Только на оплату путевок в санатории колхоз ежегодно отчисляет около четырех с половиной тысяч рублей. На стипендии студентам московских вузов отчисляется свыше шести тысяч рублей в год. Более 300 тысяч рублей выплачивается престарелым по линии социального обеспечения.

Это лишь один пример — судьба одной деревни, где в тесной избе Ленин говорил с крестьянами по душам. Почти шестьдесят лет назад...

О том, как все было в те далекие годы, рассказывает самодельная летопись —альбом, присланный на выставку из ставропольского колхоза «Пролетарская воля». С большой фотографии смотрят пристальные глаза первого председателя. Лицо решительного человека, белая косоворотка. Это Н. М. Сотников, один из первых, кто возглавил социалистическое переустройство в деревнях, станицах, кишлаках, аулах огромной, глубоко перепаханной страны. Такими молодыми, непреклонными, как бесстрашный Н. М. Сотников, были и те известные ныне председатели, чьи портреты вводят нас в мир бессонных ночей, многолетних забот и нечеловеческого напряжения в течение всего полувека. Они и на выставке вместе, старейшины коллективизированной деревни: дважды Герои Социалистического Труда П. А. Малинина, А. В. Горшков, А. Саматов, Ш. М. Гасанова, Г. И. Ткачук, Герои Социалистического Труда А. В. Чухно, И. А. Егудин, Н. Н. Головацкий.

Сегодня в СССР 26 300 колхозов и 20 500 совхозов. А было? Были 24 миллиона крестьянских хозяйств — море обездоленных кормильцев-поильцев, поддержавших революцию в России, идею ее социального обновления. Им, крестьянам, революция передала более 150 миллионов земли во исполнение одного из главных лозунгов, провозглашенных ленинцами: «Земля — крестьянам!» Теперь мало кто знает, что революция освободила российских крестьян от задолженности поземельному банку на сумму 1 300 000 000 рублей...

Стенд за стендом экспонаты вчерашнего и сегодняшнего дней колхозной жизни, снопы нового урожая и впечатляющие макеты колхозных усадеб, производственных объектов и санаториев рассказывают о некоторых итогах социалистического переустройства деревни. Внимательные посетители выставки не пройдут мимо богатейшей информации, которую несет любая экспозиция, таблица, фотография. Интерес к ней проявляют не только горожане, далекие от происходящего на селе. Сосредоточенно всматриваются в историческое далеко группы экскурсантов из Краснодарского края, Тувинской и Бурятской автономных республик, Полтавской и других областей. Среди них и председатели современных крупных хозяйств, и специалисты, и механизаторы — третье поколение колхозников, люди по большей части молодые, внешне разительно отличающиеся от тех, кто смотрит на них с увеличенных фотографий полувековой давности.

Молодая женщина что-то переписывает в тетрадочку. Чувствуется, ей все интересно. Разговорились. Асия Хасянова из села Урги. Это неблизко — Горьковская область, Княгининский район. Она главный агроном колхоза «Ургинский».

— Записываю, чтобы рассказать своим в колхозе, специалистам и вообще односельчанам, хотя бы и на агитпункте... Об истории, о том, с чего начинались колхозы, признаться, не часто думаешь. А здесь, в Москве, на этой выставке, я вспомнила многое из того, что рассказывали наши ургинские старики. Да и мама моя Фахрижихан, и отец Мустафа Юсупов многое пережили вместе с колхозом, особенно в войну. Отец и сейчас работает комбайнером. На моих глазах, совсем недавно, когда председателем стал Анвер Искаков, в Урге построили на средства колхоза и клуб, и школу-восьмилетку, и детский сад... Я училась на колхозную стипендию. Теперь стипендию получает мой брат Абдулла, он будет зоотехником. Это все жизнь. И в жизни одного обычного колхозного села отра-

дела. Я, например, три года был комсоргом цеха, восемь лет подряд — председателем цехкома профсоюза, а теперь вот уже шестой год — секретарь партбюро. Работаю токарем. Восемь часов в день надо отстоять у станка. А ведь на такой общественной работе, когда в цехе 400 и более человек, дел невпроворот. Но в том и заслуга нашей заводской парторганизации, что она опирается на широкий рабочий актив, у нас нет штатных ораторов и «заседателей», которые имеют по 10 нагрузок и кочуют с семинара на симпозиум, забывая о своем станке или месте у конвейера. Тем более обидно слышать: почему, мол, с других заводов могут выделить людей на то или иное мероприятие, а вы — только в выходные дни или после работы?

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС указывает пути планомерного, целенаправленного воспитания кадров, воспитания в повседневной всесторонней работе с людьми, в сбережении каждой минуты рабочего времени. И в этом его огромное значение.

П. САВЧЕНКО,
токарь Киевского производственного объединения «Точэлектроприбор»

ПОБЕДА В ХАМАРЕ

На норвежском льду, в городе Хамаре, состоялся мировой чемпионат по скоростному бегу на коньках среди женщин. Эта встреча лучших скороходок мира представляла особый интерес — ведь она была как бы генеральной репетицией перед белой Олимпиадой в Лейк-Плэсиде. Правда, чемпионаты мира и Олимпиады разыгрываются по разным формулам: на чемпионатах победитель определяется по сумме очков, набранных на четырех дистанциях, на Олимпиадах золотые медали разыгрываются только на отдельных дистанциях. Но на сей раз спортсменка, завоевавшая высокое звание абсолютной чемпионки мира, показала поистине олимпийский класс: она добилась победы на трех дистанциях, и это обеспечило ей победу еще до старта на последней дистанции мирового чемпионата — 3000 метров.

Этой спортсменкой была Наташа Петрусева. По воле жребия ей пришлось дважды стартовать первой, и ее соперницы могли корректировать свои результаты по ее секундам. Но это не помешало Наташе завоевать первенство на дистанции 500 метров, а затем и 1500. А на следующий день она добилась победы и в беге на 1000 метров.

Новая абсолютная чемпионка мира окончила Московский институт физкультуры. Ей 24 года, а коньками она увлеклась, когда ей было десять лет. Четыре года назад Наташа заняла четвертое место на юниорском чемпионате мира, но затем должна была прекратить свои выступления — у нее родился сын. И вот теперь ее тренеры, Б. Стенин и А. Петрусев, прекрасно подготовили свою ученицу к большому спортивному сезону. Желаем ей успехов и на олимпийском льду!

В. СЕМЕНОВ

Н. Петрусева — чемпионка мира.
Телефото АП — ТАСС

жаются исторические процессы, которые обобщены тут, на выставке.

И Асия записала, что сейчас за колхозами закреплено 259 миллионов гектаров земли, а на один колхоз приходится 6700 гектаров угодий; примерно столько же в их ургинском колхозе. Сейчас более половины хлеба дают стране колхозы — 51 процент.

А вот еще интересные цифры, характеризующие живой процесс межхозяйственной кооперации и концентрации производства. Сегодня в нем принимают участие практически в с е колхозы и более шестидесяти процентов совхозов. По сравнению с 1975 годом в СССР стало в полтора раза больше межхозяйственных и аграрно-промышленных формирований. Таких прогрессивных объединений теперь свыше тринадцати тысяч. Очень интересное продолжение ленинского плана кооперирования, и об этом тоже расскажет жителям Урги их главный агроном Асия Хасянова, которая вдвое моложе первых колхозов страны.

Кстати, таких колхозных специалистов, как эта молодая гостья Москвы, у нас в стране 1415 тысяч. А механизаторов на селе более четырех миллионов двухсот тысяч — огромная армия современных работников полей и ферм! От них зависит дальнейшее снижение затрат труда на центнер продукции, рост экономической эффективности от внедрения достижений науки и передового опыта.

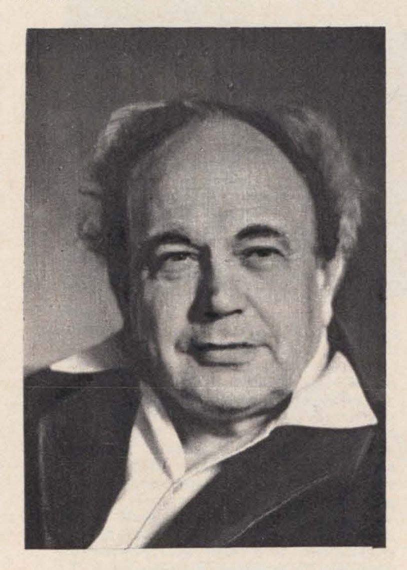
Залог новых успехов — настойчивая борьба за дальнейшее претворение в жизнь аграрной политики КПСС.

Борис Иванович РОВЕНСКИХ

Советское искусство понесло тяжелую утрату. На 68-м году жизни скончался выдающийся мастер театра, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, режиссер Государственного академического Малого театра Союза ССР, профессор, член КПСС Борис Иванович Ровенских.

Б. И. Ровенских родился в г. Ленинграде, где и начался его творческий путь. Он работал в Ленинградском театре рабочей молодежи, в ряде московских театров. Последний период его жизни был связан с Малым театром, в котором режиссер осуществил значительные постановки.

Около пятидесяти лет жизни Б. И. Ровенских отдал сценическому искусству и внес большой вклад в его развитие. Продолжая лучшие традиции русского, многонационального советского театра, он поставил талантливые спектакли по произведениям классической и современной драматургии, которые получили широкое признание зрителей. Среди них такие, как «Власть тьмы» Л. Толстого в Малом театре, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Метель» Л. Леонова и «Драматическая песня» по Н. Островскому в Московском театре имени А. С. Пушкина.

Спектакли этого замечательного мастера, проникнутые духом народности, идеями коммунистической партийности, всегда были глубоко содержательны, эмоциональны, отличались богатством красок, точностью социальных характеристик.

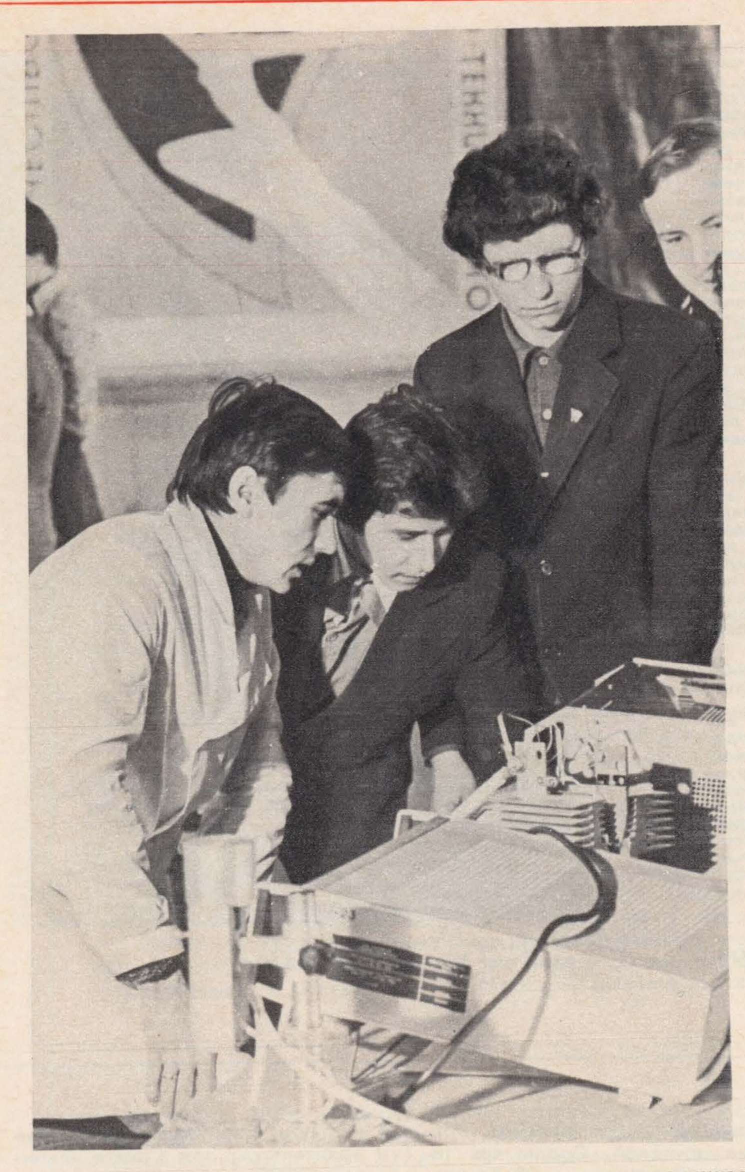
Б. И. Ровенских принимал активное участие в общественной жизни. Он был членом Московского городского комитета КПСС, Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, входил в состав художественного совета по драматическим театрам Министерства культуры СССР.

Б. И. Ровенских щедро делился своим богатым опытом с творческой молодежью, плодотворно занимался педагогической работой, являясь профессором Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Б. И. Ровенских, наградив его орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями. Б. И. Ровенских было присвоено почетное звание народного артиста СССР, он был лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР.

Борис Иванович Ровенских навсегда останется в нашей памяти как видный деятель театрального искусства, отдавший весь свой талант служению советскому народу.

В. В. Гришин, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, Т. Я. Киселев, С. Г. Лапин, В. Н. Макеев, Г. М. Марков, В. Ф. Шауро, В. И. Кочемасов, Ф. Т. Ермаш, Н. А. Анненков, Ю. Я. Барабаш, Э. А. Быстрицкая, Е. Н. Гоголева, А. А. Гончаров, И. О. Горбачев, О. Н. Ефремов, М. И. Жаров, Г. А. Иванов, И. В. Ильинский, В. И. Коршунов, И. А. Любезнов, Ю. С. Мелентьев, Р. Д. Нифонтова, М. В. Пашков, Т. И. Пельтцер, А. А. Рапохин, А. В. Романов, Н. И. Рыжов, Е. В. Самойлов, Г. В. Свиридов, Е. Р. Симонов, Л. А. Скопина, И. М. Смоктуновский, А. И. Степанова, Г. А. Товстоногов, З. П. Туманова, И. М. Туманов, В. И. Хохряков, М. И. Царев, Б. П. Чирков.

Этот снимок сделан на выставке студенческого научно-технического творчества. Студент-заочник IV курса факультета электроники и автоматики Владимир Стешин (слева) демонстрирует прибор — измеритель параметров, в разработке которого он принял участие.

МОРДОВИЯ

УВЕРЕННЫЙ ШАГ РЕСПУБЛИКИ

Советской Мордовии пятьдесят лет. Указом Президиума Верховного Совета СССР республика награждена орденом Октябрьской Революции. За эти полвека некогда отсталый край достиг выдающихся успехов в развитии экономики и культуры. Нынешний индустриальный облик республики определяют машиностроение и приборостроение, светотехническая, электротехническая, химическая промышленность, производство строительных материалов и другие отрасли, находящиеся на переднем крае научно-технического прогресса.

Сельскохозяйственную продукцию в республике производят 350 крупных колхозов и совхозов.

Труженики сел, деревень Мордовии уже успели почувствовать те огромные изменения, которые происходят после принятого несколько лет назад постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

Выросла культура мордовского народа. В республике трудится большой отряд писателей, художников, артистов.

В столице республики Саранске выходят книги и газеты на языке мокши, эрзя, русском. На сцене местного театра наравне с русской и мировой классикой идут пьесы мордовских драматургов.

В центре многих дел республики — молодежь. Более тридцати объектов сельского и мелиоративного строительства в Мордовии — областные, городские и районные ударные комсомольские стройки. При активном участии молодежи введены в действие десятки крупных объектов. Каждый год «вливают свой труд в труд республики» и сотни выпускников здешних вузов. Только на 17 факультетах Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева обучается сейчас более 17 тысяч студентов!

К. ЮРОВ
Фото В. Войтенко (ТАСС)

ЭСТОНИЯ

ИКЭБАНА ПО-ЭСТОНСКИ

В таллинских цветочных магазинах все чаще можно услышать просьбу помочь выбрать икэбану: ко дню рождения, в подарок молодоженам или просто для украшения квартиры. Немало и тех, кто приходит советоваться с продавцами-консультантами, как самому сделать зимний букет.

Икэбана — древнее японское искусство составления художественных композиций из цветов и других растений. Сочетания цветов, подбор вазы или подставки строго подчинены замыслу составителя. Творения эстонских садоводов-декораторов всегда жизнерадостны и обязательно поражают какой-то необычной деталью, «игрой» самых простых материалов — мха, сухих веток и корней.

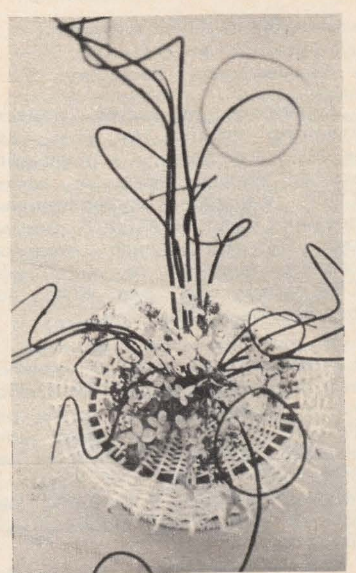
Какой малыш не обрадуется, получив вместе с подарком ко дню рождения ярко-желтый сапожок, а в нем на фоне зеленого мха белые и фиолетовые крокусы? Эта композиция так и называется — «День рождения малыша». А вот композиция «Апрель» — для нее основой служит... старая черная шляпа, украшенная алыми цикламенами и веткой можжевельника. Или одна из зимних декоративных композиций, «Чаепитие»: старый медный самовар с цветами бессмертника и сухим папоротником.

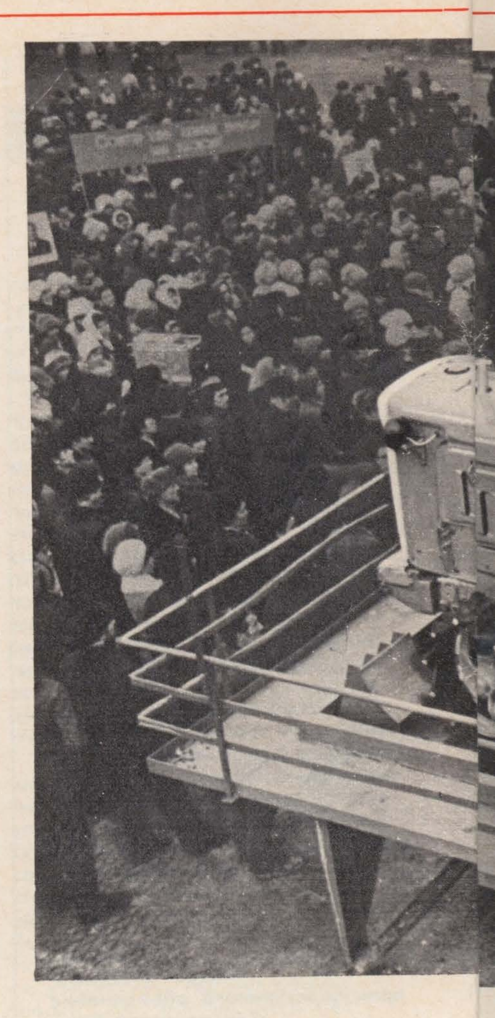
Рассказывает одна из основательниц «эстонской школы» этих маленьких произведений искусства, заслуженный садовод республики Ыйльме Аус:

— Материалы для изготовления декоративных композиций доступны всем, а остальное — дело рук, вкуса и мастерства каждого. Ведь сама природа дает тысячи возможностей превратить найденный во время прогулки в лесу сухой сучок в крохотную скульптуру, удачно подобрать к ней фон — горсть мха или листьев с красивым рисунком.

Выставки работ любителей этого приятного занятия стали теперь традиционными. В павильоне цветоводческого совхоза «Пирита» под Таллином с экспозициями знакомятся тысячи человек — не только таллинцы, но и гости из других республик, зарубежных стран.

Андрес ПЛООМПУУ
Фото Э. Таркиеа

УЗБЕКИСТАН

УКРОЩЕНИЕ

Туямуюнский гидроузел — крупнейшее ирригационное сооружение в нижнем течении Амударьи. Можно сказать, готовится железобетонное «седло» для своенравной среднеазиатской реки, привыкшей коварно подмывать берега и произвольно менять русло. Недаром имя ее в переводе с узбекского — «Сумасшедшая».

Ввод в действие нового гидротехнического комплекса позволит оросить 500 тысяч гектаров целинных земель Узбекистана и Туркмении, улучшить

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

КАЗАХСТАН

ЕСТЬ 300-ТЫСЯЧНЫЙ!

Сборочный конвейер Павлодарского тракторного завода — это река. Стальная река, по которой плывут и плывут детали. У истока они не понять на что похожие, а где-то в среднем течении начинают обретать привычный облик трактора «Казахстан». В «устье реки», в конце конвейера, эти железные создания оживают, гремят моторами, пускают синие султанчики выхлопов. Им не терпится поскорее в поля. Мотористы-испытатели удовлетворенно улыбаются, отводят своих резвых питомцев на площадку, словно в тихую гавань, и к вечеру их собирается здесь достаточно большое количество, и все синенькие, под цвет неба.

В тот день, о котором я веду речь, на конвейере творилось что-то необычное. В привычном ритме работали две нитки главного конвейера, но всеобщее внимание привлекал плывущий в синей лавине своих собратьев ярко-красный трактор с надписью «300-тысячный». Его провожала группа «болельщиков», отмечавших по часам этапы рождения машины. Больше других волновался, наверное, известный павлодарский комбайнер Владимир Крицкий, будущий владелец юбиляра. И вот уже испытатель Василий Кириченко опробовал двигатель. Завелся тот, как говорят, с полоборота, и Василий, ласково похлопав трактор, сказал: «Жизни тебе долгой, без износу!..»

Гром аплодисментов встретил юбиляра на выходе с конвейера. Сделав полукруг, он с ходу влетел на трехметровой высоты эстакаду и застыл, видный всем и отовсюду. Начался торжественный митинг, посвященный 300-тысячному...

Тракторостроению Казахстана всего одиннадцать лет. За этот короткий срок оно стремительно ушло вперед. Достаточно сказать, что по сравнению с предыдущей пятилеткой выпуск гусеничных машин марки «Казахстан» возрос вдвое. Они известны в Тюмени и Кушке, в Нечерноземье и районах БАМа. Причем сегодня это уже не тот трактор, который выпускался вчера. Он аттестован первой категорией качества, в нем усилена и стала более надежной гидронавесная система, его можно использовать на мелиоративных работах и в качестве бульдозера. Сейчас проходит испытание машины «Казахстан» с новой кабиной, не уступающей по комфорту лучшим мировым образцам. В ней установлены кондиционеры, которые обеспечивают зимой и летом температуру в пределах комнатной.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

Фото автора

СВОЕНРАВНОЙ...

водоснабжение хлопковых плантаций Хорезмской и Ташаузской областей, Каракалпакской АССР. Емкость нового водохранилища составит около восьми миллиардов кубометров живительной влаги.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

На снимке: панорама строительства головного сооружения Туямуюнского гидроузла на Амударье.

Фото Р. Джуманиязова

МОСКВА

КОМПЛЕКС ДЛЯ КОННИКОВ

Вступило в завершающую фазу строительство Олимпийского комплекса в Северном Чертанове. Здесь строится большая конноспортивная база.

В комплекс входят стадион для выездки, беговая дорожка, крытый манеж и олимпийская конюшня, оборудованная по последнему слову техники.

Рис. В. Соловьева

УКРАИНА

СРАБОТАНО МАСТЕРАМИ

На Украине в поселке Барановка есть известный отличным фарфором завод. Не раз его мастера восхищали расписными сервизами, тончайшей работы вазами, искусно сработанными декоративными тарелками и статуэтками. Но, пожалуй, особую гордость завода составляют фарфоровые чайники. Иной, величиной с наперсток, годится разве что для коллекционирования. Ну, а эти, емкостью от трех до пяти литров, могут составить конкуренцию даже самовару. И, как утверждают знатоки, чай из такого чайника ни с чем не сравним...

В. ЗАСЕЕВ
Фото автора

На снимке: контролер-приемщик сортировочного цеха Светлана Деревянчук.

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ПО СЛЕДАМ ХОДОКОВ

1870—1980

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В СОВЕТЫ

Страна наша готовится к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик, в местные Советы народных депутатов. Уже названы имена кандидатов в депутаты. В эти предвыборные дни наши корреспонденты побывали в селе Половодове, Соликамского района, Пермской области.

Ю. КОЗЛОВ, фото А. НАГРАЛЬЯНА, специальные корреспонденты «Огонька»

ИЗ ПЕРВЫХ РУК...

Выбор адреса не случаен. Именно отсюда, из Половодова, в феврале 1920-го отправились в далекий путь к Ленину в Кремль избранные сходом волостного Совета ходоки: Ф. С. Санников, П. П. Москалев, Г. И. Михалев. Они были активистами Совета и к Ленину ехали, чтобы, как говорится, из первых рук получить ответы на все наболевшие вопросы, а потом рассказать о виденном и слышанном землякам. Ленин принял ходоков, долго с ними беседовал. Позже один из них, Ф. С. Санников, отчитываясь перед земляками о поездке к Ленину, вспомнил: «Спросил Владимир Ильич, коммунисты ли мы, еще как крестьяне в наших краях живут, как местная власть управляется. И все деловито, со знанием обстоятельств жизни. Словом сказать, так душевно разговорились, что всю робость с нас как ветром сдуло. И, верите ли, дела, которые мы к Ленину приехали решать, показались нам вдруг очень маленькими... Владимир Ильич нам рассказал, что к нему, также с Урала, приезжала группа крестьян от пяти волостей Сарапульского уезда. Эти волости отправили в подарок Москве и Петрограду по сорок тысяч пудов хлеба. «Когда я спросил у этих товарищей об отношении крестьян к Советской власти,— рассказывал Ленин, — они ответили: белые нас научили, и теперь никто не отклонит нас от Советской власти».

А вскоре в Пермский губком РКП(б) пришло письмо Ленина, в котором Владимир Ильич так характеризовал ходоков: «Они — беспартийные, но производят впечатление замечательной добросовестности». По указанию Ленина многое было сделано, чтобы жизнь половодовских крестьян изменилась к лучшему. Смелее, решительнее стал отстаивать их интересы и тогдашний волостной Совет—нынешний Половодовский сельский Совет народных депутатов.

И вот, спустя почти шестьдесят лет, незадолго до выборов в Советы, к молодым жителям села — позже я узнал, что среди них были кандидаты в депутаты сельсовета,— пришли депутаты сельского Совета прошлых созывов, свидетели и участники живой истории Половодова. Говорили об огромных переменах на селе, происшедших в эти годы, о том, каким был сельсовет раньше, как работал, какие задачи стояли перед ним в разные периоды, чего не хватает в делах нынешнего сельсовета и как исправить недостатки. Так вот передавался накопленный опыт, и в том внимании, заинтересованности, с которыми молодые слушали старших, чувствовалось их стремление перенять лучшие традиции, виделся залог успешной работы сельсовета очередного созыва.

— Такие встречи много дают,— сказал потом двадцатитрехлетний механизатор совхоза «Половодово» Василий Якимов. — Живешь, работаешь, что-то не нравится — ворчишь, ругаешься, а вот осмыслить ситуацию, разобраться, что к чему, не всегда удается. А тут словно целую жизнь прожил. Сердцем, что ли, прочувствовал путь, который прошло село. Сейчас на нынешние недостатки подругому смотрю. С себя самого надо начинать! Все ли сам по-настоящему да с умом делаю? Сейчас вся страна лицом к селу повернулась. На последнем, ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил, что только за последние три пятилетки в село вкладывается около 400 миллиардов рублей. Значительные капитальные вложения будут выделены селу и в одиннадцатой пятилетке. И, само собой разумеется, спрос с нас тоже повысится. Нам большая самостоятельность дана. Может, недостатки-то оттого, что не умеем или ленимся самостоятельностью этой воспользоваться. Вот где непочатый край работы для нас.

Рассказы депутатов-ветеранов не претендуют на широкие обобщения. Речь шла о конкретной жизни — собственной, конкретном сельсовете — Половодовском. Но каждая, пусть даже на первый взгляд небогатая событиями жизнь все же представляет собой крохотную частицу огромного зеркала истории страны и народа.

Петр Михайлович Шерстобитов, бухгалтер, депутат сельсовета конца тридцатых — начала сороковых:

— Я всю жизнь прожил в Половодове, и родители мои тоже здесь жили. Из детско-юношеских лет самое яркое впечатление — это когда пришли в деревню тракторы. Как их ждали! Тогда казалось, вот придут машины, и никаких проблем на деревне не останется. Мы, мальчишки, километров за пять побежали их встречать. Встретили... Все, естественно, хотим в трактористы. Тракторист в ту пору был что сейчас космонавт. Тогда вообще в пятнадцать лет мальчишка себя уже вполне ответственной личностью осознавал. Планы, мечты у каждого были грандиозные — все поля перепахать, пшеницу вырастить, как лес, высокую, и вперед — бить врагов, освобождать трудящееся человечество. Я тоже в трактористы ринулся, но не взяли — у меня детский полиомиелит правую руку иссушил. Но я не унывал! Устроился пожарником на МТС. Только что это за работа? Пожар — дело такое: будет, не будет — неизвестно, а мне хотелось к тракторам! Песню тогда пели: «Прокати нас, Петруша, на тракторе», так она мне всю душу вымотала, я-то никого не мог прокатить. В общем, перешел учетчиком в тракторную бригаду, а в тридцать восьмом стал учеником бухгалтера там же, в МТС. Так до пенсии в МТС — сейчас это районное объединение «Сельхозтехники» — и проработал... Что хочу сказать? Человека мечта вела. Все вроде ему по плечу, все он может. Чтобы тогда трактор вдруг да по неисправности не вышел в поле — ЧП! А ведь с запчастями, с ремонтом не в пример хуже было, чем сейчас. Однако был порыв, страсть. Жадно на жизнь смотрели. Особенно мучались, что знаний, культуры недостает — все учились!

В тридцать девятом я вступил в комсомол и стал понемногу втягиваться в дела сельского Совета. Мы тогда кожей чувствовали, что неспокойно в мире, что война вот-вот начнется. Поэтому на селе, помимо разных лекций, семинаров, проводили много военно-спортивных состязаний... Двадцать второго июня в Половодове и проходило такое комсомольское состязание — по бегу. Идем с соревнований усталые, а нам кричат: война! В ночь с двадцать второго на двадцать третье никто не спал. У сельсовета народ толпился, известий ждали. Ну, а как в войну на селе трудились, кто не знает? О себе что могу сказать? Всю войну был агитатором сельсовета в колхозе «Мальцевский». Долго убеждать, конечно, никого не приходилось. Все знали — для победы трудимся. Посреди деревни, помню, рельс висел. В шесть утра бригадир в него бил молотком — протяжный, тоскливый гул плыл. А на душе и без того тоскливо — сколько похоронок приходило в ту пору! Мы в сельсовете старались вдовам, чем могли, помочь. В войну функции сельсовета разрослись. Не было такого вопроса, чтобы нас не касался! Если вдруг где возникал прорыв — организовывали там людей. Мужиков по пальцам сосчитаешь — все воевать ушли. Вот тут меня и допустили к трактору. Вместе с кузнецом Алексеем Никитиным соорудили сцепку, чтобы не одну, а две жатки за трактором таскать. Работать удобнее стало, а женщины шутили: «Ты бы еще к этим двум и третью жатку приагитировал!» А как закончилась война — я об этом утром по радио услышал — так все бригады обежал. Потом митинг был — плакали, обнимались, а потом я всю ночь играл на гармошке и плясал...

Валентина Афанасьевна Милькова, учительница, депутат сельсовета сороковых — начала пятидесятых годов:

— Девятнадцатилетней девчонкой я сюда приехала с двумя подружками после досрочного окончания Соликамского училища — по сокращенной программе занимались. В Пермской области тогда особо острая нужда в учителях была. Каждую неделю приходили поезда с эвакуированными из Ленинграда детьми. В Половодове размещалось два детских дома. Приехали мы, как сейчас помню, пятнадцатого августа сорок второго года. И сразу в школу. А там один только сторож, хромой. Все в поле работают. Стоим и думаем, у кого спросить — где жить будем? С квартирами тогда трудно было. В каждом половодовском доме, кроме хозяев, две-три семьи эвакуированных. Не помню уж кто показал мне в дальнем конце поля учительницу Евдокию Тимофеевну Милькову. «Подойти к ней, может, у нее есть место?» Так в самый свой первый день жизни в этом селе попала я в семью Мельковых и осталась там навсегда... Замуж за ее сына вышла... Сейчас нас семь человек в семье и все учителя!

Время было трудное. Заботы села стали и моими заботами. Видимо, пришлась по душе сельчанам. Избрали меня сначала депутатом, а потом председателем культурно-массовой комиссии в сельсовете. Собрались мы, помню, как-то, сидим, думаем — с чего начинать? Товарищ еще тогда к нам из райкома приехал, забыла, к сожалению, его фамилию. Он вот что сказал: «Конечно, тяжело живем, очень даже тяжело... Но унывать все же не стоит! Веселее давайте жить! Надо людей расшевелить, отвлечь от мрачных мыслей». «А как отвлечь?» — спрашиваю. «Сейчас в село вон сколько девушек понаехало. И спектакль можно поставить и самодеятельность организовать». Смотрю, через некоторое время выделили нам средства. Мы горячо за дело взялись. Привлекли ленинградцев, и все у нас хорошо пошло! Ах, какими они все способными оказались! Как потянулись к нашему драмкружку. «За вторым фронтом», «Пути-дороги», «Любовь Ани Березко» — вот что ставили. Ездили со спек-

Везут корма на ферму. * Кузнец Ярослав Тарасов: «Дед мой к Ленину ходил... Делегация от нашего села». * В совхозном детском саду Тане Кетовой больше всего нравятся занятия лепкой.

РАЗВЕДАТЬ ЧТО ДЕЛАЮТ ДЕТИ НА СВЕТЕ

таклями по всему району. Девушкам, правда, приходилось играть мужские роли, но все равно, нам аплодировали!

Школьники тогда очень быстро взрослели, и мы словно не учителями им были, а старшими товарищами. Все время вместе. В школе, на работе, дома, в драмкружке, на концерте... Такой случай вспоминаю. Как-то среди урока мне вдруг стало плохо. Голова закружилась, но я вцепилась в стол, не дай бог, думаю, заметит кто-нибудь. Вроде никто не заметил. Кончился урок, и опять закружилась голова. Вдруг две девочки-ленинградки входят, молча смотрят на меня, руки за спиной. «Что случилось?» — спрашиваю. Та, которая посмелее, кладет мне на стол хлеб. Я: «Да вы что?» Они: «Берите, берите, вам же на уроке плохо стало от голода». И убежали. Я сижу за столом, реву... Им же самим не хватает! Вот так и жили. До середины пятидесятых я была депутатом сельсовета, председателем культурно-массовой комиссии. Мы не только самодеятельностью занимались. После войны в ребятах проснулся интерес к истории родного края. Что же это за земля, на которой мы живем? Стали собирать по крупицам факты. Так, вдруг выяснилось, что наша половодовская школа была основана в 1837 году. Это же одно из старейших учебных заведений! Собрали много других интересных сведений — по истории села, о героях гражданской войны в наших краях, о жизни ходоков... Очень важно, чтобы молодые люди знали историю своей земли, понимали, что здесь их Родина, здесь жили и растили хлеб их предки. Может, и уезжали бы из села поменьше...

Тамара Андреевна Мазунина, начальник цеха животноводства совхоза «Половодово», депутат сельсовета пятидесятых — начала шестидесятых годов:

— Всякий раз, когда заходит речь о начале пятидесятых годов — я тогда после окончания Кудымкарского сельхозтехникума приехала работать зоотехником в Половодово,— два случая вспоминаю. И вот, не поверите, до сих пор плачу... Я — молодой зоотехник, в моем ведении девять колхозов, и круглый день я на ногах. Из колхоза в колхоз. Сколько километров в день нахаживала! Но не в этом дело. Пришла, значит, раз в колхоз, в деревню Родники, телят смотреть. Тогда ферм мало было, телята в основном по домам у колхозников содержались. И вот, поверите ли, получали на корм теленка сто граммов витаминной муки в сутки. Сто граммов! Худые были телята, облезлые, жалкие, смотреть на них страшно. Я к председателю бегом. Умоляю, ну хоть двести, хоть двести пятьдесят граммов дайте! Пропадут же телята! А он вдруг на меня... Выгнал вон, дверь захлопнул. Стою в темноте, дождь хлещет, плачу. И телят жалко, и себя, и даже этого председателя, что с руганью обрушился на меня. Ведь неоткуда же было ему муки взять, неоткуда! А с другой стороны, почему, почему, думаю, так озлобляются люди? До сих пор обидно! А второй случай позже произошел. Тогда дояркам впервые выдали спецодежду, и в том числе резиновые сапоги. Собрались они на следующий день — радуются, шутят. И вдруг приходит бригадир. «Ах вы, такие-сякие,— кричит,—и зачем только вам спецодежду выдали! Вчера получили, а сегодня уже ребята ваши в сапогах на танцы шляются!» Оказывается, увидел он на танцах сына одной нашей доярки в этих самых резиновых сапогах. Не выдержала я и выдала ему! Не помню уж, что там кричала, только он быстренько исчез... Ведь эти доярки тогда от зари до зари работали. А урожаи какие были? По пять — семь центнеров с гектара собирали. И государству надо сдать и на трудодни оставить. А сколько оставалось-то? В те годы доярки, бывало, и косили и силосовали.

В пятьдесят четвертом разрешили нам на зеленую подкормку рожь косить. Взяли литовки, сели на подводы, поехали. На поле приехали, стоит она, зеленая... Доярки мои в слезы. Неужели хлеб, самый настоящий хлеб на корм будем косить?.. Депутатом сельсовета я до середины пятидесятых была. И думаю, что задачи у нас тогда были попроще, чем у нынешних депутатов. Обогреть людей, создать им в красном уголке необходимый уют, чтобы там хоть отдохнуть можно было после рабочего дня,— вот к чему стремились... Авторитет у сельсовета в те годы, как и сейчас, большой был. На заем подписаться — все как один! Решили провести электричество в отдаленную деревню — все идут в выходной день ямы рыть, столбы устанавливать. Тогда много было всего сделано... Помню, я в те годы говорила: «Погодите, милые доярки! Будет время, когда кормов на всю зиму хватит». И вот действительно пришли такие времена. Сейчас мы не только полностью обеспечиваем кормами своих коров, но и помогаем соседям. А план по молоку выполнили в прошлом году почти на полтора месяца раньше срока! Нынешние наши работницы на молочном комплексе грамотные, требовательные. У них иной кругозор, взгляды шире. И достаток материальный. А квартиры почти не отличаются от городских. Среди нынешних доярок тоже много депутатов сельсовета. И решают они сейчас совсем другие вопросы — где построить новый дом, где открыть еще один детский сад, проложить канализацию, клуб построить. Сейчас у людей больше стало свободного времени. Может, новым депутатам стоит подумать, как еще лучше организовать досуг?

ПОЛОВОДОВО СЕГОДНЯ

...Шагаем вместе с молодым депутатом механизатором Василием Якимовым по селу. Соликамский район — север Пермской области, здесь рано зимой темнеет. И светает как-то неохотно. До половины девятого все пребывает в зыбкой синеве. Но сейчас сумерки, и свет окон уютно ложится на снег. Чуть дунет ветер — метель с заснеженных крыш искрящийся язык показывает.

Судьба Василия Якимова — типичная судьба сегодняшнего молодого человека на селе. В Половодове он родился и вырос. Отец — старейший механизатор, так что Василий с самого детства был знаком с трактором. После школы остался в совхозе, окончил курсы трактористов, но подошел срок, и призвали в армию. Вернулся три года назад, окончил курсы повышения квалификации и вот с тех пор работает. В том же, 1976 году его избрали депутатом сельсовета.

Идем с Василием по половодовским улицам, а чувство такое, что он водит меня по своему дому, где ему знаком каждый закуток, каждое бревнышко. И хотя не все в этом доме так, как хочется Василию, он верит, что в конце концов дом построят отличный. Совхоз «Половодово» действительно сейчас на подъеме. План по молоку в 1979 году перевыполнили, по зерну тоже. Собрали почти по двадцать одному центнеру с гектара. Для Пермской области это очень хороший урожай.

— За последние годы,— рассказывает Василий,— сельсовет много сделал для села, почти все наказы избирателей выполнили. Провели общими силами в две отдаленные деревни водопровод. Разобрали в Половодове несколько старых, развалившихся зданий. Был наказ осветить улицы села — сейчас почти все они освещены. Построили мост через нашу речку. Пенсионерам и инвалидам каждый год помогаем заготовить на зиму дрова. Сделано, конечно, немало,— продолжает Василий,— но год от года наказы избирателей масштабнее становятся. Один пример приведу. Вот, говорят, в центре села двухэтажные дома понастроили, а деревья все вырубили. Летом жара, зимой ветер свищет. Живем непонятно где — в городе ли, в деревне? Давайтека опять все озеленять, а если строить, то одноэтажные коттеджи... Разве не правы они? Правы!

В Половодове много мест, где, как полагают здешние жители, обязательно надо побывать приезжему человеку. Но мы заглянули только в два таких места.

Побывали в библиотеке. Шестьдесят лет назад ходоки привезли от Ленина «полтора пуда» книг о Советской власти. Книги эти читали на сходах вслух. Сейчас в половодовской сельской библиотеке более одиннадцати тысяч книг. А записано в нее 612 читателей, то есть почти все население села от мала до велика.

— Вот, кстати, мой наказ депутату,— сказала библиотекарь Нина Алексеевна Шестакова.— Я уже одиннадцать лет в библиотеке, и все одна. Нужна вторая штатная единица, а то трудно...

И еще зашли в местное отделение «Сельхозтехники». Когда-то здесь была МТС, где всю жизнь проработал Петр Михайлович Шерстобитов. Здесь мы встретились с внуком ходока Ф. С. Санникова кузнецом Ярославом Егоровичем Тарасовым.

— Дед умер в пятьдесят пятом году, мне тогда восемнадцать лет было,— рассказал Ярослав Тарасов.— Незадолго до смерти дед сам показал место, где похоронить его... Он уже глубоким стариком был, а интересовался всем, что на селе происходило. Пришли на поля первые комбайны, так дед прямо с постели соскочил и ушел смотреть, что это за машины... Вдумчивый был человек. В последние годы его очень волновало, что вот, мол, на селе живем, а про чистоту забыли. Солярку стали в речки сливать. Лес рубим, половину бросаем на обочинах. Многие речки в округе пересохли. Зверьптицы перевелись. Почему? А действительно — почему? Вот о чем необходимо на сессии сельсовета вопрос поставить! Принять меры для защиты окружающей среды...

— Наказы, что называется, из первых рук,— сказал Василий, когда вышли на улицу.— И все они, убежден, претворятся в жизнь!

60 лет назад ходоки привезли в местную библиотеку ленинский подарок — «полтора пуда книг». Сейчас их на ее полках более 11 тысяч. * В этом здании разместился сельсовет.

СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ

Георгий **ТРИФОНОВ**

* * *

Бывали вы на Миссисипи,
Где звездный дождь на небе сыплет,
Где по ночам суда горланят,
Швартуясь в Новом Орлеане?
Вы наблюдали здесь на юге,
Как пляшут негры на досуге
И в кабачках на Бурбон-стрит
Толпа нарядами пестрит?
Как на эстраде, лупоглазо,
На вас глядит кудесник джаза,
Когда труба в ладонях потных
Исходит воплями животных.
И голой женщины кривлянье...
Вы были в Новом Орлеане?
И среди хижин в белом хлопке,
Где поднимался первый, робкий,
Тягучий, как напевы блюза,
Протест, ломавший рабства узы.
И лился свет благих желаний.
Вы были в Новом Орлеане?
Здесь пистолет купить банально,
Как связку желтую бананов.
И он — судья в вопросах спорных,
В кафе для белых иль для черных.
И здесь не в моде лохмы хиппи.
Бывали вы на Миссисипи?

* * *

Под звездным флагом неизменным,
Миг приземленья — лучший миг.
Туристы, битники, спортсмены
Спешат сойти на материк.
И с ними в зал аэропорта,
Через таможенный контроль,
Идет лицо иного сорта,
Актер на мизерную роль.
Его в толпе не ищут гиды,
Не ждут агенты-фирмачи,
И вот на площади в ночи
Он встал один с понурым видом.
Ну что ж, витийствуй в недовольстве,
Кляни опять страну и строй.
Нет, не дано ему в посольстве
Сказать привратнику: открой!
Не в небоскребах, полных света,
Бесславно кончилась игра.
И если в городе три гетто,
Его в четвертом конура.
Он станет ныть, что он не понят,
И там и здесь,
Что сел на мель.
Но день за днем фиглярство тонет,
Из головы выходит хмель.
Усердствуй снова, лезь, скандаля,
Пиши в конгресс, стучись в ООН.
Там не таких уже видали,
Легко вышвыривая вон.
И не поймут его туристы,
В отелях празднично селясь.
Им путь домой прямой и быстрый,
Над ним же — дней безликих власть.
Жизнь ковыляет стороною.
Все чаще хворь в его летах.
Он не в ладах был со страною,
Как не в ладах он сам с собою,
И со своей дурной судьбою,
Он с целым миром не в ладах.

Ленинград.

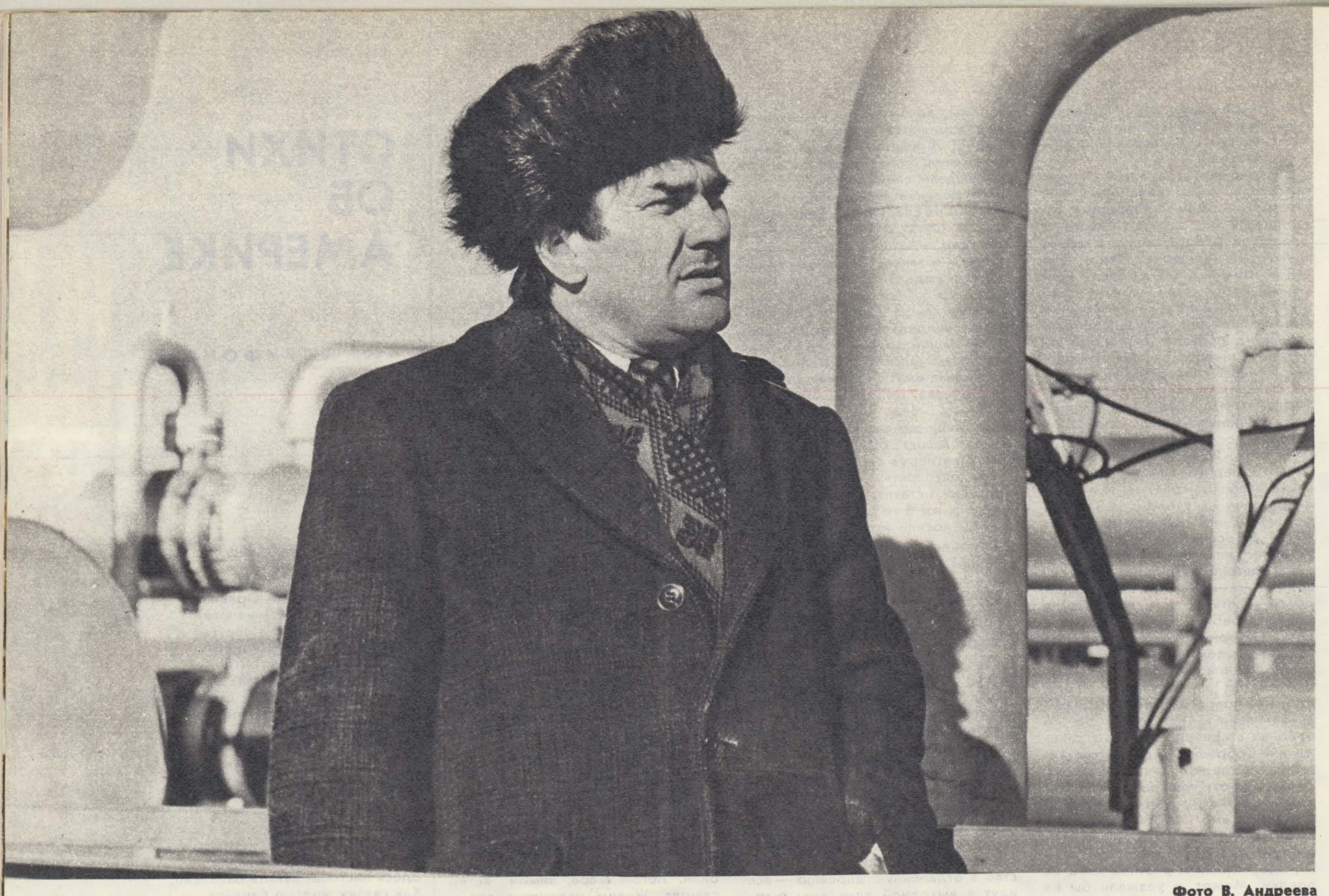

Фото В. Андреева

А ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ...

Галина **КУЛИКОВСКАЯ,**
специальный
корреспондент
«Огонька»

От певицы ждали песню, многое уже было произнесено и переговорено на торжественной встрече. А она, когда все почти разошлись и оставалось всего несколько человек, растроганная взаимным расположением и доверительностью, витавшими в тот вечер, вдруг стала рассказывать о себе. О своем счастливом звездном часе, почему он настал именно тогда, ее звездный час. О том, как много значит единение «хочу» и «могу», страстно преодолевающего все препятствия,— единство желания одержать на конкурсе победу над всеми и полного, яркого раскрытия в тот момент ее таланта. Это и вдохновило и придало ей силы: «Внезапно почувствовала, что я словно взлетела, будто кто приподнял меня, и я пела все свободнее, смелее...»

Кто-то из моих товарищей-журналистов, сидящих рядом, заметил: «Вот готовый сюжет для рассказа»,— кто-то стал расспрашивать певицу, что же было дальше... Пожалуй, только один из нас не изменил своей позы, не проронил ни слова, все еще оставаясь в глубокой задумчивости,— Николай Нестерович Галян, «виновник» этого вечера. На его смуглом лице мелькнула тень тревоги и озабоченности. Огонь горячей заинтересованности в глазах сменила не то усталость, не то грусть, отчего они еще больше потемнели и весь он как-то помрачнел.

«Что же вдруг так изменило настроение Галяна?» — подумала я. Слова певицы о ее звездном часе? Был ли у него он или только будет? В жизни каждого человека, чем бы он ни занимался, может пробить свой звездный час, в который он достигнет своей вершины, своего пика и только тогда познает меру подлинного счастья... Беспокоила ли его мысль о том, что, кроме «хочу» и «могу», еще надо получить поднятый шлагбаум на своем пути и увидеть заветный «зеленый огонек»... Можно было лишь строить предположения. Уже сложившееся, довольно четкое представление о Галяне как о незаурядном преуспевающем инженере рассеивалось, таяло, словно хрупкие снежинки на ладони.

Галян меж тем встрепенулся, сбросил тяжесть оцепенения с могуче разлетных плеч, взглянул на часы: «Завтра в шесть подъем» — и решительно откланялся. Исчез, оставшись для меня загадкой. А я стала ворошить в памяти все, что знала о нем. Что же осталось «за кадром»?

Бесспорно, что он человек сильного характера и большой воли, про таких говорят, что они крепко стоят на земле. Это чувствуется и во внешнем облике: мужеством, уверенностью и мощью веет от всей его атлетической фигуры. В юности работал со штангой, брал в толчке немалый вес — сто шестьдесят. «Всего в жизни достиг сам. С детства не было у меня ни опекателей, ни подталкивателей с «сильной» рукой. Никогда»,— скажет он мне потом, но это потом...

Детство? Да, детство у него было нелегким, военным. Пяти лет лишился отца, пал тот в бою под Сталинградом, совсем недалеко от тех мест, где на Саратовщине была их деревня. Мальчуган рано приучался к самостоятельности и труду.

Дорога в инженерию? Она началась для него той памятной весной, когда он впервые увидел буровую вышку. Учился в средней школе в Калининске, а геологи неподалеку искали газ. Невиданная техника с буровыми станками и турбобурами воздействовала на него неотразимо: выбор был сделан. После армии усложнил его сам: если уж поступать в вуз, то только в Московский губкинский. И поступил! И в жены выбрал сокурсницу, ростовчанку Дину, увлеченную разведкой голубого огня не меньше, чем он сам. Дела у молодого специалиста складывались успешно: мастер, старший инженер, главный инженер... Волгоград, Туркмения, Оренбург.

Последние два с половиной года — начальник оперативно-производственной службы-12, или, что то же самое, начальник установки комплексной подготовки газа (УКПГ-12), поступающего из многих скважин. Попросту — начальник промысла.

С чувством полного как будто удовлетворения показывал он мне свою установку. По существу, вполне автономный завод со своей котельной и прочим хозяйством... выглядел островком, заброшенным в необозримую Оренбургскую степь. Насыщенный богатой в самом прогрессивном исполнении техникой, он с лабораторной аккуратностью разместился прямо под открытым небом и в нескольких корпусах и боксах. Галян не без гордости ходил по зеленоватому аквариуму диспетчерского зала. «Здесь скоро поставим кондиционеры». Сте-

ны-щиты зала унизаны тысячами приборов. День и ночь несут тут вахту диспетчеры и операторы. Безостановочно бегут, пощелкивая, на табло цифры, в каждое мгновение фиксируя кубометры подготовленного и ушедшего на газоперерабатывающий завод газа.

В общем, все тут в наилучшем виде, начиная с проходной, увенчанной лозунгом «Вперед, магистраль дружбы и мира!». На стендах можно прочесть, что здесь работает комсомольско-молодежный коллектив и что в строй УКПГ-12 вступила 25 августа 1978 года.

Через десять примерно дней установка вышла на проектную мощность. Эта дата известна всему Оренбуржью. Всего десять дней! Планом такой рубеж предусматривался на 31 декабря! Вот уже пятнадцать месяцев установка работает устойчиво и ритмично, по всем параметрам у нее самые лучшие во всем объединении «Оренбурггаздобыча» показатели. Значит, честь и хвала комсомольско-молодежному коллективу двенадцатой, ему главный приз победителей в соревновании и красные гвоздики, для него концерт приехавших из Москвы артистов...

Нет как будто причин к тому, чтобы хмуриться Николаю Нестеровичу Галяну и в его собственном доме, в его семье. Радушной хозяйкой принимает гостей Дина Александровна. Она верна избранной специальности, защитила кандидатскую диссертацию на немыслимую, казалось бы, для этой хрупкой женщины тему — о жидкостях для промывки скважин при бурении. Работает в институте «Волго-Урал НИПИгаз».

Три дочери, одна меньше другой, предмет особых отцовских забот. Им отдается каждый свободный час. Старшая, десятилетняя Катя, стройная и гибкая, как балерина,— пловчиха, даже дома ходит в гимнастическом костюме — любимая форма. По увлеченности спортом — вся в отца. Кредо его ведь такое: «Человек должен развиваться разносторонне и гармонично».

И все же что-то гложет душу Николая Нестеровича Галяна, что-то не дает покоя.

Еще не подозревая о таких его переживаниях, я уже знала, что Галян до УКПГ-12 был начальником противофонтанной службы по борьбе с авариями на промыслах. Как тут не ухватиться за ниточку: это же так интересно, это такая героическая работа! Не то что до невероятия упорядоченная установка, на которой все упрятано в емкости и трубопроводы, ничего не видно и почти не слышно, что происходит, только гудят слегка компрессоры и насосы. При первой же возможности я стала расспрашивать Галяна. Но тут мой собеседник неожиданно отказался давать какие-либо разъяснения: мол, что было, то было, к чему ворошить? Только потом мне стало ясно, что это и был как раз мостик к разгадке, который он не хотел мне бросить.

Я все-таки стала упрашивать, и Галян, наконец, сдался, принес из соседней комнаты фотографии. Любительские, серые.

— Это Ачак. Ачак-восемнадцатый,— ткнул он пальцем в поваленную вышку.— Знаете, в Каракумах есть такое месторождение газа. Вместе с газом со страшенным ревом вырвались из скважины вода и камни. Произошло, как это часто бывает, самовозгорание. Самое главное — успеть спасти вышку, через пятнадцать минут она рухнет. Счет шел на секунды. Как видите, не успели. Только на двадцать третьи сутки укротили стихию. Люди тогда были еще малоопытными.

— Наип,— так же скупо, и ни слова о себе, о своем участии, хотя на снимках он, облаченный в шлем, комбинезон и сапоги, работал вместе со всеми, презревшими опасность.— Тоже Туркмения. Выброс газа произошел ночью из эксплуатационной скважины вбок. Вот видите, какой выбило кратер в земле — двадцать метров в диаметре. Подойти нельзя. Фонтанная арматура в огне. Температура не меньше тысячи. Чтоб выровнять струю, выстрелом выбили верхнюю часть арматуры. Огонь сбивали другой техникой, реактивной. Как выдерживали люди? Их же непрерывно поливали водой. Отчаянные? Нет! Выносливые, мужественные, с высокоразвитым чувством ответственности и долга. Попов, Чалый, их бойцы. Однажды зафонтанировала скважина и тут, в Дедурове. Я уже был на другой работе, но поручили мне. Справились быстро, за одну ночь...

Вопросов у меня было много, но Галян категорически воспротивился продолжать разговор на эту тему.

Чувствовалось: он что-то недоговаривает, и на следующий день решила поехать на двенадцатую снова.

Шоссе, построенное добытчиками газа, великолепно. Неброские окрестности. Расступаются бурые, с размытыми пятнами снежных белил поля, мелькают крестовины фонтанной арматуры, колхозные фермы, вышки, но кажется, что машина движется слишком медленно. Наконец, дорога упирается в обитую жестью дверь, караульный пост. Уже привычно вешаю на плечо противогаз — такое тут железное правило техники безопасности, без него ни шагу.

Галян шел навстречу.

— Я так и знал, что приедете! Ждал!

Мы сидим в его кабинете с шелковыми шторами на окнах, обращенных на пустынную дорогу. Тишина.

— Я не решался раньше говорить о том, что сейчас услышите, потому что до сих пор, хотя прошло почти три года, не уверен, правильно ли тогда поступил. Поймите, я никого не виню и ни к кому не в претензии.

Галян подписал какие-то бумаги и убрал их в папку.

— Сначала все складывалось у меня очень хорошо, по восходящей. Институт, Волгоград, контора бурения. мастер, старший инженер. В Туркмении формировалась экспедиция. Моя специальность — инженер по разработке нефтяных и газовых месторождений. Значит, подойду. Нужен был главный инженер. Товарищи рекомендовали меня. Мы с Диной не раздумывали — когда-то надо начинать! Пообтерся, осмотрелся — через полгода утвердили начальником экспедиции. Вот тут-то я и покрутился! Каракумы — далеко не самое сладкое место на земле. Весь длинный день висит над пустыней белое солнце, как в том кинофильме. Ящерицы — и те прячутся. Однажды из одного очень известного нефтяного края прилетела группа буровиков, хотели нам помочь, людей у нас не хватало. Заступили на вахту. Через десять дней их уже не видели: не выдержали, улетели обратно. Трудно жить в Каракумах, а мы работали. Буровые в барханах. К металлу нельзя прикоснуться. Песок на зубах. Ничего, работали. Народ пестрый, со всего света. Приходилось ездить на буровые ночью и одному. Воспитывал трудновоспитуемых. Соберу их, беседую. План-то надо выполнять и перевыполнять! И с теми, кто есть, других не пришлют. В общем, для молодого руководителя прекрасная школа, мне тогда тридцать два всего было.

...С уснувших полей вползли и затаились по углам лиловые ранние сумерки. Галян встал, включил свет, и в комнате будто потеплело.

— Через четыре года,— продолжил он рассказ,— когда развернулись работы в Оренбургской области, меня перебросили сюда. Тут тоже экспедиция, значит, планы и метры — производство. Потом новое назначение: начальник специализированной противофонтанной службы, я рассказывал, что к тому времени в этой области у меня был уже немалый опыт. Должность прямо-таки генеральская. Дело горячее и только для мужчин. Радиус действия — Оренбуржье и Туркмения, и чтоб быть молниеносно. Базы никакой. Начинали с сараюшки. Строили лаборатории. На три года, пока все создавалось и случались аварии на промыслах и при бурении скважин, меня хватило. Потом началось благополучное отсиживание. Никаких происшествий. Конечно, это очень хорошо, значит, промысловики набрались опыта, изучили характер газовых месторождений. У нас же затишье: профилактика и инспектирование. Дела идут отлично, получаем благодарности и премии, отчеты вожу в Москву, а радости нет. Нет действия, живого дела. Скучно. Я человек другого склада. Мне нужна живая работа, чтоб отдача была видна каждый день, каждый час. Потянуло опять на производство. В экспедиции были метры пробуренных скважин, на промысле — кубометры переработанного газа. Мне нужен темп, чтоб рука была всегда на пульсе. В один прекрасный день понял: надоело до смерти...

Галян отбросил резким движением назад прядь темных волос. Больше сорока ему никак не дашь.

— А начальник управления вам не дает отставки?..

— Конечно. В расстроенных чувствах иду по Ленинскому проспекту в Москве. И вдруг неожиданно встречаю старого знакомого, Виктора Андреевича Талдая, начальника объединения в Туркмении. Точно меня к нему кто-то подослал. Рассказал ему о своих переживаниях. Он меня понял. «Создается объединение по добыче,— предложил Талдай.— Подойдет?» Откровенно говоря, снова Каракумы меня не очень-то прельщали. Да и поосели мы в Оренбурге основательно, целое гнездо. Но свободных вакансий тут не имелось, оставаться же на старом месте казалось невмоготу. Ударили по рукам. Мое начальство, конечно, возражало. Но я стоял на своем даже тогда, когда Талдай, позвонив из Мары, сообщил об изменениях: «Уже не начальник, а главный инженер». Ответил незамедлительно: «Ладно, согласен». Машина закрутилась. Коллегия приняла решение. Я уж было начал собираться в дорогу, как стало известно, что главный инженер управления буровых работ в Оренбурге уезжает в длительную заграничную командировку. Я обрадовался: «Подходящая должность, и тут, на месте... И семью не придется перетаскивать. Шестеро нас, у матери здоровье неважное». Что было делать, а?

Он сверлил меня своими черными глазами.

— Как же вы поступили все же? Отказались от Туркмении — и ваш корабль потерпел крушение?

— Позвонил заместителю министра, объяснил обстановку, семейное положение. В конце концов подал заявление с просьбой освободить меня от занимаемой должности.

— Я пошел к Вяхиреву, главному инженеру Всесоюзного промышленного объединения (ВПО) «Оренбурггазпром»: «Куда угодно, только чтоб на производстве». «На установку пойдешь? Бери любую». Взял любую, двенадцатую — кусок земли на пойменном берегу Урала. Кроме тальника, на нем ничего не было. Кое-кто из старых товарищей меня отчитывал: «Эх, сплоховал ты. Надо было ехать. Побыл бы с полгода, потом что-нибудь придумал бы, вернулся. А ты — то сюда, то туда. Выбирал. Люди верили тебе, а ты пренебрег. Вот и погорел. Сиди теперь на промысле, как боярин в опале...»

Он не сидел на промысле. Работал, окунувшись с головой и засучив рукава, как только мог работать. Пришел сюда первым, в мае 1977 года, когда самосвалы возили грунт. Надо было отсыпать и поднять площадку на пять метров. Как это сделать лучше, строители решали вместе с ним. Строительство корпусов велось болгарскими рабочими, монтаж оборудования — все это при нем, под его наблюдением. Первыми его помощниками стали операторы Воронцов и Тагиров. Заранее — еще не работал ни один агрегат — он уже вынашивал с инженерами, пришедшими на установку — а тут восемь «вузовских» должностей,— идеи по повышению отдачи скважин.

Осенью 1978 года, когда двенадцатая оставила позади проектные отметки, прибыла высокая комиссия. Вышеславцев, начальник «Оренбурггазпрома», ободряюще кивнул Галяну, встречавшему гостей: «Веди!» Министр, шедший первым, увидев знакомое лицо, остановился: «Слушай, где ты раньше работал?» Галян не успел ответить, за него доложили министру другие: «Помните, его назначили в Туркмению, а он остался, не поехал...» Кто-то добавил: «Хотел изменить Оренбуржью, но передумал...» Министр улыбнулся. Потом, уже уходя, похвалил: «Молодцы!»

Они остаются и сегодня молодцами, все, кто с двенадцатой.

Спрашиваю у Николая Нестеровича, сколько было человек у него в экспедиции.

— Понимаю, куда клоните. Девятьсот, здесь — пятьдесят. Даже сравнивать нельзя. Масштабы не те, что и говорить. Я честно работал на установке, сделал все, что только можно было здесь осуществить. Двенадцатая очень много мне дала, это новая в какой-то степени для меня область — подготовка газа. Но меня грызет совесть, не покидает сознание, если хотите, вины в том, если я действительно виноват, что работаю как бы вполсилы, не полностью расходую свою энергию и свои знания, ведь я буровик, сижу не на своем месте.

Он положил на стол свои сильные и большие, как у молотобойца, руки, руки, выжимавшие гири и штанги, руки, обожженные огнем, когда помогал ставить упавшие вышки, руки, которые не чураются никакой работы...

— Я могу делать больше, могу, обязан и х о ч у. Помните, как об этом единстве говорила в тот вечер артистка? Будто обо мне. Вот почему я так расстроился тогда. Это большое счастье — работать в полную силу!

Вот и весь рассказ об инженере Галяне. Казалось бы, можно поставить и последнюю точку. Но я задумалась. Другой бы инженер, возможно, и не помышлял о новом месте: все на установке отлажено, и работает она с четкостью часового механизма. Коллектив дееспособный и дружный. Одно удовольствие иметь дело с такими грамотными, активными и растущими на глазах молодыми ребятами. Но он видит: уже есть ему смена, есть кому возглавить двенадцатую, чувствует, что своим присутствием тормозит, сдерживает продвижение других инженеров... Вот и рвется в новый бой. Рыба-то ищет, где глубже, а

человек... Этот человек — где труднее, по его размаху и силище и искания. Самому-то Галяну неловко напоминать о себе. Что же говорят о нем товарищи, его знающие?

Б. И. Прогнимак, секретарь парткома ВПО:

— Галян — сильный руководитель, способный, требовательный, любит дисциплину, заботится о людях.

Л. П. Чертков, заместитель начальника Управления по бурению газовых и газоконденсатных скважин Министерства газовой промышленности СССР:

— Галяна знаю как главного инженера и начальника экспедиции в Туркмении. Высококвалифицированный, очень грамотный специалист, способный решить самостоятельно любой вопрос. Сам мог стать к устью скважины и руководить всеми работами в самый опасный момент — под огнем.

П. В. Куцын, начальник Управления охраны труда, военизированных частей и охраны предприятий министерства:

— Галян — прекрасный, инициативный организатор. Он создал первую в стране на сероводородном комплексе, каким является Оренбургское газоконденсатное месторождение, противофонтанную службу и образцово поставил работу. Сумел подобрать нужных для этого дела людей, способных бороться со стихией, обучить и воспитать их. Создал крепкий коллектив, и его люди очень полюбили. В общем, становление части произошло под его эгидой. Мы выдвигали его на эту должность и не ошиблись — оправдал доверие.

Установка по переработке газа не его потолок.

А. Т. Шаталов, главный инженер Управления по добыче газа и газового конденсата министерства:

— Галян — крупный руководитель широкого профиля. У него громадный опыт по бурению скважин, их эксплуатации, подготовке газа, газоспасательной службе, консультирует и сейчас в аварийной ситуации. Наш, так сказать, горячий резерв.

Итак, проблемы, собственно, нет. Все дело во времени. На первый взгляд может показаться — ну, что в этой истории особенного? Вроде бы частный случай, касается одного человека. С другой стороны, в этом, казалось бы, личном деле кроется очень важный, глубокий кадровый вопрос: всегда ли человек на месте?

Юноше, начинающему жизнь, при выборе профессии помогают родители, учителя, наставники, даже ученые: разработаны системы тестов, дающие с помощью беспристрастных компьютеров рекомендации. В молодости потеря года, даже двух-трех лет в конце концов довольно легко компенсируется: есть запас времени. Гораздо сложнее, когда за спиной человека десятки лет и он на середине своего пути, в расцвете жизненных и творческих сил.

Полностью ли исчерпывает занимаемая им должность его способности, знания, опыт? Чувствует ли удовлетворение от своей работы он сам? Ведь только при таком благоприятном стечении обстоятельств принесет он наибольшую пользу обществу.

* * *

Редакция считает, что вопрос «на месте ли человек!» касается не только героя очерка. Тут могут быть разные случаи. Бывает и по-другому: человек по тем или иным причинам не соответствует занимаемой им должности, как говорят, «не тянет»...

Ждем писем читателей на эту тему...

Главный корпус заводоуправления.

Штаб строительства, в который входили директор завода А. В. Скорченко и секретарь Одесского обкома КПУ Е. Г. Борщ, оперативно решал многие производственные вопросы.

ЗАВОД У МОРЯ

С. БОРИСОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

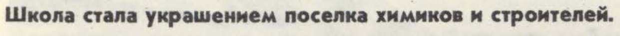
Официально этот промышленный объект называется «Одесский припортовый завод». Но здесь, на берегу моря, вырос, по сути дела, целый комплекс сооружений: сам завод, производящий жидкий аммиак, установки по перегрузке суперфосфорной кислоты, карбамида, глубоководный порт, железнодорожный узел — и крупный заводской поселок, быстро перерастающий в город Южный. К заводу подходит аммиакопровод, протянувшийся через всю европейскую часть страны — от Тольятти до Одессы. Все это сложнейшее, современнейшее механизированное и автоматизированное хозяйство призвано служить главным образом сельскому хозяйству, поставляя сырье для минеральных удобрений и в нашу страну и за рубеж. Других таких заводов в СССР нет, да и в мировом масштабе этот вошедший в строй одесский комплекс занимает видное место среди подобных химических гигантов.

Первые рабочие пришли сюда, на берег Аджалыкского лимана, шесть лет назад. Стройка собрала лучших специалистов по возведению химических предприятий, но и им, посланцам многих республик, приходилось осваивать новую для них технологию работ и новое оборудование, как бы расти вместе со стройкой. Сложность была и в том, что все возводилось одновременно строительными организациями различных министерств: еще поднимались корпуса, а уже монтировалось оборудование, строились причалы и углублялся проход для судов в мелководном лимане, с каждым днем все ближе сходились между собой отрезки растянутого на тысячи километров аммиакопровода. Огромную работу по координации всех усилий на разных участках строительства завода выполнял штаб стройки, душой которого стал секретарь Одесского обкома КПУ Евгений Григорьевич Борщ. Большую роль в строительстве сыграл трест «Одессхимстрой» и другие организации области.

Год назад, в январе, строители рапортовали о пуске первой очереди завода, что обеспечило обработку 450 тысяч тонн аммиака в год. Первые океанские теплоходы подошли к причалам, приняли в свои танки сжиженный аммиак. С большой трудовой победой поздравил коллектив комплекса Леонид Ильич Брежнев. «Выражаю твердую уверенность в том, что вы и впредь будете настойчиво бороться за досрочный ввод в действие объектов второй очереди и освоение проектных мощностей Одесского припортового завода...» — говорилось в приветственном письме. И вторая очередь не только вовремя вступила в строй — она завершена на три с половиной месяца раньше срока! Завод начал действовать на полную мощность в октябре, что позволило химикам получить до конца 1979 года сверхплановой продукции на сумму около 5 миллионов рублей.

Но не только своей мощностью, не только сжатыми сроками строительства успел уже завоевать известность Одесский припортовый завод: он стал одним из предприятий химической промышленности, где вся технология рассчитана на работу без вредных выбросов. За этим следят центральная промышленно-санитарная лаборатория и ее филиалы в каждом цехе.

...Стоят у моря огромные серебристые колонны абсорберов, блестят купола резервуаров, переплетения эстакад и трубопроводов. И могучие конструкции завода и растущий неподалеку будущий многоэтажный город Южный будут теперь, пожалуй, главной достопримечательностью причерноморской степи.

Школа стала украшением поселка химиков и строителей.

Пульт управления цеха по переработке аммиака.

Эрнст Буш. Фото В. Фойгта.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЭРНСТА БУША

Когда я вступал в комсомол, мне задали только один вопрос: знаю ли я «Песню о едином фронте», которую привез к нам Эрнст Буш:

Марш левой! Два, три!
Марш левой! Два, три...

Это было в 1936 году. Эрнст Буш тогда часто выступал по московскому радио. Не знать его песен было нельзя.

Певец-антифашист и замечательный драматический актер, он вынужден был покинуть Германию, когда фашисты захватили власть в стране. В СССР он нашел гостеприимство и многих друзей.

Дальнейший его жизненный путь лежал через поля сражений гражданской войны в Испании. Во Франции он был интернирован и затем передан в руки гитлеровцев. «За распространение коммунизма при помощи песен» приговорен к тюремному заключению. Освободила его Советская Армия.

— 27 апреля 1945 года — день, который я никогда не забуду,— рассказывает Эрнст Буш.— С утра могильная тишина в Бранденбургской тюрьме, затем невероятный шум, и вот распахивается широко дверь. На пороге солдат со звездой на пилотке и автоматом на груди. Говорит: «Выходи! Свобода!». Нас накормили, дали одежду и каждому — велосипед, чтобы скорее добрались до дому. Проехали два километра: «Стой!» Попали на артиллерийские позиции. Велосипед отобрали, ведут к офицеру. А он до войны меня в Колонном зале слушал. Узнал. Обнял. Приказал выдать новые ботинки и самый лучший велосипед. Мой сосед по камере слесарь Отто Клипенштайн жил совсем недалеко, скоро мы оказались у его дома. Он боялся идти к своим: у жены слабое сердце. Я пошел вперед, вижу — девочка, спрашиваю: «Вы дочка?». «Да». «А мать дома?» «Да». «Хотите видеть отца?» А он уже сам идет по дорожке...

Впервые я увидел Буша в 1945 году. На сцене. Его первая послевоенная (на мой взгляд, лучшая) роль — сторож маяка в пьесе Р. Ардри «Скала грома». На спектакль я попал по делам службы: моя новая воинская должность называлась референт по театрам управления военного коменданта Берлина. Меня познакомили с Бушем, и мы быстро подружились.

Он называл себя ровесником века. Век, правда, опередил его на три недели: Эрнст родился 22 января 1900 года. В Киле, в семье рабочего. Семи лет от роду он уже выступал на сцене: в рабочем хоре пел «Интернационал». Пятнадцати лет начал работать слесарем на судостроительной верфи. В восемнадцать лет Буш участвует в восстании кильских моряков, положившем начало Ноябрьской революции в Германии. С тех пор две страсти владеют им — революционная борьба и искусство.

После войны Буш вновь на сцене. Он играл Сатина в «На дне», поставил «Матросы из Каттаро» Вольфа. И вскоре вернулся к деятельности певца-трибуна. Это было особенно трудно: в тюрьме Эрнст получил ранение, парализовавшее левую часть лица. Он преодолел и это.

Когда в 1957 году Буш с театром «Берлинер ансамбль» приехал на гастроли в СССР, москвичи и ленинградцы запомнили его в брехтовских пьесах «Матушка Кураж», «Кавказский меловой круг», «Жизнь Галилея». Он создал великолепные образы Мефистофеля в «Фаусте», Яго в «Отелло», Юлиуса Фучика в пьесе «Прага остается моею».

В последние годы выдающийся артист занят осуществлением «дела своей жизни» — созданием хроники песен нашей эпохи. Последняя, полученная от него в подарок пластинка — «Новому поколению», песни и стихи Брехта — помечена летом прошлого года.

Поздравляя Эрнста Буша со славным юбилеем, пожелаем ему здоровья, новых сил и бодрости!

Арсений ГУЛЫГА,
доктор философских наук

ДАВАЙТЕ

Эта короткая притча приведена в московском сборнике «День поэзии 1979»: «Торопись обрадовать добрым словом встречного, может быть, в жизни не придется больше повстречаться». Мысль знаменательна, особенно по отношению к поэзии, к поэту: торопись, но имей в виду — твое слово должно быть не только добрым, но произнесенным как бы навсегда, навечно.

Именно с этих позиций делятся своими мыслями о поэзии известные прозаики П. Нилин и Ю. Нагибин, С. Антонов и В. Белов. «Поэзия всегда восставала против бездушия и стандарта, она всегда стремилась возвысить человека...» — пишет В. Астафьев. А вот суждения В. Распутина: «...Поэзия меняется и, как мне кажется, в последнее время тяжелеет. Если у нынешней поэзии есть крылья, то они чаще всего металлические, на которых способно доставлять грузы на наши великие стройки, высекать жар путевых впечатлений («нынче здесь, завтра там») и вливать свой ритмический гуд в общее могучее гудение прогресса. И когда вспоминает поэзия, что и зачем она есть, она уже не в силах вернуть себе животворное, богом данное сердце вместо «пламенного мотора» — и ее мучительные, чаще всего безуспешные попытки в этом смысле хорошо заметны.

Но это, разумеется, не вся поэзия. Это основное течение, правило, из которого не может быть исключений. Литературу же двигали вперед всегда именно исключения. Хотя — если говорить про общую направленность,— похоже, что литература давно уже, пускай и с остановками, с внушающими порой надежду дальними обходами, спускается тем не менее со своих высот вниз, и пики Пушкина, Фета, Тютчева и Блока в поэзии, как и пики Гоголя, Достоевского и Толстого в прозе, никогда не будут взяты».

Эта пространная цитата, которой я воспользовался, категорична и обостренно полемична. Думается, поэт вряд ли решился бы так резко высказаться. Правда, до пиков Пушкина и Тютчева действительно далеко, но ведь поэзия — «дитя добра и света» — и сегодня живет светлой мечтой и благими устремлениями.

С обложки нового «Дня поэзии» на нас смотрят любимые поэты. Среди них Владимир Луговской, по предложению которого в 1955 году в Москве был проведен первый День поэзии, а в следующем году вышла яркая, большого формата книга с автографами на обложках.

«День поэзии» — как бы моментальный снимок, яркий репортаж, отражающий работу московских поэтов за целый год. Неужели у него только металлические крылья и «пламенный мотор» вместо сердца? А «восторг души первоначальный», как сказано в эпиграфе (А. Блок) к первому разделу сборника, заменен холодной и трезвой рассудочностью? Думается, это не совсем так. Нынешняя поэзия, нащупывая пути к собственному слову, одновременно стремится к поискам того поэтического мировосприятия, которое сделало бы ее общезначимой, необходимой всем. Отрадно, что редколлегия сборника (главный редактор — поэтесса Л. Васильева) смотрела на свою задачу именно сквозь эту призму. Вот откуда, на мой взгляд, и организующий стержень альманаха — чувство историзма.

«Как молоды мы все на этом снимке! И веселы: Берлин у наших ног...» — начинает свое стихотворение А. Смольников. И в нем история целого поколения, победившего фашизм. Каждый из победителей подписался бы под завершающими словами небольшой поэмы А. Балина «Продолжение дня»: «Но коль беда настигнет

День поэзии 1979 — «Советский писатель». М., 1979, 224 стр.

Псков. Приказные палаты.

СПРАШИВАТЬ С СЕБЯ

пострашней, впряжемся в скатку и беду осилим, а то, что остается мало дней, так это у меня — не у России».

Связующая нить времен, верность традициям и ощущение современности, «тайна любви» человека к человеку, всего живого ко всему живому — вот что должно в наше время поддерживать «дыхание планеты», ее будущее. Во многом, наверное, это зависит и от того, как насыщенно живет сегодня человек, как он трудится, как любит в этом «мире, еще молодом».

И думал я долго о том,
Давая созреть укоризне,
Что в мире, еще молодом,
Так много от древности жизни.

Зовущая тайна любви,
Не зря ты веками воспета:
Не сгинет твой пламень
в крови,—
Покуда им дышит планета,—

пишет В. Сорокин.

Давно уже стало истиной, что подлинные удачи советской поэзии—на путях воссоздания реального мира, того самого животрепещущего дня, в котором мы «боремся и живем».

«Он прост и ясен, как основа для жизни сердца и ума, как изначальнейшее слово да и как родина сама»,— говорит о насущном «черном хлебе» А. Преловский. Как бы «итожа то, что прожил», В. Костров обращается к читателям:

...Перед любой вселенской бурей,
как мы живем, какими будем —
давай предъявим счет себе.
Давайте спрашивать с себя,
какою ты болел заботой,
как ты любил,
как ты работал,
давайте спрашивать с себя.

«Давайте спрашивать с себя». Вот именно — с себя в первую очередь. От горизонта одного человека — к горизонту всех людей, считал Элюар. Но сначала все-таки от своего горизонта. Спросить с себя. А о чем спросить? О том, «какою ты болел заботой, как ты любил, как ты работал»? Да, наверное, и об этом. Но ведь об этом должен спрашивать себя каждый человек, каждый гражданин. А поэт? Раньше всего, думается, он должен спросить себя о самом для него изначальном, самом главном,— что стоит за его желанием выразить себя в мире. Не пустые ли это попытки — повторять то, что уже выражалось, то, о чем говорили другие?

Для поэта важно не просто что-то сказать, а как это сказать. У Маяковского, например, нет стихов о природе. У него, наверное, был иной тембр голоса. Но Маяковский был личностью и, как всякая личность, выражал то, чем жило его время. И если бы он писал стихи о природе, он все равно выражал бы через них время.

Настоящий поэт всегда с тем, что рождается, и, значит, против того, что отмирает. Только так, спросив себя о назначении поэтического слова в современном мире, можно хоть малой мерой: стихом, строфой, словом — стать необходимым.

Среди всех земных забот и тревоволнений, которыми живет поэт, есть одна, главная — тревога за судьбу мира, за будущее его.

Проходя неуловимой гранью,
человек берет за пядью пядь,
подчиняясь священному желанью
в этом мире мыслить и страдать.

И если лирический герой этого стихотворения Е. Винокурова страдает как бы за все доброе на земле, то А. Москвитин в стихотворении «Машинный мир» более конкретен, он предостерегает человека эпохи НТР: «дико видеть, точно сына, что поднял длани на отца, как рукотворная машина теснит тщедушного творца». Да, машинизация — веяние эпохи — тревожит нас по-настоящему, и поэт еще раз призывает задуматься о человеческом будущем.

Критик В. Кожинов, представляя стихи молодого В. Урусова, живущего в рабочем поселке Владимирской области, подметил его преимущество перед множеством других сверстников, пишущих стихи, а именно: «он глядит в жизнь не через стекла поэзии». Правда, в некоторой мере это утверждение противостоит мысли В. Распутина о «крыльях поэзии», о ее пиках, но трудно не согласиться с тем, что поэт должен смотреть на мир через «оправу» жизни, а не литературы. Тем более, как пишет критик о стихах молодого автора, «это проявляется... в полнокровном чувстве личной причастности и ответственности за все, что ни предстает в его стихах... В лучших строках Урусова покоряет и захватывает дыхание живого современного бытия».

Последнюю мысль следует отметить, ибо, как ни странно, в нынешней молодой поэзии подлинная ответственность зачастую заменяется досужей игрой в слова, за которой не чувствуешь ни времени, ни сердца автора.

Вот почему, с этой точки зрения, мне показались не совпадающими с общей направленностью «Дня поэзии 1979» стихи В. Куприянова и Ю. Лакербая. Приведу одно из них, Куприянова:

Ищет
снежинка в небе —
на какую землю упасть.
Ищет девушка в детстве —
кого полюбить.
Ищут дети во все глаза —
от кого им
родиться.

Мне кажется, трудно проникнуть в смысл этих строк. Конечно, «поэзия должна быть глуповата», но до какой степени? Да, это свободный стих, но разве ему дозволены невнятица, мелкотемье?! Думается, что не такую поэзию имел в виду В. Белов, публикуя в сборнике статью «Поэзия необъяснима». Какая уж тут история повседневности, дай бог разобраться, в коем веке сие писано.

А между тем, познакомившись со стихами как бы заново воскрешаемого в сборнике и практически неизвестного молодым поколениям прекрасного поэта Михаила Кузмина, читатель поверит словам его современника, что они достойны того, чтобы для них была открыта «душа отдыхающего воина и труженика, творца железных будней». Значит, все-таки и о «железных буднях» можно писать так, что в них почувствуешь «напряженное, тревожное» ожидание.

В публикациях юной М. Цветаевой о В. Брюсове, в стихотворении П. Васильева «Любовь на кунцевской даче», неизвестных стихах А. Ахматовой, воспоминаниях Н. Павлович, М. Квливидзе, Е. Долматовского чувствуются ритмы эпохи, движение ветра времени, дорогие сердцу каждого мгновения и свидетельства.

Критика уже отмечала некую метафоричность трех разделов «Дня поэзии 1979»: утро, день, вечер нашей жизни. В связи с этим символическим разделением кажется характерной подборка стихов раннего Николая Тихонова, времен «Орды» и «Браги». Поэт пишет в предисловии, что, когда он собирался издавать свой первый сборник стихов, перед ним лежало шестьсот стихотворений. Он выбрал из них около тридцати. Достойная арифметика! Заставляющая задуматься о сущности поэтического слова, об ответственности за него перед своим и завтрашним временем.

Итак, рядом самое начало — стихи молодых — и стихи недавно ушедшего прекрасного советского поэта, на прощание озарившего нас ярким светом своей молодости. И тут и там доброе слово, «вера в свой век», чувство вечности мира. А в них и между ними — день советской поэзии.

Феликс МЕДВЕДЕВ

ОН ВОЗРОЖДАЛ ПСКОВ

Вся жизнь этого человека была посвящена древнерусским архитектуре, живописи, градостроительству. Он родился в Пскове в 1909 году, учился архитектуре в Ленинграде, побывал во многих городах России и в конце жизни — уже крупным ученым-архитектором — вновь приехал в родной город, чтобы во главе специальной научной реставрационной и производственной мастерской разрабатывать планы восстановления целых комплексов памятников древнего Пскова начиная с XII века.

Сегодняшний гость Пскова поражается неповторимому своеобразию его улиц и архитектурных ансамблей, прозрачной простоте старинных церковок, «невыдуманных, словно выросших из земли». И когда спрашиваешь, чьими же трудами воссозданы эти улицы и древние башни, стены домов и поседелые валы укреплений, среди многих имен чаще всего звучит это: Юрий Павлович Спегальский.

Гармоничнейшим образом сочетались у него умение каменщика и талант архитектора, знание древнерусского фольклора и мышление градостроителя. Его научное и интуитивное проникновение в глубину веков поразительно. Всех потрясло открытие Спегальским деревянных жилых хором, выстраиваемых в древности поверх высоких каменных этажей. Таковы палаты Гурьева и Поганкины палаты, Солодежня и дом Печенко, реконструкция которых еще предстоит по обстоятельным рисункам и чертежам Спегальского. Архитектор реконструировал не только здания, церкви, псковский кремль — Детинец, но и внутреннее убранство домов, вплоть до старинных орнаментов печей.

Великая Отечественная война застала Ю. П. Спегальского в Ленинграде. В блокадном холоде и голоде он по заданию Военного совета Ленинградского фронта в составе бригады верхолазов маскирует шпиль Адмиралтейства и Исаакий, Петропавловский собор и купола Смольного монастыря. После войны его же руки реставрируют высотные сооружения города на Неве, а к 250-летию Ленинграда на 122-метровой высоте он делает тщательные обмеры золоченого флюгера колокольни Петропавловского собора и участвует в восстановлении шпиля.

Ю. П. Спегальский ушел из жизни внезапно, в расцвете творческих сил, в разгар работы. Когда переступаешь порог его квартиры на Октябрьском проспекте Пскова, трудно поверить в то, что хозяин вот уже десять лет в ней не бывал. Все здесь заботливо сохраняют руки жены архитектора, его верного друга и помощника Ольги Константиновны Аршакуни. На стенах квартиры — многочисленные рисунки и картины Спегальского, выполненные маслом и карандашом. К столешнице, вырезанной руками художника, боязно прикоснуться — так ярок и красочен древнерусский орнамент с остроумными изречениями и пословицами. А праздничные гобелены, а деревянные резные люстры и светильники, а письменный стол петровских времен, восстановленный хозяином... Ольга Константиновна показывает мне охранное свидетельство Управления культуры Псковского облисполкома: квартира Спегальского скоро станет музеем.

Георгий БЛЮМИН

ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО

А. ЕГОРОВ

В воспоминаниях Н. К. Крупской о В. И. Ленине упоминаются десятки людей, с которыми в разное время встречался Владимир Ильич. Многое о них сейчас известно. А вот кем был рабочий Егор?

Надежда Константиновна писала: «В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне раз в неделю «журфиксы», для сближения большевиков. На этих «журфиксах», однако, настоящих разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым — даже воротнички по этому случаю надел,— но ушел он от Плеханова разочарованный, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку»,— наша возьмет»,— утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелое настроение».

Что касается «Зверки», то в примечаниях о ней сказано, что это Мария Моисеевна Эссен, по партийной кличке — «Зверь». Что же касается «рабочего Егора», то не указаны ни его фамилия, ни отчество. Возможно, это был его псевдоним.

В переписке В. И. Ленина и редакции «Искры» с социал-демократическими организациями в России, относящейся к началу XX века, упоминаются Касьян и Иннокентий, Кондрат и Ерема, Август и Терентий, Тит и Макар... Казалось, не было мужского имени, которое не использовалось бы революционерами в качестве партийной клички. Не было исключением и имя «Егор». Это был псевдоним Ю. О. Мартова. Но он, разумеется, никакого отношения не имел к «высокому лысому рабочему».

Тщательно изучая «Переписку В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.» и два первых тома «Переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.», я обратил внимание на клички Нил, Фома, Фома Петрович, Большак. Оказалось, что все они принадлежали одному и тому же человеку — Ивану Ивановичу Егорову. Например, И. И. Радченко и В. Н. Шапошникова 10 сентября 1902 года (здесь и в дальнейшем даты приводятся по новому стилю) сообщали из Петербурга редакции «Искры»: «Связываем с вами рабочего... Нил очень солидный парень, не новичок, опытный, человек с творчеством и, несмотря на то, что в последнее время, живя вблизи Терентия, не пришлось ему носить меха, выглядит человеком жизненным, с хорошим настроением. У Коли пробудет недолго. Надо этого человека не утерять».

Если пояснить, что в письме именем «Терентий» назывался Тверской комитет РСДРП, «Колей» — Петербургский, а «мехом» — газета «Искра», то станет ясно, о чем идет здесь речь.

Через десять дней В. Н. Шапошникова уже сообщала: «Нил, с которым нас связал Касьян, будет отсюда выслан, так как полиция отобрала его паспорт. Он предлагает поэтому стать разъездным организатором»...

Редакция «Искры» в ответ запрашивала В. Н. Шапошникову и В. П. Краснуху: «Куда писать Калинину и Нилу?»

В 1903 году «Нил» стал «Фомой». И. Ф. Дубровинский сообщал из Киева Тверскому комитету РСДРП: «Скоро приедет к вам специалист по технике со станком и шрифтом, нужно ему уплатить за это около пятидесяти рублей... Он же привезет два паспорта — Фоме и вдове...» А вот строчки из письма Н. К. Крупской: «Передайте поскорее в Тверь, что Большак Фома пишет гамбетовским ключом по фразе Северо-американские штаты...»

Иван Иванович Егоров родился в 1874 году в деревне Благуши Зубцовского уезда Тверской губернии. Его отец, многодетный крестьянин, после долгих скитаний по Руси в поисках лучшей доли оседает в Петербурге. Здесь и начинается трудовой и революционный путь Ивана Егорова. После окончания ремесленного училища Балтийского завода он работает слесарем. Пятнадцатилетним подростком Иван посещает тайные рабочие кружки, приобщаясь к революционной борьбе.

Участие в забастовках и демонстрациях, распространение нелегальной литературы делают его заметной фигурой среди рабочих. За ним следят жандармы и тайные осведомители. В 1892 году Иван Егоров на первомайской сходке был схвачен и два года содержался сначала в «предварилке», а потом в Крестах — политической тюрьме Петербурга. После отсидки молодой революционер высылается на родину — в Зубцовский уезд под гласный надзор полиции.

Но и под «полицейским оком» он не прекращает политической работы, участвуя в тайных сходках местных учителей, распространяя нелегальную литературу среди крестьян.

В 1895 году Егорова отправляют в солдаты, четыре года он служил рядовым 62-го пехотного Суздальского полка. Потом снова Петербург, мастерская Балтийского завода. Снова подпольная работа, организация кружков на заводах и фабриках Выборгской стороны, Нарвской заставы, Васильевского острова. Снова арест, девятнадцатимесячная отсидка в «предварилке», высылка в тот же Зубцовский уезд под особый надзор...

С тех пор вся его жизнь вплоть до Октябрьской революции — сплошные скитания политического поднадзорного, нисколько не снижающего своей активности.

В 1902 году, отбыв срок наказания, Егоров возвращается в Петербург, поступает слесарем на завод Лесснера и под кличкой Нил принимает активное участие в работе искровской организации. В конце 1902 года по постановлению искровского комитета Нил выступает в одном из трактиров Выборгской стороны на открытом собрании против экономистов. Тут его схватили переодетые жандармы. Тюрьма, ссылка в Тверь. Теперь он уже «Фома», руководит подпольными кружками, распространяет нелегальную литературу. Ему удается избежать ареста, он выезжает в Екатеринослав, затем нелегально переходит границу и появляется в Женеве.

Получив задание вести на местах работу по созыву III съезда РСДРП, Егоров возвращается в Россию. Но о его приезде уже известно департаменту полиции. Шифрованная телеграмма оповещала начальника Московского охранного отделения, что «разыскиваемый Иван Иванов Егоров едет из-за границы в Россию. Посетит Москву. Имеет паспорт для проживания в империи на имя слесаря Василия Иванова Брюховецкого. Лысый, носит парик. Случае прибытия изыщите благовидный предлог для ареста».

Ровно через месяц Н. К. Крупская запрашивает Ф. В. Ленгника и Е. Д. Стасову: «Был ли у вас Фома? Он как в воду канул, страшно беспокоит». Е. Д. Стасова ответила: «Макара послали в Нижний, ибо там водворяется меньшинство. Через несколько времени туда едут Фома и Август. План действий вообще таков: двигаться группой, завоевать комитет — и дальше».

Фома благополучно объезжает губернии центра России, агитируя местные партийные организации за созыв третьего съезда. Но в Сормове его подстерегала неудача. Душной летней ночью, когда в квартире рабочего Виноградова собрался местный комитет РСДРП, сюда по сигналу шпика прибыли полицейские и жандармы. Фома был схвачен. При обыске у него обнаружили паспорт на имя Брюховецкого и парик.

Арест Фомы сильно обеспокоил В. И Ленина и Н. К. Крупскую. Начинается подготовка к его побегу. Надежда Константиновна писала П. И. Кулябко: «Пусть заделают под подошвы сапог паспорт и пилочки-ножовки и передадут ему в тюрьму через Некрасову, мать или брата. Сделать это надо как можно скорей, это очень важно, пусть в крайнем случае кто-нибудь съездит». Через несколько дней Надежда Константиновна отправляет письмо в Тверь А. А. Богданову, в письме содержится та же просьба.

26 (13) ноября 1904 года Тверскому комитету РСДРП пишет уже Владимир Ильич: «Большак просит заделать в подошвы сапог паспорт и пилочки-ножовки и передать ему через Некрасову или родных.

Известите немедля о получении наших писем. Шлем привет. Ленин».

Итак, подведя итог сказанному, мы видим, что Нил, Фома, Большак был одним и тем же лицом — Иваном Ивановичем Егоровым, хорошо известным В. И. Ленину и Н. К. Крупской, и встречался с ними в Женеве. По приведенным выше документам можно заметить, что и время пребывания его за границей совпадает с упоминаемым Надеждой Константиновной эпизодом в книге.

Однако эта версия все еще, как ответили мне в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, требует дополнительного подтверждения: «Настораживает тот факт, что имя Егор, упоминаемое Надеждой Константиновной, не встречается в других источниках. Нет этого имени (или клички, псевдонима?) и в известном Вам трехтомном сборнике документов «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.». Здесь приведены такие клички И. И. Егорова, как Большак, Большак Фома, Фома, Фома Петрович...

Я тем временем продолжал поиск. В ленинградском партийном архиве мне удалось найти воспоминания самого И. И. Егорова.

Меня продолжало беспокоить: почему же Надежда Константиновна назвала его Егором в той ци-

П. Белоусов. Род. 1912. В. И. ЛЕНИН СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ III СЪЕЗДА РКСМ.

На развороте вкладки: Л. Шматько. Род. 1917. В. И. ЛЕНИН У КАРТЫ ГОЭЛРО. VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

В. Серов. 1910—1968. ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ.

тате, которую я привел в самом начале статьи? Разумеется, об этом можно лишь догадываться. По-моему, в том контексте, который приводится в воспоминаниях, назвать рабочего его собственным именем, то есть Иваном, не совсем было уместно. В данном случае фраза, сказанная Зверкой и приводимая Надеждой Константиновной, звучала бы иронически: «Не унывай, Иван, валяй «Ваньку»,— наша возьмет». Это во-первых, а во-вторых, судя по материалам, Надежда Константиновна относилась к И. И. Егорову дружески и не исключено, что она (как, впрочем, и другие) называла его именем, производным от фамилии. Такое в жизни бывает часто.

Какова же дальнейшая судьба «рабочего Егора»?

Весной 1907 года состоялся суд по делу об убийстве зубатовца Волнухина. За недостатком улик И. И. Егорова оправдали. Выпущенный на свободу, он едет в Москву и под кличкой Прокоп принимает участие в работе Московского комитета РСДРП. В 1908 году по доносу провокатора его снова арестовывают и ссылают в Сибирь — в Березовский уезд. В 1910 году он организует побег В. П. Ногина. Через год, отбыв ссылку, возвращается в Москву. Но недолго находится на свободе. На собрании по выбору делегатов на большевистскую конференцию Иван Иванович вместе с Бресловым арестовывается. Улик, однако, было немного, и спустя пять месяцев Прокопа освобождают. В Москве ему оставаться было опасно, и он уезжает в Петербург. В начале 1912 года приступает к работе в качестве секретаря профсоюза текстильщиков, под псевдонимом «Незнакомцев» выступает в «Правде» по страховым вопросам.

В конце 1912 года последовали новый арест и ссылка в Вологодскую губернию. Через год возвратился в столицу. Началась война... Иван Иванович был выдвинут на пост председателя первого Московского рабочего Союза потребительских обществ. После свержения царизма Егоров — член президиума Московского Совета и одновременно председатель Городского продовольственного комитета. С победой Великого Октября Иван Иванович продолжает работу по организации снабжения Москвы и губернии, возглавляя продовольственный комитет и оставаясь при этом председателем правления Союза рабочих потребительских обществ Москвы и Московской области.

В советский период Егоров занимает ряд руководящих хозяйственных постов. Работает в кооперации, в Народном комиссариате земледелия, в Наркомторге РСФСР.

В Ленинградском партийном архиве мне удалось обнаружить автобиографию И. И. Егорова, написанную им 10 марта 1933 года. Тогда он занимал должность директора треста «Мосагролес» Главлесхоза СССР.

Как дальше сложилась его судьба? Мои поиски зашли, казалось, в тупик. Архивные материалы не могли сообщить ничего нового.

Многое прояснил третий том «Переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.», вышедший в 1977 году. В ней в указателе имен уже обозначена дата смерти И. И. Егорова — 1937 год.

Я снова обратился в Институт марксизма-ленинизма, и мне сообщили, что в 1935 году И. И. Егоров заведовал семенным бюро «Главсельхозуправления» Наркомзема СССР, а с 1935-го — персональный пенсионер. Женат был на Пелагее Филипповне Гусевой, был у них сын... В документах значится лишь одна буква инициалов сына — «Е». Очевидно, Егор. Это уже была ниточка. Очень помогло мне в дальнейшем Центральное адресное бюро паспортного отдела УВД исполкома Моссовета. Открытка сообщала: «Гр. Гусева Пелагея Филипповна 1893 года рождения проживает в городе Москве на ул. Октябрьской, дом 38, кв. 376». Наконец-то! Мне даже не верилось, что это была супруга Ивана Ивановича. В тот же день я написал по этому адресу письмо, в котором рассказывал о своих поисках. А через неделю вечером у меня дома раздался телефонный звонок, и незнакомый голос пробасил: «Вы сейчас будете удивлены... С вами говорит Игорь Иванович... Вы меня не знаете... Моя фамилия Егоров. Я сын Ивана Ивановича...»

При первой же возможности я выехал в Москву и встретился с Игорем Ивановичем. Работает он начальником треста «Главэлеваторспецстрой». У него есть брат Владимир Иванович, который работает также в Москве. Пелагея Филипповна находилась в больнице, с ней поговорить тогда не удалось. Много нового узнал я о своем герое. Многое уточнилось. Дата смерти, обозначенная в книге, оказалась неточной. Иван Иванович работал до последнего дня и скончался скоропостижно в 1936 году.

— А почему у вашей матери другая фамилия? — поинтересовался я.

— Видите ли, мои родители поженились до революции, церковного брака не признавали, вот и осталась фамилия девичья.

— Первая буква ваших инициалов, как мне сообщили, значилась «Е».

Игорь Иванович улыбнулся:

— Меня часто зовут «Егором», по фамилии. Очевидно, по этой причине и в документ проникла буква «Е».

Сложную и яркую жизнь прожил Иван Иванович Егоров. Еще в 1921 году революционер и историк партии М. С. Ольминский рекомендовал ему, «известному в Москве деятелю по кооперации», «подумать о том, чтобы написать воспоминания о своей богатой событиями жизни».

Справедливости ради надо сказать, что И. И. Егоров не всегда занимал твердые большевистские позиции. Он, например, в 1913 году входил в «Межрайонную организацию объединенных социал-демократов» («межрайонцы»), разделяя с ними их заблуждения по ряду тактических вопросов. Это, однако, не умаляет его вклад в революционное движение России. Питерский «рабочий Егор», он же Нил, Фома, Большак, Прокоп, всю свою жизнь отдал борьбе за дело рабочего класса.

Остается устранить недоуменные вопросы читателя по поводу моей фамилии. Я не родственник Ивану Ивановичу, тут случайное стечение обстоятельств: мы просто однофамильцы.

КАК СОЗДАВАЛСЯ ФИЛЬМ О МЕКСИКЕ

Г. В. АЛЕКСАНДРОВ, народный артист СССР

Еще в дни XI Международного кинофестиваля в Москве, открывшегося новой советской картиной «Да здравствует Мексика!», народный артист СССР, Герой Социалистического Труда кинорежиссер Г. В. Александров дал согласие побывать с фильмом (получившим на конкурсе высшую награду — Золотой приз) в клубе «Огонька» и рассказать об истории возникновения замечательной киноленты.

А история создания фильма, ныне выходящего на экраны страны, и впрямь необыкновенна. Но она не только результат отчаянной смелости, упорства молодых советских кинематографистов — Эйзенштейна, Александрова и Тиссэ. Она еще и доказательство постоянства, верности, дружбы: живой результат интернациональных, поистине братских отношений стран и народов, и многих больших, настоящих художников...

Все это не только остается «за кадром», но иногда даже и выходит на экран, придает картине о Мексике острое чувство современности, волнуя, заставляя зрителя сопереживать. Это подтвердил и рассказ маститого кинорежиссера о том, как непросто появилась на свет картина.

— Создание мексиканского фильма беспрецедентно,— в самом начале встречи сказал Григорий Васильевич.— История кино не знает такого случая, чтобы картина делалась пятьдесят лет. Но именно столько времени прошло с тех дней, когда мы втроем — Эйзенштейн, Тиссэ и я—были приглашены в Голливуд, чтобы поставить там несколько фильмов и, кстати, освоить звуковое кино. Ведь тогда звукового кино еще не было: в ту пору только начинались эксперименты по озвучиванию кинематографа. В Голливуде мы пробыли семь месяцев, написали три сценария, которые напугали хозяев фирмы своим социальным содержанием, и фирма их ставить не пожелала.

Не приняли американские продюсеры и других наших сценариев. И вот тогда-то мексиканские друзья — в том числе великие художники Диего Ривера и Сикейрос — пригласили нас посмотреть Мексику. А надо сказать, что мы с Эйзенштейном прямо-таки бредили Мексикой. Мечта там побывать зародилась с 1926 года, когда эти художники были у нас в Москве и рассказывали о жизни своей страны. Эйзенштейна особенно интересовало празднование Дня Мертвых. Это необычайный праздник, когда все живые считаются как бы мертвыми, а мертвые, напротив, ожившими, живыми... Сегодня этот праздник — весь его ритуал — вы увидите в эпилоге картины: это и в самом деле одно из удивительнейших явлений на нашей планете.

Приехав в Мексику, мы воочию наблюдали всю эту жизнь — удивительную, на редкость разнообразную по человеческим характерам. Там чуть ли не на каждые сто километров меняется климат, меняется национальность, меняется язык... На 48 наречиях говорят мексиканцы!

В то время дипломатических отношений у нас не было ни с Соединенными Штатами, ни с Мексикой: она порвала дипломатические отношения с нашей страной под нажимом Соединенных Штатов. А мы в тот самый год как раз и приехали в Мексику! Поэтому нас там считали эмигрантами: мы получили соответствующие «эмигрантские» удостоверения. Позднее стало известно, что из Голливуда на нас был послан донос, что мы, мол, едем в Мексику, чтобы там «делать революцию». Этот донос написал некий майор, представитель Гитлера в Калифорнии, сколачивавший там фашистскую партию. Впоследствии этот резидент гитлеровской разведки был арестован и посажен в тюрьму, но в то время его донос подействовал на мексиканцев, и нас в первый же день прибытия посадили в тюрьму и начали мучить допросами. Мучили и тем, что мы сидели в камерах каждый отдельно, ничего не зная друг о друге. И вот тогда Бернард Шоу, Теодор Драйзер, Томас Эдисон и Чарли Чаплин, с которыми мы были знакомы, организовали комитет по нашему освобождению. Одну за другой они посылали президенту Мексики телеграммы. Но и это не помогало. Выручил нас прибывший в Мексику посол Испании Альварес Дельвайо, с которым мы подружились еще во время съемки фильма «Броненосец «Потемкин» в Одессе. Он тогда жил с нами не только в одной гостинице, но даже в одной комнате. И, конечно, мы стали друзьями. Так вот этот самый Альварес Дельвайо прибыл в Мексику. И взял нас на поруки! В тюрьму он за нами явился вместе с министром иностранных дел, человеком по фамилии Эстрада (в свое время он устраивал концерты, которые шли на сцене без декорации,— отсюда

и пошла эстрада, но это — к слову...). Мы переехали из тюрьмы прямо в испанское посольство, где со стен уже были сняты портреты королей и королев; их снесли в подвал, а на освободившихся местах появились портреты вождей испанской и мексиканской революций.

Через некоторое время нам разрешили снимать Мексику... Как раз в эти дни в стране праздновался 400-летний юбилей покровительницы Мексики девы Гваделупы. Эта святая дева — мексиканского происхождения. На ее торжественный праздник съезжаются и приходят пешком паломники из всех стран Южной Америки. Вот так было и тогда: тысячи паломников окружили храм Гваделупы, и мы тут же начали их снимать. Но, возмутившись таким святотатством, религиозные фанатики стали бросать в нас камнями, сбили наш аппарат. Мы бежали!.. Я думал: что же можно сделать, чтобы укротить эту разъяренную толпу? И вот что пришло мне в голову: надо встретиться с кардиналом, который прибыл из Рима, чтобы руководить этим праздником. Кардинал меня принял, и я ему сказал: «Синьор кардинал! Мы приехали из Голливуда, чтобы снять ваш замечательный праздник Гваделупы: весь мир увидит и вашу паству и вас». Он обрадовался и ответил: «Я уговорю епископа Мексики освятить вас на виду у всей толпы. Поставьте завтра ваш аппарат возле храма святой Гваделупы. Мы выйдем с епископом, он вас и ваш аппарат сбрызнет святой водой, и тогда вас никто не тронет»... Именно так мы и сделали. И когда спустились к людям, в толпу, нас уже принимали за святых: целовали нашу одежду, а главное, делали все, что требовалось нам для съемки...

Приключений с картиной вообще было много. Когда мы увидели Мексику и поняли ее многообразие, нам стало ясно, что картина может получиться очень интересной. Но для этого требовались средства. Тогда американский писатель Э. Синклер — он был председателем общества дружбы с Советским Союзом — раздобыл необходимую сумму, прислал эти деньги, и мы сразу же приступили к съемкам, начав их, как я уже сказал, во время фиесты в честь Гваделупы.

В те дни на площадях и улицах исполнялись самые разные религиозные мистерии, но, кроме того, изображалась в лицах и история страны, например, завоевание Мексики конкистадорами под руководством Кортеса... Народ изображал все это иронически, с ненавистью к испанским завоевателям, и нам это было очень интересно: возникала живая художественная история покорения Мексики католиками... Потом мы снимали жизнь народа в тропиках, где царили нравы доколумбовой эпохи: сохранялись все привычки и обычаи матриархата — деловое «главенство» женщины в семье, где мужчины ничего не делают, а только отдыхают и курят... Заботы о доме ложатся на женщин... И таким образом, исходя из самой жизни, нравов народа, мы сочинили пролог, эпилог и четыре новеллы, которые отразили как бы ступени развития людей — не только мексиканского народа, а, пожалуй, всего человечества.

В Мексике в то время не было своего кино, значит, не было ни студии, ни лаборатории... Нам никто и ничем не мог помочь. Мы втроем, своими силами организовали всю работу, которой требовала эта грандиозная картина.

В прологе мы хотели отразить двухтысячную древность Мексики. Хотели показать — и в развалинах, в пирамидах, храмах и скульптурах — власть смерти, страх человека перед смертью, покорность человека языческим богам. А в эпилоге (вслед за показом развития Мексики, феодального и революционного) праздник мертвых, который совершенно изменил отношение мексиканцев к смерти. Ведь теперь они считали, что можно смеяться над смертью, показывать ее в «веселом виде».

Все люди в этот день ходят в масках, изображающих череп. Президенты, правительство в этот день изображаются в газетах как скелеты, впрочем, имеющие цилиндры на голове... В этот день можно критиковать кого и как угодно, потому что живые считаются мертвыми! Это своего рода веселые некрологи. Мы же хотели показать, что народ *бессмертен*, что жизнь мексиканского народа, как и жизнь всего человечества, совершенно изменилась. Сами люди стали совсем другими, если сравнить их с теми доколумбовыми языческими временами!

Григорий Васильевич Александров рассказывает, как создавался фильм о Мексике.

Фото Г. Копосова

В Мексике не было актеров. Мы снимали «просто» людей — снимали типаж. Шпионы, епископы, монахи, рабочие, солдаты, крестьяне — все это есть в нашей картине. И все — подлинное. Но главное ее действующее лицо — народ. Жизнь народа.

Это народная картина.

Между прочим, «простые люди» так замечательно снимались, что у них получалось лучше, чем это было бы с актерами. Я искренне так считаю! Никто не смотрел в аппарат, и все честно делали то, что мы «задавали».

Мы сняли великое множество интереснейшего материала: 75 тысяч метров пленки. Но это была, однако же, самая дешевая картина в мире... А когда наши небольшие деньги кончились, мы вынуждены были покинуть Мексику. Синклер настоял на том, чтобы мы монтировали свою картину в Голливуде, туда мы направили материал, и там в лаборатории он проявлялся и печатался. Но американцы не дали нам визы на въезд. Мы были вынуждены покинуть Мексику и вернуться на родину, оставив в Голливуде все нами сделанное.

Шло время... По нашим материалам — но не нами! — было сделано несколько картин: «Буря над Мексикой» (США), «Место под солнцем» (Англия)... В Нью-Йорке было сделано 14 короткометражных фильмов о Мексике. Все эти картины шли за рубежом и даже имели успех. Но когда мы были за границей, Эйзенштейн пришел в ужас, увидев полное искажение наших мыслей, наших идей — полное извращение всего того, что мы делали. К примеру, в Англии картина пропагандировала католицизм, который якобы спас Мексику от язычества и тем содействовал ее прогрессу!.. Но вы знаете, как католики «спасали» мексиканский народ, истребляя его огнем и мечом...

Пока был жив Эйзенштейн, мы неустанно хлопотали, чтобы вернуть или обменять наш материал. И мы почти уже договорились с музеем, но все сорвалось... Потом — уже после смерти Эйзенштейна — мы опять было договорились, но что-то помешало, и опять нам не удалось получить свой материал. Позднее началась война во Вьетнаме, все культурные связи снова были оборваны. И только недавно наш Госфильмофонд вместе с Госкино сумели обменять несколько советских картин на негативы нашей «Мексики».

Мне пришлось целый год восстанавливать материал! За долгое время хранения пленка засохла. Смутные, неразборчивые кадры на экране трепыхались и дрожали... Надо сказать, что лаборатории Госфильмофонда и «Мосфильма» сделали настоящее чудо! Они печатали и восстанавливали каждый кадр поочередно, а ведь в каждом метре пленки насчитывается 52 кадра!

Я получил 30 тысяч разрезанных кусков, двести коробок. И мне пришлось затратить полгода только для того, чтобы выбрать годное. Выбрать то, из чего можно создать фильм. И, по правде сказать, я был удивлен, что из этого хаоса фильм все-таки удалось сделать.

С. М. Эйзенштейн (справа) и Г. В. Александров в перерыве между съемками (1931 год). Фото Э. Тиссэ

ЗВУКИ НОЧНЫХ ЗВЕЗД

Николай ШУМАКОВ

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

> Звезда полей, звезда полей
> над отчим домом.
> И матери моей печальная рука.
> Из старинной казачьей песни

Горит звезда над Сеймом и над Доном.
Она — близка, она — и далека...
Звезда полей над старым отчим домом.
И матери моей печальная рука...

Из дальней дали мне прощально машет.
Ни слез и ни морщинок не видать.
Теперь уж никогда мне не расскажет
Про зоревую в поле благодать.

Не ведал я, что суждена разлука...
Что не пройти с ней вместе по селу.
Что кто-то сильный выпустит из лука
Невидимую молнию-стрелу...

...Звезда полей над старым отчим домом.
Иду один по маминой стезе...
Звезда полей над Сеймом и над Доном...
Ее печаль в моей мужской слезе.

ВСТРЕЧА В ДОЖДЬ

Убежать с тобою мне бы
В синее заречье...
И пускай пугает небо
Громовою речью.

Там влюбленные рябины
Тянут кверху руки.
Так ли мы с тобой любили,
Находясь в разлуке?!.

Сквозь дождинки солнце светит.
Радуй, солнце, радуй!
Пусть всегда на белом свете
Будет много радуг.

На твоих щеках пылают
Утренние зори.
А по ним легко стекают
Капли светлых зерен.

В небе радугу рисует
Солнечный художник.
Я тебя в уста целую,
Как рябину — дождик...

ЛУЧ

Поля полны вечернею истомой.
Вдали электропоезд прогудел.
И ветерок веселый,
Невесомый,
Благословлять посевы прилетел.

Последний луч, себя в ручье рисуя,
Исчез бесследно в пахотной меже.
Но кажется,
Что этот луч несу я...
И радостно, как в детстве, на душе.

КРЫЛЬЯ АИСТА

Стою один среди полей
С приподнятою головою.
Читаю: «Лейтенант Палей,
Сержант Смирнов,
ефрейтор Воев...»
Тут пал в бою весь наш десант,
Бессмертный подвиг
совершая.
И кажется, что здесь я сам
Лежу, корнями прорастая.
А надо всем легко парит,
Попав в поток воздушный,
аист.
Крылами синевы касаясь,
Он мне печаль свою дарит.
...Хлебов безбрежные моря.
Штык обелиска надо мною.
Не аист, а душа моя
Парит над этою землею.

СВЕЧИ

В реке горят берез осенних свечи.
Туман далекий луг заполонил.
И перед этой красотою вечер
Свою седую голову склонил...

НОЧНЫЕ ОГНИ

Звукам звезд ночных
Душою внемлю
И стремлюсь к далеким огонькам...
Прежде чем упасть ничком на землю,
Даже листья
Рвутся к облакам...

СОЛНЦЕ УЛЫБНЕТСЯ

В растревоженной дали
Звездные капели.
За рекою журавли
Все свое отпели.

За окном листопад
Желтой вьюгой вьется.
Невпопад, невпопад
Мое сердце бьется.

Ты, душа, не жалей
О прошедшем лете —
Мы своих журавлей
Снова в жизни встретим.

Знаю — будет нелегко
И не раз взгрустнется.
Но опять из облаков
Солнце улыбнется.

За окном листопад
Желтой вьюгой вьется.
Невпопад, невпопад
Мое сердце бьется...

ЗА ДАЛЬЮ

За далекой далью
Заблудилось детство...
Хорошо бы снова
В речку заглядеться.
Хорошо бы снова
Увидать девчонку
Из восьмого класса
С золотистой челкой,

Чтобы в сердце радость
Ощутить впервые,
Вдруг увидя очи
Самые родные...
Вроде бы случайно
Быстро оглянуться,
К ней лучистым взглядом
Молча прикоснуться.

...За далекой далью
Заблудилось детство.
Мне от светлой грусти
Никуда не деться!..

ПОД БЕРЕЗОЙ

Устану я
И лягу под березой —
И сердцем юным
К лугу припаду.
И стороной пройдут
Любые грозы,
Все мимо неурядицы пройдут...
И вновь меня зовут
Дела и дали,
Родимые
Отцовские поля...
В себя вбирает
Все мои печали
И беды все
Родимая земля.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

На осеннее поле
Роняет лучи небосвод.
Солнце озими дарит
тепло на прощанье.
И надолго за тучи и дали уйдет,
Им оставив надежды — свое завещанье.
Скоро выпадет снег
И мороз станет землю казнить...
Нелегко будет выдержать
трудности зернам...
Но пшеница в себе
будет солнце хранить,
Чтоб весною зажечься раздольем зеленым.
И когда, вдохновленный опять высотой,
Жаворонок над полем родимым взовьется,
Возвратится тепло к нам
большой красотой,
Добротою и радостью
к людям вернется.

ТРИ СТРОКИ ИЗ ВОЕН

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Илья ШАТУНОВСКИЙ

РАССКАЗ

— Иван Захарович, к вам какой-то Фроловский, — доложила секретарша Люда и, плотно прикрыв за спиною дверь, перешла на полушепот: — Сказать, что у вас совещание?

Директор книжной базы Дементьев порылся в настольном календаре:

— Пусть заходит. Я обещал принять. Это не проситель-книголюб, а корреспондент.

В кабинете, заваленном разной печатной продукцией, возникла высокая, нескладная фигура в зеленых вельветовых брюках и в серой голландской куртке.

— Меня зовут Владислав Сергеевич, — сообщил вошедший, приглядываясь к директору.

Чуть сдвинутый вперед массивный подбородок, густые брови, сходящиеся на переносице, толстые губы, властный взгляд, глубокий шрам, рассекший правую щеку на две неравные части, — все это придавало лицу Дементьева выражение решительности и мужества.

— Таким я вас и представлял, — удовлетворенно отметил гость.

— Каким же я еще должен быть! — рассмеялся Дементьев.

Журналист щелчком выпустил стержень авторучки, и начальник базы понял, что пора приступать к делу.

— Что ж, — начал он официальным тоном докладчика, — и у нас есть что показать. Через наши руки проходит три миллиона книг различных наименований. В прошлом году типографии задержали учебники. Пришлось работать сутками, чтоб ребятишки где-нибудь в Магадане или Норильске могли получить свои буквари к первому сентября.

Директор нажал кнопку, в дверях опять появилась секретарша.

— Дайте-ка отчет, который мы готовили для Госкомиздата.

— На отчет я, пожалуй, взгляну, — сказал Владислав Сергеевич. — Однако меня интересует не столько книжная база, сколько ее директор.

По лицу Дементьева пробежала тень смущения:

— Не ведаю, чем, собственно, обязан.

Фроловский отложил авторучку, задумался и вдруг костяшками согнутых пальцев принялся выбивать точки и тире: «Я вас знаю. Вы меня поняли? Перехожу на прием».

«Вас понял», — отстучал ответ Дементьев.

Журналист улыбнулся:

— Если спустя столько лет мы не забыли морзянки, все и без документов поверят, что нам доводилось работать на ключе.

Директор базы вонзился глазами в гостя, наморщил лоб, до боли закусил губу. Наконец откинулся на спинку кресла, безнадежно махнул рукой:

— Простите, верно, память начинает сдавать. Хоть убей, не помню, где мы встречались.

— Лично нигде. Но бывало, работали вместе.

— Ах, вот как! — воскликнул Иван Захарович, радуясь, что с памятью у него все в порядке. — Вы — радист Центра, с которым я держал связь. Не ошибаюсь?

— Ошибаетесь.

Фроловский вынул из папки пожелтевшую от времени газету, перехваченную на стершихся до дыр сгибах клейкой лентой.

— Пробегите, пожалуйста, сводку Совинформбюро. Особенно три последние строчки.

Дементьев осторожно взял газету, прочел вслух:

«Наша авиация бомбила скопление вражеских эшелонов на узловой станции Жерновка. Все самолеты вернулись на свою базу».

— Вам о чем-нибудь это говорит?

— Говорит. — От внезапно вспыхнувшего волнения Иван Захарович чуть не задохнулся. — Еще как говорит! Откуда вы знаете про Жерновку?

— В войну я был стрелком-радистом на «Пешке». Летал в экипаже комэска Шагина. Он тогда и вел нашу группу на эту станцию.

Грузный Дементьев легко поднялся из-за стола, могучими руками обнял Фроловского:

— Мечтал ли я когда-нибудь увидеть тех, кто появлялся в небе над Жерновкой! Для меня вы были сказочными богатырями, я с восхищением глядел на вашу работу. И очень завидовал вам: «Счастливые! Сейчас возвратятся на родную землю. А я?»... Как вы меня отыскали?

— Можно сказать, случайно. Мы решили создать историю нашей гвардейской части. Перво-наперво я обратился к тем операциям, которые отмечались в сводках Совинформбюро, в приказах Верховного Главнокомандующего. Влез по уши в архивы, узнал о вас и вот ищу уже полгода...

За окном потухал серый, тоскливый день. По карнизу, крытому железом, гулко барабанили капли дождя. Сизый голубь, ежась от холода, испуганно припал к стеклу. Вспыхнули уличные фонари, их матовые блики выхватывали на асфальте вспененные водяные потоки. Иван Захарович подумал, что и тогда стояла такая же промозглая погода. Шел нудный мелкий дождь. Осенний запах вянущей листвы и влажной земли висел в воздухе. С полудня аэродромная команда отводила по канавам воду со взлетной полосы. В землянке за летным полем в замшелом, угрюмом ельнике было двое: Дементьев и капитан из разведуправления Анисимов. Они появились здесь перед рассветом. Дементьев никто не должен был видеть: человек в гражданской одежде на военном аэродроме вызвал бы

недоумение. Они сидели у чугунной печки. Ветер мерно гудел в трубе, огненные языки жадно лизали березовые головешки, от раскалившейся докрасна печурки исходило уютное домашнее тепло, напоминавшее давно оставленную иную жизнь. Капитан стал было рассказывать, как до войны рыбачил на Селигере. Рассказ был совсем не к месту. Дементьев мыслями был уже там, за линией фронта, плохо слушал, Анисимов заметил это и смолк на полуслове.

Неяркое солнце медленно дотащилось до горизонта и, словно заупрямившись, долго не хотело двинуться дальше. Но вот последний луч угас в окне землянки, и стало совсем темно. Из капонира, тарахтя, вырулил самолет. У трапа капитан простился с Дементьевым. Он долго тряс ему руку, но сказал всего одно слово:

— Будь...

Через час самолет был над линией фронта. Пилот то убирал, то прибавлял газ, мотор прерывисто выл, у фашистских зенитчиков должно было создаться впечатление, что летит «юнкерс». Наконец из кабины вышел штурман. Блеклым светом карманного фонаря он осветил карту, уложенную в планшет, ткнул пальцем в кружок, обведенный синим карандашом, и показал растопыренную ладонь.

— Через пять минут! — крикнул он Дементьеву в самое ухо.

Тот еще раз проверил крепление вещмешка, в котором были рация и запасные батареи питания, привстал, чтобы размять ноги.

Штурман открыл люк, за которым разверзлась темная жуть неба, махнул рукой:

— Пошел!..

— Все это было так давно и так недавно,— расчувствовался Дементьев, отходя от окна.— Теперь мне кажется, что там, в лесу, был не я, а совсем другой человек. Иногда в холодном поту просыпаюсь в своей теплой постели. Мне снилось все, что было тогда в самой достоверной реальности: прыжок в ночную бездну, ветви сосен, больно хлестнувшие иголками по лицу. Вдруг я испытываю страх, который был неведом мне в Знаменских лесах и который пришел спустя тридцать шесть лет...

— Вам ведь не доводилось больше бывать в Жерновке?

— Не доводилось,— сказал Иван Захарович.— Впрочем, на станции я и тогда не был. Я только видел, как из серых туч вывалились девять «Петляковых» и обрушились на станцию. Вы, наверное, не знаете, потом всю ночь горели склады, слышались взрывы на путях. Потерь было много: эшелоны шли с танками, с боеприпасами, с фашистской солдатней. Дело было сделано, я закопал рацию и стал уходить. В деревне Клинцы меня пустила в дом крестьянка по имени Евдокия. С ней бы хотелось встретиться, поговорить. Если она только меня вспомнит. Мало ли у нее в хате перебывало всякого военного люда...

— А я пришел не только, чтоб пожать руку боевому товарищу. — Владислав Сергеевич таинственно сощурил глаз.

Дементьев усмехнулся:

— Сегодня я окончательно разучусь чему-нибудь удивляться, такие загадки вы мне загадываете. Значит, еще не все?

— Не все. Видите ли, до знакомства с архивами, даже я, сто один раз ходивший на боевые задания, не представлял, сколько людей обеспечивают каждый вылет. Дело казалось проще: летчики слетали, отбомбились, вернулись, ай, молодцы! Многие так до сих пор и пишут. И я тоже писал. Теперь же узнал, что налет на Жерновку готовили много служб, много людей. И разведчик, внедрившийся в высшие круги вермахта, который сообщил, что готовится крупное наступление. И наши штабники, которые определили, по каким маршрутам немцы будут перебрасывать резервы к фронту. И разведорганы, которые постарались, чтоб на каждой крупной станции были свои глаза и уши. И летчики-ночники, которые сбросили радиста в тылу врага. И сам радист, который засек вражеские эшелоны и передал сообщение в Центр. И вот когда все эти люди выполнили задание, комэск Шагин получил приказ лететь на Жерновку. Так ведь было?

— Да, так,— подтвердил Иван Захарович.

— Вот я и хочу рассказать, как готовился этот вылет от начала и до конца. Авиационная сторона дела мне хорошо известна. А вот о работе разведчика я знаю лишь приблизительно. Мне хочется пройти с вами тем путем, которым вы шли в годы войны. Как вы посмотрите, если я приглашу вас в Жерновку?

В дверь заглянула Людочка:

— Иван Захарович, уже восьмой час. Я вам не нужна? Тогда до свиданья!

Едва они успели выпрыгнуть на асфальт перрона, как состав двинулся дальше.

— Как здесь все изменилось, разрослось!— вырвалось у Дементьева. Почувствовав легкое головокружение, он оперся рукой на плечо спутника.— Столько лет! Но в моей памяти до этой минуты Жерновка оставалась грохочущей, горящей. Помню упавший, но оставшийся совершенно целым элеватор, словно чьи-то бережливые руки осторожно положили его на землю, разбросанные взрывами куски рельсов, вагоны, скатившиеся под откос, объятые пламенем станционные постройки... Впрочем, зачем я это вам рассказываю? — спохватился Дементьев.— Вы же все сами видели.

— Нет, не видел,— ответил Фроловский,— стрелку-радисту нельзя смотреть на землю, иначе он в небе проворонит «мессеров».

За переходным мостом по обеим сторонам просторной улицы, обсаженной тополями, стояли пятиэтажные дома.

— Вот именно то, что нам нужно! — воскликнул Владислав Сергеевич, показывая на подъезд с вывеской «Редакция районной газеты «Колхозное село».— Давайте навестим моих коллег, а то обидятся: дескать, были, но не зашли.

Редактор газеты Сидорин, худощавый немолодой человек, повесив пиджак на спинку стула, читал полосы. Тиснуты они были скверно, редактор щурился, водил пальцем по расплывшимся строчкам. Услышав стук в дверь, Сидорин оторвался от чтения и сквозь большие, в пол-лица очки посмотрел на вошедших. Фроловский положил перед ним свое удостоверение, потом представил спутника.

— Очень приятно,— улыбнулся редактор, жестом приглашая гостей располагаться.— Фронтовиков в районе немало, но вот таких, которые воевали в наших местах, раз-два и обчелся. Может, напишете нам свои воспоминания, товарищ Дементьев?

— Уж лучше попросите Владислава Сергеевича. Он тоже воевал здесь. Ему, журналисту, и перо в руки.

— При чем здесь я? — запротестовал Фроловский.— О чем мне писать? Один раз слетал на Жерновку...

— Ладно, приехали и на том спасибо,— снял свое предложение Сидорин.— Ну что вы хотите у нас посмотреть, где побывать?

— Прежде всего хорошо бы отыскать землянку, в которой я скрывался, если она только сохранилась. Это в двух-трех километрах отсюда. Помню низкое, поросшее густой травой место у изгиба реки. Болото, раскисающее после дождя, делало эту поляну труднопроходимой, а потому и скрытой от чужих глаз.

— Примерно догадываюсь, о чем вы говорите,— кивнул редактор.— В те места мы мальчишками бегали собирать ягоды. Там теперь завод железобетонных изделий, боюсь, что ничего уже не найти.

— А затем в деревне Клинцы попробую встретиться с крестьянкой Евдокией, к которой тогда заходил. И вообще порасспросить там о событиях тех далеких лет. Наверное, осталось немало стариков...

Редактору принесли свежие полосы. Не взглянув, он отложил их на край стола.

— Идти вам лучше не к старым, а к малым...

— Не понимаю,— пожал плечами Фроловский.

— В колхозной десятилетке преподает историю прекрасный педагог Варвара Петровна. Под ее началом группа юных следопытов «Орлята» собрала огромный материал. Думаю, что среди кандидатов и даже докторов наук не сыскать таких, которые бы знали военную историю района лучше, чем эти ребята. А какой музей боевой славы они создали! Советую ехать прямо к ним.

Редактор пожелал успешной поездки.

— Наш редакционный «газик» ждет у подъезда.

Над территорией завода висело серое облако цементной пыли. Сквозь металлические прутья забора открывался широкий двор, заваленный арматурой, балками, бочками с цементом. Длиннорукие краны, лязгая цепями, устанавливали конструкции на громадные панелевозы.

А тогда здесь стояла до боли щемящая тишина. До вылета Дементьеву сказали, что ему приготовлена землянка. Координаты даны были точные, поэтому, приземлившись и закопав парашют, он без труда отыскал землянку. Она оказалась крохотной: два на полтора. Дерн, маскировавший землянку сверху, был еще свежим, можно было догадаться, что ее приготовили недавно. В нише отыскались мясные консервы, брикеты горохового концентрата, чай, спички, соль, сухари. Под банками лежала записка, написанная от руки: «Успешной тебе работы, дорогой товарищ, счастливого возвращения». Подпись отсутствовала. Те же заботливые руки устлали пол землянки душистым сеном.

— Вполне можно жить,— отметил Дементьев.

Впрочем, жить в землянке было не так уж просто. Чтобы не привлечь ничьего внимания, костра он разводить не стал. Обедал холодным консервированным мясом с застывшим говяжьим жиром и гороховым концентратом, размоченным в желтой болотной воде. Спать было холодно и мокро. Семь суток он провел в этой землянке на болоте. На восьмые — передал в Центр, что на станции стоят восемь вражеских эшелонов...

Водитель «газика» тронул Дементьева за рукав:

— А на заводскую территорию заедем?

Вопрос шофера вернул Ивана Захаровича из мысленного путешествия в прошлое в наши дни.

— Пожалуй, не будем терять времени,— ответил Дементьев.— Где находилась моя землянка, под тем ли цехом или под этим, никакого значения не имеет. Сколько отсюда до Клинцов?

— Да недалеко,— сообщил водитель, выруливая на дорогу.

— А я добирался двое суток: день пережидал в лесу, а две ночи шел. Мой путь лежал на восток к прифронтовому городку Кряжску, откуда верные люди должны были переправить меня к своим...

Со всех сторон юркий «газик» обступили леса. Порывистый ветер гнул молодые березки, величавые сосны, укутанные в снеговые рубашки, стояли незыблемо. Дорогу перебежал заяц и, не оглядываясь, пустился наутек.

— Видимо, я взял тогда правее, потому что эту лесную дорогу не переходил,— сказал Дементьев, осматриваясь.— Как назло, поднялась дьявольская метель, температура упала много ниже нуля. Началась настоящая зима. Метель спасла мне жизнь: заносила следы. Но она чуть не забрала ее у меня: я промерз до костей, обморозил нос, щеки, пальцы на правой ноге. Вот почему, завидев тусклые огоньки человеческого жилья, я решил зайти обогреться. Огоньков светилось немного, я понял, что деревенька невелика, и вряд ли тут будут стоять немцы. Это и были Клинцы...

— Теперь Клинцов вам и не узнать,— заметил шофер, — чего только там не настроили!

— Я б не узнал деревни, если б даже она совсем не изменилась. Пришел туда затемно и затемно же ушел.

НОЙ СВОДКИ

— А Евдокию запомнили? — спросил Фроловский.

— Думаю, да. Последние сотни метров до деревни я уже не шел, а полз. Силы совсем оставили меня. Постучался в крайнюю хату. Сначала мне никто не ответил, потом женский голос спросил, кто пришел. Я сказал, что сбился с пути, замерз, мне надо отогреться и уйду еще до рассвета. Дверь отворилась. Я увидел хозяйку. Ее молодое лицо было изборождено морщинами, глаза далеко запали. «А вас не ищут, за вами не придут?» — тревожно спросила крестьянка. «Все может быть»,— не стал врать я. Услышав, что в доме посторонний, из-за занавески, заслонявшей русскую печь, показались два мальчика-подростка и девочка лет шести. «Вот мои дети,— сказала крестьянка, прижимая к себе ребятишек.— Вы знаете, что будет с нами, если нагрянут полицаи?» «Знаю»,— ответил я и шагнул к двери. «Постойте,— окликнула меня женщина, хватая за рукав.— Куда же вы пойдете в ночь?» Она поставила на стол тарелку вареной картошки. «Другого ничего нет, а картошку кушайте, не стесняйтесь, ее у нас много, если не отберут, то и до лета хватит». На еду я набросился, как некормленый волк, ел картошку прямо с кожурой. Хозяйка смотрела на меня, качала головой, вздыхала. Я узнал, что ее зовут Евдокией.

У поворота заснеженной дороги появился указатель: «Клинцы».

— Вот и добрались,— сказал водитель.— Вас в правление?

— Нет, в школу.

До школы, однако, было еще далеко. Проехали животноводческий комплекс, колхозные мастерские, мельницу, кирпичный завод, большой фруктовый сад, отделявший производственную зону от жилого массива. Потом пошли дома колхозников, сложенные из кирпича и крытые железом.

У двухэтажного здания с высокими ступенями водитель остановился. Редактор газеты звонил в школу, поэтому в подъезде гостей ожидала учительница истории Варвара Петровна. Это была невысокая худощавая женщина с острым носом и тонкими нервными губами. Правую руку она держала в кармане пальто.

— Мне передали, что вы журналисты и хотели побывать в нашем музее боевой славы. Так?

— Да, так.

Музей размещался на втором этаже в двух классных комнатах. Экспонаты первого раздела рассказывали об участии уроженцев Жерновского района в Великой Отечественной войне.

— Наши земляки были под Москвой, в Сталинграде, брали Берлин. — Учительница левой рукой взяла указку и дотронулась до крупных цифр над первым стендом: «4247» и «2874».— Вот сколько людей ушло из нашего района воевать и сколько вернулось назад. А наша деревня небольшая, клинцовских было взято на фронт 58 человек, пришло домой 32, из них семь инвалидов войны. Со всеми ветеранами наши следопыты встретились и записали их воспоминания. Вот они.

Варвара Петровна показала на стопку ученических тетрадей.

Следующий зал, куда прошли гости, рассказывал о боевых действиях на территории района и о годах немецкой неволи.

— Фашисты пришли к нам в сорок первом. Грабили, лютовали. Угоняли молодежь в Германию. Но хотя это был глубокий тыл, оккупанты не знали покоя. В Знаменских лесах действовал партизанский отряд. Жители помогали мстителям всем, чем могли. За связь с лесом полагалась смертная казнь. Фашисты расстреляли четырнадцать жителей Клинцов: женщин, стариков, детей...

При этих словах учительницы смутная тревога защемила сердце Дементьева: а вдруг среди этих четырнадцати была и Евдокия? Обожгли выплывшие из небытия слова: «Вот мои дети. Вы знаете, что будет с нами, если нагрянут полицаи?» Удивительное дело, но все эти годы ему ни разу не приходила в голову мысль, что Евдокия могла из-за него пострадать. Как только он услышал на улице голоса, то сразу же выскочил в хлев и ушел огородами. Его никто не видел. Он оглядывался, погони не было. Значит, те, кто шел по улице, к Евдокии не заходили...

Между тем Варвара Петровна закончила свой рассказ, села за парту, пригласила гостей присесть рядом.

— Ну, что еще добавить? Все, что вы видели в музее, создано ребячьими руками. Дети очень увлечены.

Учительница улыбнулась:

— На меня косятся мои коллеги: и физик и математик. Дескать, историчка завладела всем внеклассным ребячьим временем. И в этом есть резон. Отряд юных следопытов насчитывает сто пятьдесят человек. И всем дел хватает. Еще не найдено столько людей, не восстановлено столько событий...

— А знают ли следопыты, что наша авиация на станции Жерновка уничтожила восемь вражеских эшелонов? — спросил Фроловский.

— Да. Они у нас молодцы. Недавно нашли командира эскадрильи бомбардировщиков Шагина Петра Герасимовича. Он прислал воспоминания. Живет в Саратове, работает на заводе начальником цеха.

— За несколько дней до налета в район Жерновки был заброшен радист. Он-то и передал в Центр, что на станции скопились эшелоны. Это тоже известно? — продолжал спрашивать Владислав Сергеевич.

Варвара Петровна насторожилась:

— Этого не слышали. Да и командир эскадрильи Шагин ничего нам не написал.

— Он и не знал об этом,— пояснил Дементьев.— На войне люди, делающие одно дело, могут никогда не знать друг о друге.

— Да, конечно,—согласилась учительница.— После налета фашистам никак не удавалось затушить пожар. Отсюда, из Клинцов, мы хорошо видели, что и на другую ночь над Жерновкой полыхало зарево.

— Вы, значит, местная?

— Да. Родилась в Клинцах, в войну потеряла родителей, росла в детдоме, окончила школу, затем истфак Ростовского университета, вернулась и вот уже пятнадцать лет учительствую.

Фроловский виновато улыбнулся:

— Понимаем, что вы устали после уроков. Но, быть может, самый последний вопрос: не случилось ли в деревне каких-либо трагических событий после этой бомбежки?

— Вы знаете? — вздрогнула Варвара Петровна.— Да... На третью ночь фашистские прихвостни убили крестьянку и двух ее маленьких сыновей.

Фроловский взглянул на директора базы. Шрам на его щеке налился кровью и на внезапно побледневшем лице выглядел зловещим.

— За что же их? — едва слышно спросил Дементьев.

— Был строжайший приказ комендатуры. Он в нашем музее есть, можете прочесть сами: «Тот, кто пустит в свой дом лиц, не проживающих в деревне Клинцы, подлежит расстрелу на месте». А она пустила.

— Вы знаете, как все случилось?

Левой рукой Варвара Петровна достала из сумочки платок, вытерла со лба проступивший пот:

— Знаю все до мельчайших подробностей. Мне очень тяжело вспоминать об этом. Вы не представляете, как тяжело. Но вы журналисты и, возможно, расскажете о подвиге простой крестьянки, который смело можно приравнять к солдатскому подвигу, хотя она и не принимала присяги. Люди должны об этом знать...

Глядя поверх своих собеседников, учительница начала рассказ:

— Поздно вечером хозяйка крайней хаты уложила детей спать и сама собиралась уже лечь. Погода была скверная, вторые сутки мела метель. Что-то стукнуло в дверь. Хозяйка насторожилась. Стук повторился. Женщина сняла засов, и в комнату вошел мужчина. От усталости он едва держался на ногах, замерз и, видимо, сильно простудился, потому что говорил хрипло и кашлял. Его одежда была изодрана. Из прохудившегося сапога торчала портянка, покрытая ледяной коркой.

Человек попросился переночевать. Он был беспомощен и действительно находился на краю гибели. Но женщина помнила слова страшного приказа: «Тот, кто пустит в свой дом лиц, не проживающих в деревне Клинцы, подлежит расстрелу на месте». А тут разбуженные незнакомым голосом дети слезли с печки. Мать спросила: «Вы знаете, что будет с нами, если нагрянет полиция?» Человек знал. Он повернулся и падающей походкой направился к двери. Представляете, что творилось в душе женщины? Незадолго до прихода немцев она получила известие о гибели мужа. Солдатская вдова не знала, кто этот человек, которому она отказывает в крове, но подумала, что он борется с теми, кто убил ее Петра. И она сказала человеку: «Оставайтесь!»

Дементьев съежился, тяжело дышал, схватился за край парты. Варвара Петровна продолжала:

— Женщина накормила гостя вареной картошкой, другого у нее ничего не было, принесла телогрейку и самотканый коврик, положила на широкую лавку у стены: «Тут и располагайтесь». Человек спросил, есть ли другой выход из дома. «Есть. В хлев, а оттуда в огороды». Он сказал, что раздеваться не будет и еще до рассвета уйдет. Ночной гость спал беспокойно или, быть может, совсем не спал. Стонал, надрывно кашлял, при малейшем шорохе вскакивал: в подполье скреблись мыши. Но вот на улице послышались пьяные голоса, топот. Потом под окнами закричали:

— Отворяйте, полиция!

Не дожидаясь, пока хозяйка встанет, полицаи высадили окно, разбили прикладами дверь. Староста, кретин с низким, словно срубленным лбом, узкими крысиными глазами и непомерно большими ушами, рукоятью пистолета ударил женщину в лицо. Она упала. Староста дернул ее за волосы, пнул ногой:

— Кто тут у тебя ночевал? Мне донесли, что к тебе заходил партизан. Не признаешься? А ну, обыскать!—приказал он двум полицаям.

На шум выбежали дети. Старший, Ваня, прижался к истекающей кровью матери, крикнул:

— Дяденька, не бей маму!

Староста ударил ребенка:

— Заткнись, щенок!

Полицаи обшарили чердак, заглянули в сарай, залезли в погреб и вернулись ни с чем:

— Господин староста, ничего не нашли!

— Как не нашли! — взревел тот. Он подошел к лавке, сбросил на пол телогрейку и коврик.— Здесь он лежал. А что это такое? — Староста нагнулся и подобрал под лавкой ружейную масленку...

У Дементьева екнуло сердце. Да, в этой масленке он хранил табак, чтоб не перетирался в кисете. Но ему казалось, что он потерял ее еще там, в землянке под Жерновкой...

Голос Варвары Петровны задрожал:

— И все было кончено за минуту. На глазах у матери застрелили сыновей. Женщина кинулась на убийц. Полицай ее застрелил. Эти изверги собирались было уходить, когда другой полицай заметил под столом маленькую девочку, обезумевшую от ужаса. Полицай нагнулся и вытянул ее за ногу.

— А с этим отродьем что делать будем? — спросил он.

Из ножен, висевших на поясе, староста вытащил немецкий штык и, остервенев, одним махом отсек ребенку кисть правой руки.

— Пусть помнит всю жизнь, что ее мать была... — Он грязно выругался.

— Негодяев потом поймали?—спросил Фроловский.

— Их судили в Жерновке и расстреляли. Я была на суде, давала показания.

Иван Захарович до боли закусил губу, с трудом выдавил из себя:

— Ту женщину звали Евдокией?

— Ее звали Евдокия Семеновна Базанова.

— А человеком, который заходил к ней, был я,— сказал Дементьев.

Учительница смерила его взглядом. В нем не было ни удивления, ни любопытства.

— Я это поняла в начале разговора, когда вы сказали, что перед воздушным налетом на Жерновку в Знаменские леса был заброшен разведчик. Почти сорок лет никто не знал, ради кого женщина отдала свою жизнь и жизнь детей. Может, к ней заходил бродяга, уголовник, ограбивший мужика на большой дороге. Теперь мне будет спокойнее: солдатка прятала советского воина. Только если полицаи не догнали и не убили его в ту ночь, то почему он никогда не давал о себе знать?

Иван Захарович подошел к окну, долго

всматривался в даль, точно хотел определить, где тогда стояла хата Базановых и какой дорогой он уходил в лес.

— Сам не пойму, как это получилось,— молвил он наконец.—Был уверен, что все обошлось.

Мысли Ивана Захаровича путались, наплывали одна на другую. Он встал, опять прошелся по комнате, остановился у стенда, где были собраны ребячьи трофеи: заржавелый ствол немецкого ручного пулемета, обломок русского штыка, стабилизатор от разорвавшейся мины...

— Если б я только знал, что все так обернулось! Если б я знал! Я б удочерил девочку, у меня росли трое, четвертый ребенок не был бы в тягость. Она бы стала моей любимой дочерью на всю жизнь.

— Я вижу, вы добрый, сердечный, отзывчивый человек. — В голосе Варвары Петровны появилась теплота.— Верю, что вы говорите искренне и поступили бы точно так, как говорите. Но что бы изменилось, если б вы приехали к нам в Клинцы в сорок пятом? Да ничего. Евдокию Семеновну, Ваню и Витю все равно было уже не воскресить. Ну, а девочка не осталась заброшенной, забытой. Ее воспитали, вырастили, она ни в чем не знала нужды.

Варвара Петровна поднялась из-за парты:

— Извините, у меня раскалывается голова. Эти кошмарные воспоминания смертельно ранят душу.

Иван Захарович сделал шаг к учительнице, низко склонил голову:

— Простите меня, Варвара Петровна, за все. Простите, если сможете.

Учительница вынула из кармана правую руку. Она была в перчатке:

— А вы ни в чем не виноваты. Запомните это раз и навсегда. И не усложняйте себе жизнь. Только если бы вы сразу же после войны попытались узнать о судьбе Евдокии Семеновны, то не терзались бы так, как сейчас.

В купе опять ехали вдвоем.

— В чем нам неизменно везет, так это в том, что железнодорожный бог не подсаживает соседей,— пошутил Фроловский.

Иван Захарович промолчал. Он опять не спал всю ночь. На душе было муторно, тяжко. Владислав Сергеевич пересел к нему, обнял за плечи. Словно прочитав мысли товарища, произнес:

— Три предателя, сгубившие семью Евдокии, ответили сполна, убийц поставили к стенке. Зачем же кого-то еще притягивать к преступлению? Вам-то кто может бросить упрек?

— Моя совесть.

— Почему? Сколько было на войне случаев, когда спаситель погибал, а спасенный оставался жив?

— Это несправедливо и нелогично,— сказал Дементьев. Он поймал себя на мысли, что, в сущности, ничего не знает о многих из тех, с кем был рядом в огненные годы.

...Первый день и первый бой, когда они, горстка пограничников, открыли огонь по атакующим цепям солдат в зеленых мундирах, еще не догадываясь, что началась война. Живы ли солдаты, с которыми он выходил из окружения, вернулись ли назад десантники, с которыми он прыгал в грозное военное небо? Где теперь партизанский доктор, который в промерзшей лесной избушке при мерцающем свете коптилки сшил ему развороченную осколком щеку?..

А память из своих глубин выталкивала все новые видения. Опять вспомнилась Евдокия, тревожно спросившая: «А вас не ищут, за вами не придут?» Перед глазами возникли Клинцы, только не те, прежние, притаившиеся во мраке неспокойной прифронтовой ночи, а сегодняшние: нарядные кварталы жилых домов, корпуса производственной зоны, школьный музей, который создала учительница с печальными, застывшими, как на старинных иконах, глазами, никогда не снимающая на людях перчатку с правой руки...

За окном искрились заснеженные поля, мелькали полустанки, с пугающим звоном проносились встречные составы. Высоко над степью летел самолет, оставляя белый, расползающийся клочьями след.

«ОГОНЕК» НА КОТЛАССКОМ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ

СБОИ НА БУМАЖНОМ КОНВЕЙЕРЕ

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

Статьей передовых рабочих Котласского целлюлозно-бумажного комбината «Стране нужна бумага» журнал «Огонек» (№ 14, 1979) начал публикацию материалов, посвященных проблемам, которые решает коллектив этого известного предприятия, и условий, в которых оно оказалось по вине поставщиков сырья и транспортников,— по причинам объективным и субъективным.

После напоминания редакции получен ответ от одного из главных виновников неритмичной поставки древесины — Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, подписанный заместителем министра М. В. Каневским.

Ответ начинается со спокойной констатации того, что поставка «лесоматериалов потребителям народного хозяйства, в том числе целлюлозно-бумажной промышленности, в этом (1979 году) проходит с большим отставанием, вызванным невыполнением плана производства балансов и недостатком железнодорожных вагонов для перевозки»...

Но даже при допущенном отставании в выполнении плана производства балансов остатки их на железнодорожных складах не только не сокращаются, а возрастают, пишет заместитель министра. Только за июнь — сентябрь они увеличились почти на 1,5 миллиона кубометров.

ОТ РЕДАКЦИИ: Своевременная доставка скопившегося сырья позволила бы значительно улучшить положение. Сказав об этом, следует снова вернуться к опубликованному ранее («Огонек» № 38, 1979 г.) ответу Министерства путей сообщения, который, говоря о проблеме «в общем», обошел конкретные позиции; к ответу, из которого мы так и не узнали, когда на железных дорогах появятся вагоны, сделанные специально для перевозки сырья, направляемого целлюлозно-бумажным комбинатам, а также сконструированные специально для перевозки бумаги и целлюлозы.

Поставщики сырья, особенно такие крупные, как Архангельсклеспром, Комилеспром, являющиеся и главными поставщиками сырья Котласскому комбинату, за полугодие получили вагоны для отгрузки лесных грузов, но явно недостаточно: Архангельсклеспром — 64, а Комилеспром — 73 процента. «В третьем квартале 1979 года подача вагонов еще более ухудшилась и в сентябре составила по этим объединениям соответственно 49 и 59 процентов от плана»,— отмечает тов. Каневский.

ОТ РЕДАКЦИИ: Конечно, железная дорога — большой должник. Об этом «Огонек» уже говорил, и, видимо, мы еще вернемся к этому вопросу. Но, может, тов. Каневскому следовало бы сообщить читателям, что делает само министерство и его организации для того, чтобы древесина заготавливалась и поставлялась в строгом соответствии с ранее намеченными планами и договорами? Известно, например, что бумажным комбинатам в основном нужны балансы еловые, а везут котласцам древесину преимущественно лиственную, для некоторых сортов бумаги вовсе не пригодную. Зная о том, что вагонов недостает, лесному ведомству и грузить бы их лишь самым отличным сырьем.

«При Министерстве путей сообщения, — говорится далее в ответе, — создана оперативная группа с участием ответственных представителей Госснаба СССР, Союзглавлеса, Минлеспрома СССР и Минбумпрома, которым поручено принимать меры и осуществлять контроль за выполнением заданий по поставке древесного сырья предприятиям Министерства целлюлозно-бумажной промышленности».

Теперь пора сказать еще об одном письме из Минлеспрома. В нем сообщается, что управление лесосплава рассмотрело письмо А. А. Коровича. Что это за письмо?

Предоставим слово читателю «Огонька», участнику и ветерану гражданской и Великой Отечественной войн, ленинградцу Антону Алексеевичу Коровичу. Он пишет: «Мне в течение многих лет приходилось летом добираться до Великого Устюга и обратно в Котлас по рекам Северная Двина и Сухона. Плыть на пароходе по реке Сухоне очень опасно — ее фарватер заполнен затопленным лесом. Сколько бы ни сплавляли леса, но пока не будут приняты решительные меры по наведению порядка в сплаве, Котласский комбинат всегда будет испытывать нехватку сырья для своего производства. Буквально рядом гибнет затонувший лес. Надо еще жестче контролировать и требовательнее относиться к сплавщикам. Душа болит, когда глядишь на бесхозяйственное отношение к нашему лесному богатству со стороны лесозаготовителей. Может, свое выполнение плана они покрывают за счет затопленной древесины?!»

Это письмо и было передано для рассмотрения и принятия мер в министерство. В ответе говорится: «Указанные в письме т. Коровича факты о частичном засорении фарватера реки Сухоны могли иметь место в период молевого сплава. После проведения сплавных работ производится зачистка от обсохшей древесины и очистка русла реки от затонувшего леса. В конце навигации участки реки Сухоны, по которым проходил сплав, обследуются специальными комиссиями и сдаются органам контроля по актам. Для принятия дополнительных мер, направленных на уменьшение потерь леса в период проведения сплавных работ, даны соответствующие указания объединениям Архангельсклеспром и Вологдалеспром».

...Итак, «частичное засорение», «производится очистка», «даны соответствующие указания», «могли иметь место»? Но вот строки из письма тов. Каневского: «Поставка сырья комбинату сплавом в целом выполнена, однако еловых балансов недопоставлено 122 тыс. куб. метров. Принято решение восполнить эту недопоставку в ноябре — декабре по железной дороге». Куда делись «недопоставленные 122 тысячи кубов» еловых, очень нужных балансов? Может, они-то и покоятся на дне речном, невзирая на строгие указания и принятые «дополнительные меры»?

Поразительная ситуация. Читатель, увидевший факты бесхозяйственного отношения к лесу, к великому нашему богатству, душевно встревожен этим, бьет тревогу, пишет в редакцию, просит вмешаться. Редакция направляет это письмо в министерство с просьбой сообщить о том, как исправляется сложившееся положение. И получает эпически спокойный ответ: дескать, факты имели место, указания даны, зачем так волноваться, не первый раз лес топим, дело это изучили (поставили на широкую ногу?) и т. д. и т. п.

К. БАРЫКИН

НИДЕРЛАНДЫ СЕГОДНЯ

Рудольф ПУЧКОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Для начала — немного о названии страны. Мы привыкли Нидерланды именовать Голландией. Это название укоренилось в нашем языке в конце XVII века, когда Петр I работал простым плотником в Заандаме.

Все, конечно, знают, что Нидерланды и Голландия — одно и то же. Но, может быть, не каждому известно, что из двенадцати провинций страны только две называются собственно Голландией: Северная Голландия и Южная Голландия. Они-то и заселены наиболее плотно. Как раз там находятся три города, в каждом из которых живет более 500 тысяч человек: столица — Амстердам с населением около миллиона, крупнейший порт Западной Европы — Роттердам и резиденция королевского двора — Гаага. И именно эти две провинции всегда играли в стране наиважнейшую роль как в историческом, так и в экономическом плане. Они явились ядром Республики после объединения провинций в 1579 году.

Через голландские порты шла и основная торговля России с Нидерландами. Из голландского городка Заандама, расположенного по соседству с Амстердамом, Петр I привез домой выданный мастером Полем аттестат, в котором подтверждалось, что ученик из России «был прилежным и разумным плотником», научился самым разнообразным операциям в кораблестроении, а также усвоил «корабельную архитектуру и черчение планов столь же хорошо, сколько сами разумеем». После отъезда Петра I в Россию туда прежде всего из Северной и Южной Голландии потянулся ученый, мастеровой и торговый люд, сильно увеличив население иностранной колонии в нашей стране.

Слово «Нидерланды» в буквальном переводе значит низменные, низкие земли. И действительно, проедешь десяток километров по любой из многочисленных и ухоженных автострад страны и сразу убеждаешься в точности этого определения. Только на самом юге, в районе Маастрихта, где территория Нидерландов узким языком вклинивается между ФРГ и Бельгией, приближаясь к Арденнам, пейзаж напоминает наше Подмосковье с его живописными холмами и уютными небольшими речными долинами. Все остальное — плоская, как стол, равнина, примерно восьмая часть которой отвоевана в течение веков трудолюбивыми и упорными голландцами у моря.

Голландцы нередко повторяют народную поговорку: «Бог создал море, а голландцы — берега». И верно, сегодня более трех тысяч километров хорошо укрепленных дамб и плотин защищают страну от морских волн. Это крайне необходимо, так как на территории, расположенной ниже уровня моря, проживает 60 процентов населения.

Наступление на морское дно не прекращается и в наши дни. Завершается осуществление грандиозного проекта «Дельта», начатое около двадцати лет назад. По этому плану семь мощных плотин перекроют дельты Мааса и Шельды, что позволит не только увеличить территорию страны, но и окончательно исключить возможность катастрофических наводнений. Голландцы хорошо знают, что море шутить не любит: в 1953 году оно размыло часть старых дамб и, прорвавшись в брешь, поглотило около двух тысяч жизней и плоды труда миллионов людей.

— Море издавна кормило голландцев: моряков, кораблестроителей, рыбаков, коммерсантов,— говорил мне член Амстердамского городского комитета Компартии Нидерландов Ханс Волдренс.— И не только тех, кто связан с ним непосредственно, но и многих других, имеющих к нему косвенное отношение.

Мы беседовали с Хансом в помещении горкома КПН, расположенном недалеко от порта, на узенькой улочке, упирающейся обоими концами в каналы, составляющие характерную деталь пейзажа голландской столицы. В старой части Амстердама нельзя сделать сотни, другой шагов, чтобы не выйти на набережную с вековыми вязами, с чугунными столбами фонарей, с тесно прижавшимися друг к другу и тянущимися вверх домами, многие из которых стоят уже века.

Амстердамскими каналами пользуются до сих пор: по ним курсируют небольшие баржи с грузами, прогулочные катера с туристами, а у причалов, на постоянном якоре, стоят около двух тысяч самых различных, отработавших свое суденышек, служащих жильем. Примерно половина из них зарегистрирована как «дома». К ним подведены электричество и газ, они имеют номера, и по утрам их навещают почтальоны. Другая половина водных жилищ существует нелегально, потому что добиться официального разрешения — дело нелегкое, а для многих это единственная возможность получить крышу над головой.

Голландцы имеют в Западной Европе репутацию людей выдержанных и невозмутимых. Но что бы о них ни говорили, основными качествами голландцев являются трудолюбие и воля к борьбе. Они долго сражались с иноземными завоевателями и обрели независимость. Смело вступили в схватку с морем, и теперь с осушенного морского дна фермеры снимают хорошие урожаи. В музеях Амстердама, Гааги, Утрехта картины Рембрандта, Вермеера, Гальса и других чародеев кисти свидетельствуют, как решительно великие голландские художники прокладывали новые пути для реалистической живописи. А рабочий класс Нидерландов своим трудом превратил страну в одну из развитых индустриальных держав мира, добившись в упорной борьбе и определенных социальных прав и завоеваний.

Сегодня в Нидерландах широко развернулось движение против нейтронной бомбы, против планов размещения новейших видов американского ракетно-ядерного оружия на нашем континенте.

Выступления в защиту мира и безопасности, против ядерной угрозы и гонки вооружений — не преходящая кампания, а постоянный курс, который проводят прогрессивные силы страны,— подчеркивали в беседах с нами многие видные политические деятели.

— Эти выступления,— заявил Председатель ЦК Коммунистической партии Нидерландов Хенк Хукстра,— стали у нас важной составной частью борьбы с пагубными для трудящихся последствиями экономического кризиса. Будучи не в состоянии преодолеть недуги капиталистической системы, торговые и валютные неурядицы, противостоять спаду производства, крупная буржуазия пытается вести страну по пути милитаризации. При этом ущемляются демократические завоевания народа, свертываются меры, направленные на удовлетворение социальных и иных нужд населения. Мы,— сказал Х. Хукстра,— выступаем против такой политики, стараясь привлечь на свою сторону широкие массы, разъясняя им, что прекращение гонки вооружений не только послужит упрочению мира на континенте, но и позволит выделять больше средств на нужды населения.

Эта борьба тем более необходима, что, несмотря на высокий уровень своего развития, экономика Нидерландов испытывает сегодня целый ряд серьезных затруднений. В стране велики дефициты государственного бюджета и внешней торговли. Капиталовложения не увеличиваются, как ожидалось, а сокращаются. Инфляция, напротив, растет быстрее, чем предполагалось. Главной же проблемой остается безработица. Она, по официальным данным, охватывает около 200 тысяч человек. Но многие из тех, с кем приходилось беседовать, полагают, что правильнее называть цифру в полтора-два раза большую.

Примечательной чертой большинства значительных манифестаций в Нидерландах — будь то международная эстафета мира, или фестиваль коммунистической газеты «Ваархейд», или, например, 100-тысячная демонстрация против плана «Бестек-81», который предусматривает экономию за счет трудящихся,— является массовое участие в них молодежи. Причем молодые голландцы не просто оказываются составным элементом того или иного мероприятия. Зачастую они представляют его направляющее, организующее начало. Большинство молодых людей, активно участвующих в политической жизни, придерживается прогрессивных взглядов. Тон ван Хук, член ЦК КПН, ответственный за работу среди учащейся молодежи, подтвердил, что многие юноши и девушки страны видят сегодня в коммунистической партии, в ее идеях силу, которая действует в интересах самых широких трудящихся масс. Молодежь вместе с представителями старшего поколения активно участвует и в движении против возрождения фашизма в Западной Европе. Голландцы хорошо помнят, сколько горя принесла стране вторая мировая война. По правительственным данным, ущерб, нанесенный оккупантами, составил треть национального достояния.

В Роттердаме есть памятник «Разрушенный город» — статуя человека с вырванным сердцем, с простертыми к небу руками. Человек проклинает агрессию, бесчеловечную жестокость и варварство. Это память о трагическом дне 14 мая 1940 года, когда фашистские бомбардировщики стерли с лица земли 30 тысяч зданий, полностью вывели из строя порт Роттердама — конкурента Гамбурга, принесли смерть тысячам жителей.

Мне довелось присутствовать на торжественной церемонии, проводящейся ежегодно 14 мая в Амстердаме у Национального монумента жертвам второй мировой войны. В 8 часов вечера разом стих звук колокола, доносившийся с соседней колокольни. В строгом строю застыл оркестр. Умолк говор многих сотен людей, собравшихся на столичной площади Дам. Наступили две минуты молчания, которые по традиции соблюдаются по всей стране в одно и то же время. Это были впечатляющие минуты. Живые чтили память тех, кто ушел от них навсегда, кто боролся за свободу и независимость страны, против коричневой чумы.

Не забыт в Нидерландах и тот огромный вклад, который внес в общее дело разгрома фашизма советский народ. В дни, когда вся страна чтит своих павших борцов и мучеников, алые голландские тюльпаны украшают и памятники тем советским людям, которые во имя Победы отдали свои жизни на этой земле...

Амстердам — Маастрихт — Гаага.

Памятник Петру Первому в Заандаме. * Рыбачка. * Каналы — достопримечательность Нидерландов. * Дети Голландии. * В амстердамском «Рейксмюсеуме».

15

ПРЕДОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ

Недавно в одном многобашенном городе встретились и подружились два мастера, и не было бы тут ничего особенного, если бы не одно обстоятельство: первый мастер жил в пятнадцатом веке, а другой—в двадцатом... А многобашенный город — это Таллин. В средние века тут было сорок шесть башен, двадцать устояли до наших дней. И если вам придет в голову счастливая мысль познакомиться с ними поближе — это будет далеко не потерянный день! Вы убедитесь, что одни башни стройны и открыты, другие задумчивы и таинственны, третьи толсты и добродушны; есть, конечно, и хмурые — строительные мастера были разные! Особняком стоят предвратные башни Вируских ворот. Изящные невелички в оранжевых островерхих шляпах, так идущих к их серым плитняковым мантиям; они, конечно, были построены веселым человеком. Жаль, имя его неизвестно, мы знаем только, что сложил их мастер в 1454 году...

Три столетия Вируские башни казались таллинцам внушительными сооружениями, хотя по соседству возвышались мощные крепостные стены. А в конце прошлого и в начале нынешнего века рядом с ними выросли еще и два четырехэтажных дома, но и они не стали башням конкурентами. Несколько лет назад вознеслась над ними многоэтажная гостиница «Виру», и тут уж ничего не попишешь — стали башни башенками. Однако вместе с гостиницей они исполнили прекрасный дуэт о старом и новом. А вот соседние четырехэтажные дома оставались до недавнего времени неприметными и молчаливыми.

...Однажды Константин Корнеевич Сладкевич ехал с дочерью в машине. Ольга включила радио. Сообщили: Таллин стал парусным олимпийским городом.

— Правда, здорово, папа? — порадовалась дочь.

— Конечно,— ответил отец.

А через неделю главный архитектор Таллина Дмитрий Владимирович Брунс получил письмо от неизвестного ему дотоле маляра по фамилии Сладкевич. Константин Корнеевич написал главному архитектору, что он рад за город, ставший ему родным, хотел бы участвовать в Олимпиаде доступными ему средствами, то есть бесплатно покрасить любой дом. Так вот: что он, Дмитрий Владимирович, об этом думает?

— Тут и началась у нас дружба,— признается главный архитектор.— Пригласили маляра, поговорили по душам, и наступил день, когда было решено подвеселить скучные старые дома у Вируских ворот, для чего и отдать их в полное распоряжение Константину Корнеевичу Сладкевичу.

— Значит ли это доверить ему художественную реставрационную работу?

— Безусловно.

— Обыкновенному маляру?

— Необыкновенному! Сладкевич пришел с тем, чтобы отдать городу безвозмездно свое мастерство. В своем деле он великолепен.

Константин Корнеевич рассказал:

— Ходил я, ходил вокруг домов... Что тут говорить, надо было сработать так, чтобы не мешало Вируским башням, не гасило их. Однажды понял, как оно должно быть... Ах, и хорошо стало на душе! Вот у композиторов, поэтов бывает вдохновение? Я примерно понимаю, что это такое,— будто встает с тобой рядом невидимая радость, и уже душа отделилась от всего будничного, и — пошло! В тот день я взбежал на леса, прошелся по новым доскам цыганочкой, запел «Очи черные». Прохожие задирают головы — что, мол, там за сумасшедший? Или, может, хулиган? А я был счастлив.

По ходу нашей беседы увиделись мне совсем другие края. Украинские хатки под тополями в селе Рогизно; молодая женщина покупает мальчику нечто удивительное, холодновато-колючее: ситро.

— Это одномоментное, единственное воспоминание о маме — скоро она скончалась. Отца еще раньше не стало. Остались мы с братом Адамом сиротами у бабушки. Адам вскоре уехал куда-то. А тут еще угораздило меня бабушкино зеркало разбить — я со страху кинулся по примеру Адама беспризорничать.

А под Киевом занесло его в цыганский табор. Понравились цветастая беззаботная нищета, пляски да песни у костров. Однако чувствовал себя чужим у чужого огня. Ушел. Снова вернулся, сам стал петь и плясать, оказался на всю жизнь обязанным табору безунывностью и хорошей статью.

Однажды сняли его с поезда и отправили в детскую колонию.

— В коммуну имени Дзержинского, к самому Макаренко, можете себе представить? Знать бы тогда, понимать... Только мне было чуть больше десяти лет, пожил я у них два дня и сбежал. А самого Антона Семеновича даже не видел...

Как ни бегал, детдома не миновал, а подрос — послали на киевский завод «Большевик».

— Там-то я и увидел, как маляр рисовал трафареты, и показалась та работа красивой, стал учиться малярному делу. В заводском Доме культуры я всех своей цыганщиной завлекал. В кружке Осоавиахима занимался, в летную школу готовился. Не успел — война началась...

В 1947 году он демобилизовался, вернулся в Киев, а девушка, которая обещала ждать, не ждала. И тут подвернулось в газете незнакомое слово «Лайтсе». Вчитался: комсомольско-молодежная стройка в Эстонии. Подхватил трофейный аккордеон, и в Лайтсе! Работал на стройке с начала до конца — помощником мастера, мастером. Женился, обосновался в Таллине.

— Тридцать два года промчались, словно тридцать два раза кистью мазнул. Мне нынче пятьдесят четыре. Зоя Прокофьевна моя, пока прихварывать не стала, старшим бухгалтером работала, дочка у нас красивая и добрая, она инженером на фабрике «Пунане Койт», внучка Юленька есть. Машину имеем, ну и все, что положено. Люди в моих годах успокаиваются, а мне все кажется: главное впереди. К тому же маляр вроде как обязан быть веселым человеком!

И стал веселый маляр мастером. Иногда стены так покрывал краской, что людям казалось, будто он их шелковым полотном обил, руками трогали — не верили, что краска. А уж если находил под небрежно наляпанными слоями старинную красоту — никого не спрашивая, расчищал и оживлял первоначальный узор и цвет.

На него иногда смотрели как на чудака, на озорного чудака, а он исповедовал одно: жить по совести.

— Никогда не кончится время веселых мастеров! И переходят от одного к другому, из века в век заветы и дела веселых мастеров...

Вот почему в летние месяцы, когда дни длинны, а белые ночи пахнут сиренью и жасмином, он каждый вечер после рабочего дня поднимался на леса на улице Виру. И невидимая радость вставала с ним рядом.

Как-то его окликнул пожилой человек.

— Я живу недалеко и по вечерам наблюдаю за вами,— сказал он.— Мне нравится смотреть на вашу работу. Сегодня прочел в газете, что вы делаете ее бесплатно. Позвольте старому таллинцу поблагодарить вас! — Откланялся церемонно и удалился.

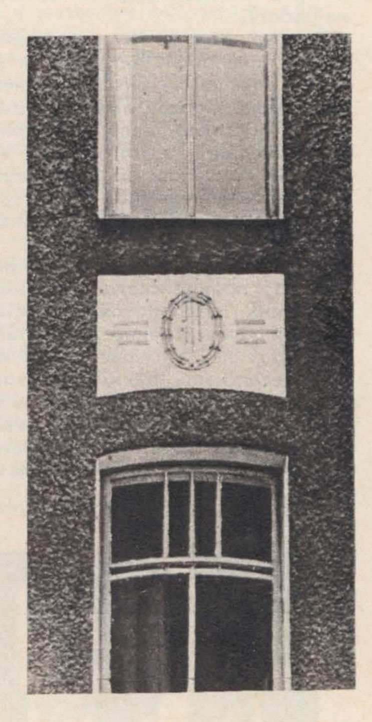
Когда дом был готов, Таллинский горисполком вместе с Олимпийским комитетом чествовал Константина Корнеевича. Начальник отдела подготовки парусной регаты Мати Марк и старший инженер отдела Галина Юлегина вручили маляру сразу три наградных олимпийских значка — бронзовый, серебряный и золотой: «За активное участие в олимпийском строительстве и благоустройстве города». Имя маляра Сладкевича стало известным в городе. Ему было приятно, а как же? Но... Дом стена в стену с тем, первым, оранжевым красавцем, стал еще скучнее. А Константин Корнеевич видел: за его серостью пряталась не менее тонкая красота! И вдруг однажды он про себя понял, каким должен стать второй дом: совсем непохожим на первый. Но все же как-то связанным с его, именно Сладкевича, замыслом...

И снова пошел на улицу Виру, еще ближе к очаровательным башенкам, расчистил поздние безграмотные слои, восстановил первоначальную окраску. Серебристо-серым по белому провел декоративные пилястры, вычертил изящные веночки и вензеля, присущие модерну начала века. Необычайно зазвучало сочетание оранжевого, белого, серебристого в тех домах с темно-серым в башнях...

И снова вручение предолимпийских значков. Теперь за бригаду, которая наводит на отремонтированных им домах последний лоск, а у Константина Корнеевича таких домов пятнадцать, так что его уже можно считать предолимпийским чемпионом.

Воскресная прогулка с дочкой и внучкой

Кистью мастера...

◀ Верность традиции. * Участники марша против нейтронной бомбы. * Мадуродам - Голландия в миниатюре. * Мельницы в предместье Заандама. * Праздник цветов.

Генрих **БОРОВИК**

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА

ИСТОРИЯ ОДНО

Реддитт в сопровождении двух полицейских офицеров сел в служебную машину, которая отправилась к нему. Неподалеку от дома она остановилась, офицер за рулем выключил двигатель и откинулся на сиденье. Все трое молчали.

Положение было глупейшим. Именно сейчас они представляли собой наилучшую, наиудобнейшую мишень для возможного снайпера. Но приказ оставался приказом, они сидели и молчали.

Реддитт не думал о снайпере. Он был уверен, что вся эта история — какая-то ошибка, она скоро выяснится, и его снова пошлют охранять Кинга. Реддитт был уверен также, что Холломен, конечно, послал кого-нибудь заменить его в здании пожарной станции № 2. Ричмонд, понятно, расскажет этому новому детективу, какой план действий они составили на случай возникновения реальной угрозы жизни Мартина Лютера Кинга. Одним словом, он думал о Кинге. Он так часто бывал с ним — каждый раз, когда тот приезжал в Мемфис,— так часто слушал его речи, что, наверное, был его последователем, хотя в общем-то никогда серьезно не задумывался над этим.

Так молча, каждый со своими думами, они просидели в машине минут десять — двенадцать. Затем Реддитт, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, включил радио. И буквально сразу — диктор будто ждал того момента, когда Реддитт повернет ручку приемника,— услышал торопливые слова: «Только что совершено покушение на Мартина Лютера Кинга!..»

Когда ждешь чего-то страшного, это страшное большей частью случается. Реддитт боялся и ждал беды с Кингом. И она пришла.

Сами слова диктора показались ему выстрелом. Даже не в Кинга — в него самого. Он выскочил из машины, побежал к телефону-автомату. Позвонил в полицейское управление, попросил разрешения немедленно включиться в дело, в расследование. Дежурный офицер попросил обождать, видимо, звонил кому-то, разговаривал, затем ответил: «Делайте то, что вам приказано».

Реддитт позвонил на следующий день, в пятницу, 5 апреля, и в субботу, 6 апреля, тоже позвонил. И каждый раз получал подтверждение приказа — оставаться дома. А когда позвонил в воскресенье, 7 апреля, ему сказали, что расследование закончилось и что с понедельника он может возвращаться на работу.

Ну, а что же с покушением на жизнь Реддитта, спросит читатель? А ничего. Он никогда больше не слышал о нем, и никто из начальства ни разу ему об этом не напомнил.

Так обстояло дело с «охраной» Мартина Лютера Кинга в тот день, 4 апреля 1968-го, судя по тому, как об этом рассказал сам Эд Реддитт американскому юристу Марку Лэйну.

В этом эпизоде все чрезвычайно странно и непонятно.

Кому в штате Миссисипи пришло в голову убивать полицейского детектива из штата Теннесси? Предположим, расистам. Но почему решили убить именно Реддитта? Ведь в полицейских силах Мемфиса было несколько черных детективов. Каким образом и зачем об этом поставили в известность секретную службу в Вашингтоне? Ведь секретная служба Соединенных Штатов занимается лишь охраной президента, вице-президента, членов их семей и кандидатов на эти должности. Если, допустим, каким-то случайным образом секретной службе США стало известно о заговоре с целью убийства одного из детективов штата Теннесси, зачем нужно было посылать туда курьером чиновника секретной службы, почему нельзя было сообщить об этом по спецсвязи или даже просто по телефону? Почему нужно было вызывать Реддитта с поста охраны Мартина Лютера Кинга? Почему Холломен приказал Реддитту ехать домой? Ведь если на его жизнь планировалось покушение, то заговорщикам наверняка был известен адрес его дома, и наоборот — вряд ли они могли знать, что Реддитт находится в здании пожарной команды.

Все эти странные обстоятельства, необъяснимые с точки зрения элементарного полицейского профессионализма и простой человеческой логики, выстраиваются, однако, в одну стройную линию, если предположить, что полицейское начальство Мемфиса в лице Фрэнка Холломена по каким-либо причинам не желало держать Реддитта, черного детектива, человека, благоговейно относившегося к Кингу, в охране Мартина Лютера Кинга и, более того, хотело фактически посадить его под стражу. Для такого предположения есть основания.

Дело в том, что в течение 25 лет Фрэнк Холломен являлся сотрудником ФБР. Он служил начальником отделения ФБР в Атланте, штат Джорджия, начальником отделения в Джексоне, штат Миссисипи, начальником отделения в Мемфисе, штат Теннесси. И восемь лет из 25 работал непосредственно в штабе ФБР в Вашингтоне. Со стариком Гувером Холломен пребывал в дружеских отношениях, о чем неоднократно при разных обстоятельствах объявлял с гордостью.

Давая показания в комиссии конгресса США в 1978 году, Фрэнк Холломен сказал, что он «не помнит», кто был тот человек из секретной службы, который примчался из Вашингтона, чтобы оповестить начальника мемфисской полиции о «возможном покушении» на жизнь черного детектива Эдварда Реддитта.

Сам Реддитт уже после событий 68-го года пытался установить, кто же все-таки сообщил Холломену об этом. И не очень удивился, когда узнал, что вашингтонская секретная служба никого не посылала в Мемфис 4 апреля 1968 года, а официальные лица из этой организации никогда не слышали о какой бы то ни было угрозе жизни Эдварда Реддитта.

Комиссия палаты представителей конгресса США, занимавшаяся в 1978 году расследованием убийства Мартина Лютера Кинга, тем не менее объявила, что удаление Реддитта с поста в здании пожарной команды № 2 «не являлось частью какого-нибудь заговора с целью облегчить убийство Мартина Лютера Кинга». Основанием для такого вывода послужило заявление полиции Мемфиса, что «задачей Реддитта и Ричмонда было не охранять Мартина Лютера Кинга, а н а б л ю д а т ь за ним».

Основание, мягко говоря, неубедительное.

ФБР начало «заниматься» Кингом еще в конце пятидесятых годов. Не столько как объектом «охраны», сколько как объектом для нападения. Первый серьезный удар по нему Гувер нанес в 1962 году.

Обоим Кеннеди — Джону и Роберту — президенту и министру юстиции — было доложено в форме служебной записки от Гувера, что «лидер движения за гражданские права Мартин Лютер Кинг находится под коммунистическим влиянием. Это подтверждается хотя бы тем, что его ближайший помощник Стэнли Ливайсон является членом Коммунистической партии США».

Удар был традиционен, вполне в духе времен Маккарти, однако точно рассчитан и вовсе не однозначен, как могло бы показаться на первый взгляд. Выстрел был сделан в Кинга, но рикошетил он и в Джона Кеннеди и в его брата Роберта.

Кеннеди — Кинг — Кеннеди. Это не только формула, выражающая хронологию крупнейших политических убийств в Америке в 1963—1968 годах. Это и формула связи, которая образовалась в начале шестидесятых годов, когда все трое еще были живы. Как охарактеризовать эту связь? Как политическую? Чисто человеческую? Духовную? Возникшую на основе общих принципов, взглядов на демократию, на проблему расовых взаимоотношений?

Может быть, там были элементы всего. Но доминировал все же политический расчет. Расчет не со стороны Кинга, конечно (хотя поддержку Джона Кеннеди он, по-видимому, ценил), но со стороны братьев. Кинг попал в «коробочку» между двумя Кеннеди. И где-то рядом примостился Гувер, бессменный директор ФБР, пользовавшийся этим странным сочетанием К—К—К для своих (и не только для своих) целей. Сочетание К—К—К установилось в 1960 году, когда в Атланте Кинг был арестован за участие в очередной мирной демонстрации в защиту прав черного населения Америки и приговорен к четырем месяцам каторжных работ.

Конец октября 1960 года.

В большой комнате гостиничного номера стены увешаны плакатами: «Голосуйте за Джона Кеннеди!», «Джон Кеннеди и Линдон Джонсон — вот кто вернет Америке идеалы!», «Джон Кеннеди объединит Америку!», «Объединим Америку с Кеннеди!». На сером металлическом канцелярском столе, неожиданном в этом, довольно прилично обставленном номере,— почти десяток телефонов. Лампочки то на одном, то на другом требовательно подмигивают. Звонков не слышно. Но это мигание достаточно настойчиво и утомительно. Джон Кеннеди сидит на диване без пиджака. Рукава белой рубашки подвернуты чуть ниже локтей. Ноги в носках — на журнальном столике, заваленном кипой бумаг. Голова откинута на спинку дивана, глаза закрыты. Кандидат в президенты то ли спит, то ли думает о чем-то, то ли просто отдыхает.

У телефонов — Роберт Кеннеди. Он сидит на канцелярском столе, поставив ноги на стул. Одна телефонная трубка укреплена у него на плече, две другие он держит в руках.

Тэд Соренсен сосредоточенно, опустив очки к пишущей машинке, печатает на ней очередную речь кандидата. Только что протиснулся в дверь, не дав войти в комнату кому-то, оставшемуся там в коридоре, Пьер Сэллинджер, пресс-секретарь будущего президента, и сразу запахло в номере дымом от его вечной сигары.

Сэллинджер подходит к дивану и садится рядом с Джоном Кеннеди.

— Это ты? — не открывая глаз, спрашивает Кеннеди.

Сэллинджер кивает, будто Кеннеди может видеть его.

— Узнаю по запаху,— все еще не открывая глаз, устало добавляет тот так, чтобы слышали все в комнате.— С сегодняшнего дня Сэллинджеру не разрешается подходить ко мне, кандидату демократической партии в президенты Соединенных Штатов Америки, ближе чем на один метр.

— Расстояние, непреодолимое для фамильярности? — спрашивает Сэллинджер.

— Нет, расстояние, на котором ты не можешь поджечь кандидата своей сигарой.

Никто в комнате не улыбается. Не улыбается и Сэллинджер. Не улыбается сам Кеннеди. Все устали.

Идут последние—самые горячие—дни предвыборной борьбы. 8 ноября — выборы, к которым в бешеной гонке мчатся два кандидата в президенты — Кеннеди и Никсон.

— А я решил, кандидат настолько уверен в своей победе, что уже боится фамильярности

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

тех, кому он этой победой будет обязан,— говорит Сэлинджер.

— Кандидат далеко не уверен в победе. Но он так же далеко не уверен в том, что если он ее и одержит, то будет обязан ею тебе, мой дорогой.

Кеннеди наконец открывает глаза, берет какие-то листки бумаги с журнального столика и начинает их просматривать, отхлебывая кофе из пластмассового стаканчика.

— Кандидат будет обязан именно мне своей победой, если примет мое предложение.

— Ты опять о Кинге? И опять выдаешь эту идею за свою, хотя она принадлежит Бобби...

— Потому что для всякой идеи сторонник важнее, чем автор,— откликнулся Роберт Кеннеди.

— Я опять о Кинге,— согласился Сэллинджер.— Его арест слишком большое событие, чтобы кандидат в президенты мог промолчать об этом.

— Не преувеличивай.

Голову от машинки поднял Тэд Соренсен и сказал:

— В эту кампанию ничто нельзя преувеличить. На нынешних выборах невозможен нокаут. Победу будут присуждать по очкам. И ты, высказав свое отношение к Кингу, получишь — не надо много — сто тысяч дополнительных голосов негров, это, может быть, как раз те пол-очка, которые тебе необходимы.

— Сто тысяч негритянских голосов — в плюс и двести тысяч голосов белых южан — в минус? — полуутверждает, полуспрашивает Кеннеди.

— Южане в любом случае не пойдут за тебя горой,— говорит Сэллинджер.— Они в кармане у Никсона.

— Кроме того, многое зависит от того, в какой форме ты выскажешься о Кинге,— добавляет Соренсен.

— Пресс-конференция? — Кеннеди вопросительно смотрит на всех.

— Никоим образом! — качает головой Соренсен.— Ты должен это сделать тоньше. Человечнее. Позвонить, например, жене Кинга и найти теплые слова сочувствия. А уже Пьер потом случайно проболтается корреспондентам об этом звонке. Ведь проболтаешься, Пьер?

— Обязательно проболтаюсь,—кивает Пьер.

— Теплые слова, личные звонки... Ты неисправим,— говорит Кеннеди, не отрываясь от листка бумаги, который он продолжает читать, делая пометки.— Неужели Америка до сих пор не выбила из тебя остатки твоего русского происхождения? Неужели земля этого маленького городка, где родилась твоя мать, как его?..

— Чернигов,— отзывается Соренсен.

— Вот-вот, Чернигов. Неужели эта земля заложила в тебя столько сентиментальщины, что ни холодная шведская кровь отца, ни наш американский футбол не выбили из тебя эту бесполезную дребедень?..— Кеннеди говорит почти зло.— Когда-нибудь старик Джей Эдгар докопается до твоего Чернигова и объявит тебя коммунистическим шпионом. И тогда тю-тю наша с вами президентская карьера.

Соренсен пожимает плечами и снова склоняется к машинке. Сэллинджер серьезно смотрит на Кеннеди, понимая, что все эти ничего не значащие слова—лишь прикрытие: сейчас кандидат думает, думает именно о том, что говорили ему Сэллинджер и Соренсен, выполняя поручение Бобби.

— Я не знаю, докопается ли Гувер до Чернигова,— подает реплику тот, на секунду оторвавшись от телефонов,— но Кинга он тебе не простит.

— Не простит,— соглашается Джон.— Но, во-первых, не надо играть в детскую подначку. Во-вторых, бояться Гувера еще рано. Бояться его мы станем после победы. А сейчас будем бояться только Никсона. Врагов надо бояться по очереди, а не всех сразу.

— Так что же с Кингом? — спрашивает Сэллинджер.

— Соедини меня с Кореттой Кинг,— говорит Кеннеди.

Сэллинджер — будто и не сомневался в решении своего патрона — спокойно поднимается и идет к телефону.

Соренсен протягивает Джону листок бумаги.

— Что это?

— Я тут приблизительно набросал то, что ты хочешь сказать ей.

Кеннеди пробегает глазами несколько строк.

— Чернигов! Ну, ничего, я подсушу, и все будет как надо,— говорит он и оборачивается к Сэллинджеру: — Сразу после моего звонка ты расскажешь о нем корреспондентам, но так, между прочим, среди других дел, почти случайно. Ты понял меня?

— Да, господин президент.

— Вот так-то лучше.

— Но все-таки своей победой вы будете обязаны именно мне, экселенц,— говорит Сэллинджер и стряхивает с пиджака пепел сигары.

Кеннеди позвонил Коретте Кинг, выразил сочувствие ей в связи с арестом ее мужа, сказал также, что высоко ценит его благородную борьбу за гражданские права негров.

Через несколько минут после этого разговора Сэллинджер уже рассказал о его содержании корреспондентам — так, между прочим, среди других дел. Но те оценили новость и, топая башмаками, помчались к телефонным трубкам, чтобы сообщить об этой сенсации в свои агентства и газеты...

Расчет оказался точным. Несколько нелишних тысяч негритянских голосов оказались в предвыборной копилке Кеннеди и в конце концов решили результаты очень «тесных» выборов в его пользу (перевес Кеннеди над Никсоном равнялся всего 119 с половиной тысячам голосов). С тех пор между именами Кеннеди и Кинга в сознании американцев установилась некая моральная общность. И когда Гувер решил обвинить Кинга в «связях с коммунистами», он прекрасно понимал, что это угроза и в адрес обоих Кеннеди.

Свою «записку» Гувер передал в Белый дом 8 января 1962 года сразу же, буквально через несколько часов после того, как Кинг публично обвинил ФБР в том, что агенты и высокопоставленные чиновники этого мощного учреждения попустительствовали избиению местной полицией негритянской демонстрации в Олбани, штат Джорджия.

В записке Гувера было сказано, что поскольку Стэнли Ливайсон, близкий друг и доверенный сотрудник Кинга, «является членом Коммунистической партии США», то, следовательно, сам Мартин Лютер Кинг «находится под контролем этой партии».

Как результат этого вывода, досье на Мартина Лютера Кинга в картотеке Федерального бюро расследований было перемещено в «секцию А».

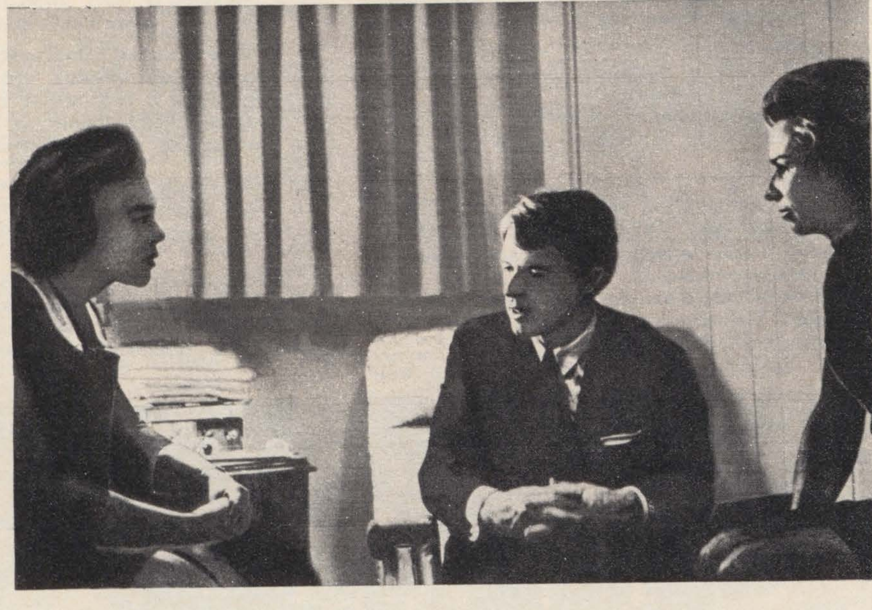
Эта, казалось бы, техническая процедура — перемещение бумаг из одной секции фэбээровской картотеки в другую — значила, однако, очень много. Отныне в случае возникновения в стране «чрезвычайного положения» Кинг подлежал немедленному аресту и изоляции. С этого дня в картотеке Федерального бюро расследований он значился под рубрикой «коммунист». А Гувер теперь имел право требовать от министра юстиции Роберта Кеннеди официального разрешения на прослушивание телефонных разговоров негритянского лидера.

Маленькая деталь. Министерство юстиции, в ведении которого находилось Федеральное бюро расследований, имело право (если не обязанность!) потребовать от Гувера доказательств того, что доверенный сотрудник Кинга является коммунистом. И что Кинг находится «под контролем Компартии США». Министерство юстиции имело полное право (если не обязанность!) просмотреть гуверовское досье, связанное с этим обвинением. Однако министр юстиции Роберт Кеннеди не сделал этого. Не решился.

Другая деталь. Если Гувер обвинял сотрудника Кинга в принадлежности к КП США, то естественным было бы с его стороны запросить разрешения у министра юстиции на прослушивание телефонных разговоров именно этого сотрудника, подозреваемого в «подрывной деятельности». Однако Гувер требовал прослушивания разговоров именно Кинга.

Если бы министерство юстиции побеспокоилось перепроверить обвинения Эдгара Гувера в адрес сотрудника Мартина Лютера Кинга, то оно без труда обнаружило бы, что все обвинение ФБР было построено лишь на том, что один из информаторов ФБР предположил, что Ливайсон в 1954 году принимал участие в деятельности Лиги рабочей молодежи, которая проходила в картотеке ФБР по секции «подрывные организации», однако даже там нигде не называлась коммунистической организацией.

Однако ничего подобного министерство юстиции не предприняло. Мощная фигура старика Эдгара Гувера внушала ужас. Его боялись все президенты Соединенных Штатов. Джон Кеннеди тут не был исключением. И от-

Роберт и Этель Кеннеди беседуют с Кореттой Кинг.

ГО УБИЙСТВА

личался от своих предшественников по Белому дому, может быть, только тем, что ненавидел Гувера больше, чем они. Но поделать с ним в то время ничего не мог. А может быть, и не считал нужным. Ведь Старик, кроме неприятностей, всегда мог доставить любому президенту немалую пользу. И, кстати, доставлял. У любого президента имелись политические противники. На каждого из них Старик имел секретное досье, весьма полезное для человека, обитавшего в Белом доме и сидевшего в кресле под знаменем США в Овальной комнате.

В этой ситуации предать Мартина Лютера Кинга, поддержку которому в том телефонном разговоре президент провозгласил публично, было для него легче и безопасней, чем поссориться со Стариком и оказаться безоружным перед лицом политических противников, настоящих и будущих. Так, по-видимому, размышляли президент и его брат — министр юстиции. И логику их размышлений отчетливо предвидел Гувер, начиная свой поход против Кинга.

А чтобы оба Кеннеди не сомневались в решительности главы ФБР и чтобы ускорить их раздумья — разрешить или не разрешать ФБР прослушивание телефонных разговоров Мартина Лютера Кинга,— Старик распорядился, чтобы слух о том, что в окружении Мартина Лютера Кинга есть коммунисты, проник в печать. Первой ласточкой оказалась статья в газете «Огаста кроникл», в которой утверждалось, что один из руководящих сотрудников при Мартине Лютере Кинге «является членом национального комитета Коммунистической партии США».

Другими словами, Старик вынул нож и показал его холодное лезвие. Более тяжелого обвинения для политического или общественного деятеля в США, чем обвинение в подверженности коммунистическому влиянию, не существует. Такого боятся все — от кинорежиссеров до президентов. «Время негодяев» — эпоха маккартизма — показало, что привычный наркотик антикоммунизма обладает большой силой и те, кто спекулирует им, весьма часто остаются с наживой.

Старик Гувер, конечно, вовсе не был простым бульдогом, который, наклонив голову и не разбирая дороги, бросается на жертву. Он умел предпринимать и обходные маневры, умел, если нужно, даже выдать себя защитником Мартина Лютера Кинга.

Из записи разговора директора ФБР Эдгара Гувера с министром юстиции США Робертом Кеннеди (запись сделана Гувером в 1962 году):

«...Я указал Роберту Кеннеди, что если Кинг будет продолжать свои предосудительные связи, он неизбежно повредит своему собственному делу. Поскольку появляется все больше и больше коммунистов, пытающихся воспользоваться преимуществами, которые дает им участие в движении Кинга. А фанатики-южане, которые выступают против интеграции, начинают обвинять Кинга в связях с коммунистами. Я заявил, что эти связи теперь известны довольно широким кругам, и при нынешней кристаллизации внимания к движению для него не может быть ничего вредоноснее, чем возможность разговоров о связях Кинга с коммунистами...».

В этой записи, конечно, не сказано, что обвинение в «связях Кинга с коммунистами» идет от ФБР, а не от «фанатиков-южан».

Так или иначе, но оба Кеннеди спасовали перед Гувером, понимая, что угрозы против Мартина Лютера Кинга — это одновременно и угрозы против них самих, президента и министра юстиции.

Президент решил направить к Кингу Берка Маршалла, помощника министра юстиции, для того, чтобы «уговорить» Кинга расстаться со своим советником. Маршалл встретился с Кингом и Эндрю Янгом, одним из его ближайших помощников.

ЭНДРЮ ЯНГ. Маршалл сказал во время той встречи, что ФБР информировало министерство юстиции о том, что в движении за гражданские права просматривается коммунистическое влияние и в связи с этим ФБР называет имя советника Ливайсона. Когда я спросил Маршалла, имеются ли у него доказательства того, что Ливайсон связан с коммунистами, он ответил, что никаких доказательств на этот счет от Федерального бюро расследований он не получил.

Когда через 13 лет после описываемых событий — Гувер к этому времени был уже мертв — комиссия сената расследовала деятельность ФБР, то и тогда она не обнаружила никаких свидетельств того, что советник Стэнли Ливайсон был когда бы то ни было членом коммунистической партии.

Вашингтон. Министерство юстиции США.

КОРТНИ ЭВАНС (связной офицер между ФБР и министерством юстиции США). Я могу доложить шефу ФБР о вашем решении разрешить прослушивание телефонных разговоров интересующего нас человека?

РОБЕРТ КЕННЕДИ (министр юстиции США). Да.

— До того, как вы пошлете ему официальный меморандум?

— Да.

— Хорошо. Один вопрос, однако, по-видимому, потребует уточнения.

— Наверное, все-таки вас интересует не столько уточнение вопроса, сколько уточнение ответа, а? Ну, давайте.

— Ваше разрешение касается телефонов интересующего нас человека и в его доме и в его офисе?

— Касается...

— Интересующий нас человек...

— Я прошу вас, называйте его по имени. Я никак не могу привыкнуть к вашей таинственной терминологии.

— Но если кто-то узнает, что министр юстиции Роберт Кеннеди распорядился установить электронное оборудование...

— Вы не забудете отметить это в своем мемо?

— Не забуду,— ответил Кеннеди и, закончив перешнуровывать ботинок, опустил ногу.— Вот теперь, кажется, все в порядке,— довольно произнес он и даже попрыгал на одной ноге, наслаждаясь тем, что ботинок больше не жмет...— Мне прислали новые кеды для тенниса — Джека Креймера,— такие удобные, что после них любые ботинки — даже мои старые — жмут. Вы не пробовали играть в креймеровских кедах?

— Я не очень люблю теннис.

— Зря. Единственная игра, в которой интеллект полностью отключается.

— Мне опасно отключать свой интеллект,— без улыбки сказал офицер.— Вдруг после игры не включится.

Роберт Кеннеди захохотал громко и хлопнул Эванса по плечу.

— Передайте привет своему шефу.

— Спасибо, ему будет приятно.— Офицер направился к выходу.

— Да, и вот еще что,— сказал министр юстиции, остановив собеседника уже у самой двери.— Это разрешение действительно только на один месяц.

— Не понимаю...

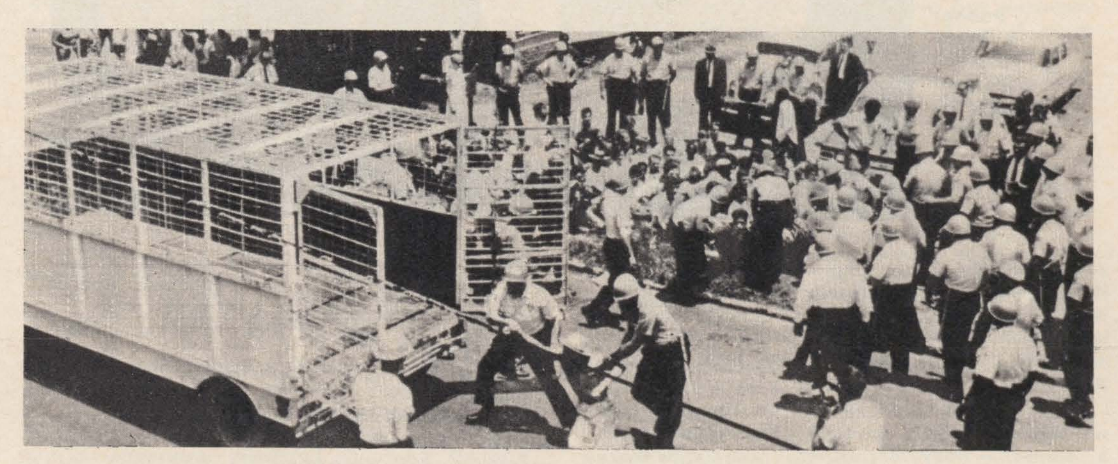
— Если в течение этого месяца вы выловите что-либо существенное, что подтвердит ваше заключение о его связях с коммунистами, мы продлим разрешение на прослушивание. Если же невод придет пустым — прекратим. Ясно?

— Ясно. Однако...

— Всего хорошего.

— Всего хорошего...

С этого момента ФБР имело право устанавливать электронное оборудование во всех частных домах или гостиничных номерах, в которых останавливался Мартин Лютер Кинг.

Мемфисская полиция разгоняет демонстрацию борцов против расизма.

— А что, такое оборудование стоит уже и в моем кабинете? Во-первых, я не распорядился, а согласился с требованием Федерального бюро расследований. Это уточнение будем считать важным. Хорошо? Во-вторых, я надеюсь, что без моего разрешения ваше ведомство не устанавливает прослушивающей аппаратуры...

— Господи, конечно!..

— ...хотя бы в моем кабинете...

— Можно продолжать?

— Пожалуйста.— Роберт Кеннеди поставил ногу на стул и принялся перешнуровывать ботинок, стоя к Эвансу вполоборота.

— Так как известно, что интересующий нас чело... простите, Мартин Лютер Кинг,— произнес Эванс отчетливо, будто диктуя имя машинистке,— как известно, много путешествует по стране и за границей... Можно сказать, большую часть времени он проводит вне дома и вне офиса...

— Я согласен,— прервал его Кеннеди.

— Согласны на что?..

— На требование вашего учреждения прослушивать номера всех отелей, где останавливается Кинг, все телефоны, по которым говорит и будет разговаривать Кинг. Если речь идет о выявлении возможного коммунистического влияния, я считаю, что наблюдение должно быть максимально полным.

Бесстрастная пленка записывала все разговоры — не только телефонные. И, конечно, не только те, которые вел Кинг. В ФБР это называлось full treatment — «полная обработка».

ВОПРОС. Итак, министр юстиции дал разрешение на прослушивание, хотя у него не было никаких данных о том, что Мартин Лютер Кинг занимается деятельностью, опасной для интересов Соединенных Штатов?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. **Если бы я не дал санкции на прослушивание разговоров Кинга, кто-нибудь в конце концов разрешил бы прослушивать мои собственные разговоры.**

ВОПРОС. Эта фраза была произнесена министром юстиции в присутствии Кортни Эванса, сотрудника Гувера?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. **Да.**

ВОПРОС. Для того, чтобы Старик получил не только то, чего добивался, но еще и насладился поражением Роберта Кеннеди?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. **Наши отношения с ним были очень напряженными. Нужен был этот жест — только слова, ничего больше! — чтобы привести его в хорошее расположение. Я надеялся получить за это некоторые уступки в дальнейшем.**

ВОПРОС. Разве Старик был способен на уступки?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. **Он был весьма маневренным человеком. Несмотря на тяжелую комплекцию. Если нужно, он умел уступать.**

ВОПРОС. То, что сделал министр юстиции США, было нарушением закона?

РОБЕРТ КЕННЕДИ. **Гувер хотел уничтожить Кинга, это ясно. Мне известна одна история о человеке, который какое-то очень короткое**

время был связан с коммунистической партией, а затем порвал с нею. В 1960 году он работал в Национальном комитете демократической партии. В то время мой брат Джон Кеннеди выставил свою кандидатуру на пост президента. Гувер ненавидел брата. Он стал собирать досье на всех, кто имел отношение к предвыборной кампании Джона. Когда он узнал о том человеке, он распорядился, чтобы в прессу «просочилась» информация, будто у Кеннеди в Национальном комитете служит коммунист. В газетах появились заголовки, и это вызвало такие кривотолки, что Джону пришлось расстаться с тем человеком. Я знаю много способов, как можно злоупотреблять подобными сведениями... Предположим, я отказал бы Гуверу — не дал бы разрешения на прослушивание телефонных разговоров Кинга. Вы представляете последствия? Не только для Кинга... Нет в стране человека, который мог бы похвастать, что не боится Джея Эдгара Гувера. Нет. Во всяком случае, среди тех, кто хотя бы в какой-то степени занимается политикой. Поверьте мне. И все же у этого решения имелся и другой мотив. Более важный.

ВОПРОС. **Какой?**

РОБЕРТ КЕННЕДИ. Гувер хотел этим подслушиванием уничтожить Кинга. Мы оба были уверены, что подслушивание не подтвердит обвинения, которое выдвинул против Кинга Гувер...

Первый «отельный» микрофон для круглосуточного подслушивания всех разговоров, ведущихся в номере, был установлен в вашингтонском отеле «Уиллард», где Кинг жил в одном квартале от Белого дома. Ведя наблюдение за Кингом, ФБР размещало также микрофоны в других отелях Вашингтона, в Милуоки, Гонолулу, Лос-Анджелесе, Детройте, Сакраменто, Саванне, Нью-Йорке. По распоряжению ФБР местная полиция Майами, Нью-Йорка и нескольких других городов устанавливала микрофоны и прослушивала разговоры Кинга даже в церквах.

ЭНДРЮ ЯНГ. Однажды — это было в Селме, штат Алабама — мы нашли микрофон, спрятанный в церковной кафедре. Мы извлекли его и поставили перед оратором на виду у всех, а преподобный Абернети назвал его «маленьким мерзавцем» и сказал: «Я хочу напомнить мистеру Гуверу, нехорошо держать такой дорогой микрофон где-то внизу в дырке, где так много статического электричества. Пусть этот маленький мерзавец стоит тут перед нами — прямо, без помех». И принялся молиться в микрофон Федерального бюро расследований.

28 августа 1963 года 250 тысяч участников движения за гражданские права вышли на улицы Вашингтона, чтобы этой демонстрацией ускорить принятие Акта о гражданских правах.

В тот день Мартин Лютер Кинг произнес свою, ставшую известной всему миру речь, начинавшуюся словами: «Я мечтаю...»

«Я мечтаю о том дне, когда на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть вместе за стол братства. Я мечтаю о том дне, когда даже штат Миссисипи, штат, изнемогающий от зноя угнетения, будет превращен в оазис свободы и справедливости.

Я мечтаю о том дне, когда четверо моих маленьких детей будут жить в стране, где о них станут судить не по цвету их кожи, а по их характерам.

Я мечтаю о дне, когда каждая долина будет возвышена, а каждый холм и гора понижены. Неровные места будут выровнены, а кривые — выпрямлены. С этой верой я вернусь на Юг. С верой в то, что из горы отчаяния мы сможем высечь камень надежды. С верой в то, что мы сможем работать вместе, молиться вместе, бороться вместе, идти в тюрьму вместе, вставать за свободу вместе, зная, что когда-нибудь мы станем свободны...

Если мы дадим свободе звенеть, если мы дадим ей звенеть в каждом городе и поселке, в каждом штате, мы сможем приблизить тот день, когда все божьи дети — черные и белые, верующие и неверующие, протестанты и католики — смогут взяться за руки и словами старого негритянского духовного гимна сказать: «Свободны наконец! Свободны наконец! Великий всемогущий боже, мы свободны наконец!»

Эту речь цитировали во всем мире. Кадры хроники, запечатлевшие выступление Кинга, демонстрировались на киноэкранах многих стран.

ФБР доложило правительству, что среди 250 тысяч демонстрантов оно насчитало «не менее двухсот коммунистов». Разведывательное управление ФБР направило Эдгару Гуверу записку, в которой говорилось: «Кинг на голову выше всех других негритянских лидеров, вместе взятых, если речь идет о его влиянии на огромные массы черного населения. Мы должны отныне считать его самым опасным негром для будущего нашего государства с точки зрения коммунизма, негритянского движения и государственной безопасности... Легальные методы борьбы с ним могут оказаться недостаточными. Было бы неразумно ограничивать самих себя юридически законными методами или обязательно убедительными свидетельствами для доказательства перед комитетом конгресса связи Кинга с коммунистами...»

Практически это было начало войны против Кинга всеми средствами. Дозволенными и недозволенными.

18 октября 1963 года ФБР официально распространило в столице США «меморандум» о Кинге. Меморандум этот был направлен не только в министерство юстиции, но также в Белый дом, в Центральное разведывательное управление, в государственный департамент, в министерство обороны, в разведывательное управление министерства обороны (РУМО). В этом меморандуме Кинг обвинялся в связях с коммунистами, но нападки на него не ограничивались только этим.

ВОПРОС. **Там были какие-нибудь данные о связях Кинга с коммунистами?**

БЕРК МАРШАЛЛ **(помощник министра юстиции). Нет, этот официальный меморандум фактически был документом личного характера...**

ВОПРОС. **То есть?**

МАРШАЛЛ. **Атакой на личность Кинга, атакой — безо всяких доказательств — на его характер, его моральный облик, на самого человека, доктора Мартина Лютера Кинга.**

ВОПРОС. **Но ведь все эти вопросы, связанные с характером человека, не имеют никакого отношения к ФБР. ФБР, насколько известно, занимается безопасностью США, не так ли?**

МАРШАЛЛ. **Этот документ только очень отдаленно относился к чему бы то ни было, связанному с такими вопросами, как, например: существует ли коммунистическое влияние в движении за гражданские права?.. Это была просто персональная, личная атака на человека.**

ВОПРОС. **Но ведь здравомыслящие люди из руководящего состава учреждений, куда был послан меморандум ФБР, должны были понимать это. По логике вещей они должны были вернуть меморандум Гуверу с протестом. Сделал ли кто-нибудь это?**

МАРШАЛЛ. **Насколько мне известно, нет.**

Распоряжение Роберта Кеннеди о том, что для прослушивания разговоров Мартина Лютера Кинга агентами ФБР устанавливается испытательный срок в один месяц, не было выполнено. За этот месяц произошло множество событий. Одно из них — выстрелы 23 ноября 1963 года в Далласе, оборвавшие жизнь президента Кеннеди.

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ. Хотя вопрос, кто убил президента Кеннеди, важен, еще более важен вопрос, что убило его. Наш покойный президент был умерщвлен морально неприветливым климатом... Своей смертью президент Кеннеди говорит нам всем нечто важное. Он говорит кое-что любому политикану, который кормит своих избирателей черствым хлебом расизма и гнилым мясом ненависти. Он говорит кое-что любому священнику, который видит зло расизма и тем не менее хранит молчание, сидя в безопасности за цветными стеклами своей церкви... Он говорит нам всем, что этот вирус ненависти, просочившийся в вены нашей нации, неизбежно приведет к нашей моральной и духовной гибели, если мы не будем его сдерживать.

Когда Мартин Лютер Кинг узнал о смерти президента Кеннеди, он сказал своей жене Коретте: «Со мной произойдет то же самое. Я же говорил тебе, что это больное общество».

«Я ничего не могла ответить ему,— рассказывает Коретта.— Я ничем не могла утешить мужа, я не могла сказать: «С тобой этого не произойдет». Я чувствовала, что он был прав. Молчание было мучительным. Я придвинулась к нему и взяла его за руку...»

Продолжение следует.

ВСЕ ЛЮДИ БУДУТ ТАКИМИ...

«Доброе имя должно быть у каждого человека. Лично я видел это доброе имя в славе своего отечества. Мои успехи имели исключительной целью его благоденствие»,— написал как-то А. В. Суворов.

Добрую славу делами своими на благо Родины оставил у соотечественников и Борис Сергеевич Стечкин, герой книги Феликса Чуева, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», выдающийся советский ученый в области двигателестроения и теплотехники, основоположник теории воздушно-реактивных двигателей. Он и ввел в научный обиход этот термин — «воздушно-реактивные двигатели».

Приобщил Стечкина к авиации родственник его Н. Е. Жуковский, рано распознавший в нем удивительные способности к точным наукам. Стечкин был любимым учеником Жуковского. Это его называл Николай Егорович «наша голова».

С моторами была связана вся жизнь Б. С. Стечкина. Начиная с первого, сработанного еще в 1916 году для танка, окрещенного его создателями грозным именем «Нетопырь». Принимал он участие и в строительстве аэросаней. Всего-то их сделали пять штук, и они очень помогли в ликвидации кронштадтского мятежа в марте 1921 года. Вообще всю жизнь он любил что-то изобретать и имел десятки авторских свидетельств.

Стечкин был одним из создателей ЦАГИ, много и плодотворно работал в Центральном институте авиационного моторостроения, был директором Института двигателей Академии наук СССР, научным руководителем отдела в КБ С. П. Королева, своего бывшего ученика. Крупный ученый-теоретик, он преподавал и в вузах — в МВТУ, МАИ, «Жуковке», МАДИ.

Воспитал Борис Сергеевич и множество учеников — А. А. Микулина, С. К. Туманского, С. В. Ильюшина, А. С. Яковлева, А. И. Микояна...

Ярким, неуемным, неистовым и глубоко человечным встает Стечкин со страниц книги. «Обязательность, простота и серьезность, доступность и благожелательность, доброта — все это уживалось в нем»,— вспоминает один из знавших его. «Стечкин потрясал глубиной мышления и огромной эрудицией в самых разных областях науки и техники»,— утверждал другой. «Я думаю, при коммунизме все люди будут такими, как Борис Сергеевич Стечкин»,— рассуждает третий.

Не случайно героем книги Ф. Чуева стал такой человек, как Б. С. Стечкин. Феликс Чуев вырос в семье летчика, его жизнь и интересы тесно связаны с авиацией, которой он, став поэтом, посвятил много стихов. С глубокой заинтересованностью погрузился он в материалы о жизни и творчестве «бога моторов». Он встретился с сотнями людей, знавших ученого, перерыл груду документов в Научно-мемориальном музее Н. Е. Жуковского. Оттого столь достоверен, убедителен образ Б. С. Стечкина в этой книге. Читатель увидит его среди домочадцев и друзей, на преподавательской кафедре вуза, в лаборатории или на заводе, на охоте, а то и копающимся в неисправном моторе автомобиля посреди дороги (а у него были самые старые водительские права в стране — с 1912 года!).

Б. С. Стечкин прожил долгую и трудную жизнь (умер он в 1969 году). Много событий прошумело, много судеб людских сплелось с его судьбой. Колоритно воссоздает Ф. Чуев атмосферу времени, когда жил и творил его герой, образы тех, с кем сталкивала его кипучая жизнь страны. И во весь рост встает монолитная фигура Стечкина, видного советского ученого и патриота, отдавшего жар своего сердца без остатка Родине.

Л. НАТОЧАННАЯ

Феликс Чуев. Стечкин. М. «Молодая гвардия». 1978, 256 стр.

1

Фото А. НИКОЛАЕВА

ЭТО

Новый спортивный зал «Дружба» не узнать: вместо взволнованных болельщиков — зачарованная публика. Азарт и ловкость — постоянные спутники любых соревнований — на этот раз уступили место ритмике, очарованию танца. Так проходил в Москве IV международный конкурс исполнителей бальных танцев социалистических стран.

Прославленные чемпионы фигурного катания, гости конкурса Людмила Пахомова и Александр Горшков с восторгом говорят:

— Можно бесконечно восхищаться каждой парой! Мы верим, что у бальных танцев и фигурного катания впереди большая, крепкая дружба.

Высшую оценку получили Даля и Видас Камайтисы из Вильнюса, Людмила и Станислав Поповы из Москвы, Дана Паштекова и Милослав Деканек из Братиславы.

М. БОЧИНИНА

2

3

1 Танцуют все пары.

2 Высший приз IV международного конкурса — у Людмилы и Станислава Поповых (СССР).

3 Второе место за исполнение латиноамериканских танцев получили чехословацкие участники конкурса Д. Паштекова и М. Деканек.

4 Судьи иногда расходились во мнениях...

5 Но никто из участников не остался без призов. Их вручал председатель жюри народный артист СССР К. Сергеев.

6 Танцоры из ГДР Б. Штраубе и Ф. Виганд.

КРАСИВО!

4

5

6

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

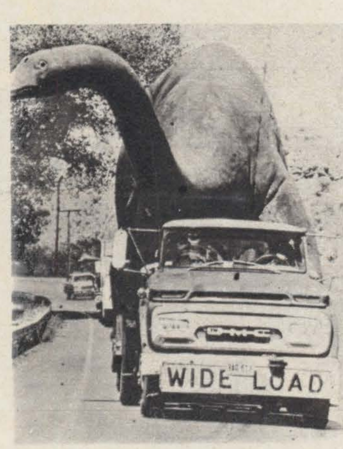
Самые первые

«Скучновато, когда хозяин и я первыми приходим на собачью выставку. Ничего не остается, как еще раз почитать программу соревнований...»

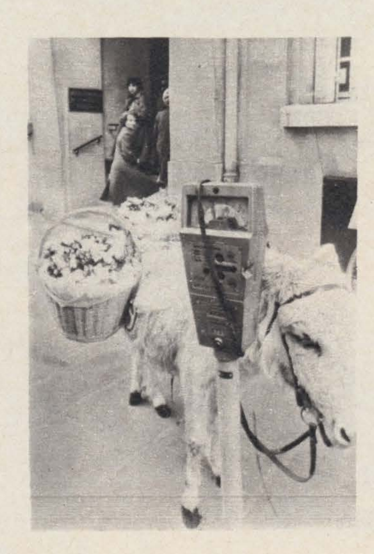
Как настоящий...

Этот необычный «пассажир» — один из муляжей доисторического динозавра — направляется к месту своего постоянного пребывания — Национальный парк города Вернала в США.

Заслуженное признание

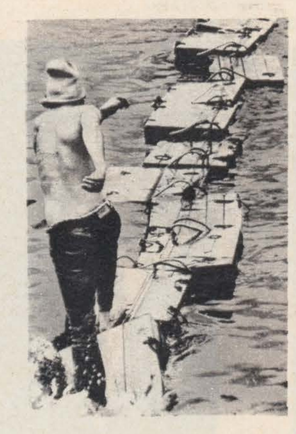
Можно ли представить перенаселенный город без работников канализации? В Швеции их заслуженно называют «стражами здоровья». А на одной из площадей в самом центре Стокгольма в их честь воздвигнут вот такой оригинальный памятник.

Аккуратный шофер

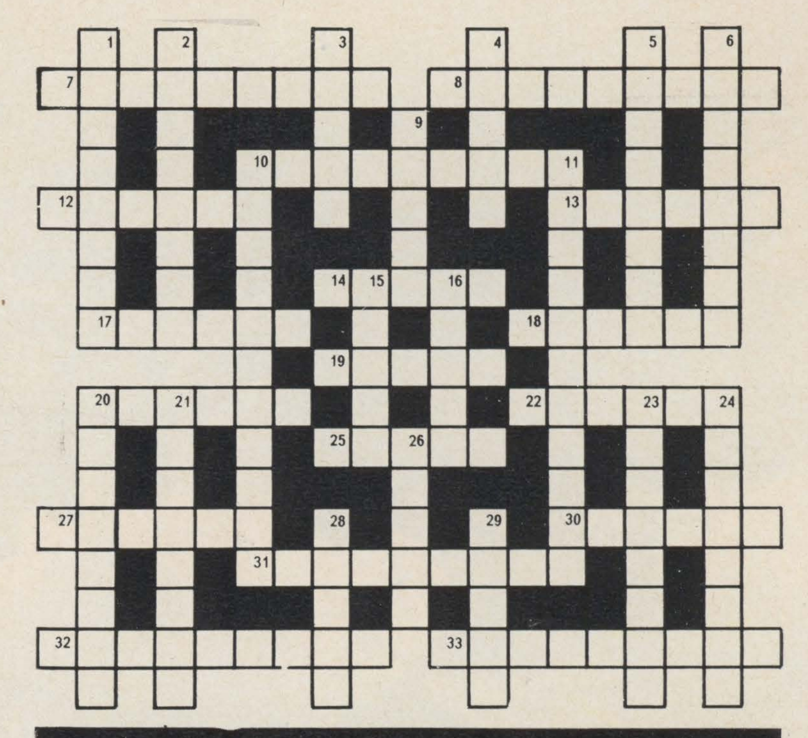
Этот белый ослик, нагруженный корзинами с букетиками лаванды, которые его хозяин продает жителям французской столицы, хорошо знает правила уличного движения и место стоянок...

Выйти сухим из воды — так можно назвать игру, родившуюся на одной из ферм США. Дорожкой для состязаний стали... садки. Условия игры просты: добраться по шатким ящикам до берега, не соскользнув в ледяную осеннюю воду.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Внешняя твердая оболочка Земли. 8. Персонаж повести А. С. Пушкина «Дубровский». 10. Декоративное растение, цветок. 12. Архитектурное оформление входа в здание. 13. Сибирская река. 14. Линейка или циферблат с делениями в приборах. 17 Горная порода, строительный материал. 18. Полуостров, омываемый Адриатическим морем. 19. Духовой клавишный инструмент. 20. Животное семейства оленей. 22. Жилое помещение для команды на морских судах. 25. Столица государства в Западной Африке. 27. Аттракцион в местах общественных гуляний. 30. Норвежский исследователь Арктики. 31. Порт на Волге. 32. Одна из первых славянских азбук. 33. Промышленность.

По вертикали: 1. Специалист, изучающий водные пространства земного шара. 2. Лак, применяемый для отделки мебели. 3. Стиль плавания. 4. Длиннохвостый попугай. 5. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 6. Государство на Скандинавском полуострове. 9. Лирическая песня молдаван и румын. 10. Наука о ледниках. 11. Вьющееся растение семейства тыквенных. 15. Оконечность корпуса судна. 16. Река во Франции. 20. Советский живописец, художник-передвижник. 21. Выведение улучшенных сортов растений и пород домашних животных. 23. Результат вычитания. 24. Польский астроном, раскрывший истинное строение Солнечной системы. 26. Размер типографского шрифта. 28. Картина художника-передвижника Г. Г. Мясоедова. 29. Авиационное подразделение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 5. «Океан». 7. Теплоход. 9. Вернисаж. 11. Скип. 12. Каракорум. 14. Урал. 15. «Трутень». 16. Клинтух. 19. Лазурит. 20. Подошва. 21. Поэтика. 23. Хроника. 28. Жерлица. 29. Исполин. 32. Кекс. 33. Яблочкина. 34. Конь. 35. Мельбурн. 36. Макароны. 37. Ирина.

По вертикали: 1. Родари. 2. Гераклит. 3. Январь. 4. Пескарь. 6. Сарапул. 8. Лопатка. 10. Игумнов. 12. Консультация. 13. Молдовеняска. 17. Килька. 18. «Косарь». 22. Область. 24. Киоскер. 25. Тетерев. 26. Корчагин. 27. Пианино. 30. Ельник. 31. Мичман.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На вахте — инженер Светлана Зеренкова (слева) и лаборант Татьяна Бабенко. * Одесский припортовый — ночная смена. (См. в номере репортаж «Завод у моря».)
Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимой.
Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 285-79-64. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33: Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 28.12.79. Подписано к печати 15.01.80. А 00306.
Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 275. Заказ № 1716.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рис. КУКРЫНИКСОВ

Не надо и улик:
Он без улик двулик.

Дм. ДЁМИН

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663